

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ
П.А.ВЯЗЕМСКОГО С
А.И.ТУРГЕНЕВЫМ.
1824-1836

Петр Вяземский

**Переписка князя П.А.Вяземского
с А.И.Тургеневым. 1824-1836**

«Public Domain»

1836

Вяземский П. А.

Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым.
1824-1836 / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1836

«Поздравляю тебя, моя радость, с 1824-ю радостью по Рождестве Христове. Когда придет новая эра? Право, пора! А пока ожидаю коляски, которая все еще едет или не едет. Мы в Москве с детьми и порядочно устроились в своей хижине, светлой и чистой. Не будешь ли сюда, хоть к поре блинов? Или хочешь куличей? Тебя ведь в голодное время ждать нечего. Ты умеешь выбирать время. Меня скопцом вывели в «Полярной», не хуже Загряжского, и я остался при законной части. Да неужели было у меня: «Русский царь в шляпе»? Понять не могу и припомнить, когда доставил им эту песню, написанную мною тотчас после Двенадцатого года, когда это выражение было точно в народном употреблении. Не люблю ни писать задним числом, ни думать задним умом, ни чувствовать задним чувством. Всею свое время и свое место. Я сгорел, как прочел этот стих. Сделай милость, защищай меня от недоброжелателей...»

Содержание

1824.	8
577.	8
578.	9
579.	10
580.	11
581.	12
582.	13
583.	14
584.	15
585.	16
586.	17
587.	18
588.	19
589.	20
590.	21
591.	22
592.	23
593.	24
594.	25
595.	26
596.	27
597.	28
598.	29
599.	30
600.	31
601.	32
602.	33
603.	34
604.	35
605.	36
606.	37
607.	38
608.	39
609.	40
610.	41
611.	42
612.	43
613.	44
614.	45
615.	46
616.	47
617.	48
618.	49
619.	50
620.	51
621.	52

622.	53
623.	54
624.	55
625.	56
626.	57
627.	58
628.	59
629.	60
630.	61
631.	62
632.	63
633.	64
634.	65
635.	66
636.	67
637.	68
638.	69
639.	70
640.	71
641.	72
642.	73
643.	75
644.	80
645.	81
646.	82
647.	83
648.	86
649.	87
650.	88
651.	90
652.	91
653.	92
654.	93
655.	94
656.	95
657.	96
658.	97
659.	99
660.	100
661.	101
662.	102
1825.	104
663.	104
664.	106
665.	107
666.	109
667.	110
668.	111
669.	112

670.	114
671.	115
672.	116
673.	117
674.	118
675.	119
676.	120
677.	121
678.	122
679.	123
680.	124
681.	125
682.	126
683.	127
684.	128
685.	129
686.	130
687.	131
688.	132
689.	133
690.	134
691.	135
692.	136
693.	137
694.	139
695.	140
696.	141
697.	143
1826.	145
698.	145
699.	146
700.	147
701.	148
702.	149
703.	150
704.	151
705.	153
1827.	154
706.	154
707.	157
708.	162
709.	163
710.	165
711.	166
712.	168
713.	169
1828.	170
714.	170
715.	173

716.	176
1830.	178
717.	178
718.	180
719.	183
720.	186
721.	188
722.	189
723.	190
724.	194
725.	195
1832.	196
726.	196
727.	198
728.	200
Конец ознакомительного фрагмента.	202

1824.

577.

Князь Вяземский Тургеневу.

7-го января. [Москва].

Поздравляю тебя, моя радость, с 1824-ю радостью по Рождестве Христове. Когда придет новая эра? Право, пора! А пока ожидаю коляски, которая все еще едет или не едет. Мы в Москве с детьми и порядочно устроились в своей хижине, светлой и чистой. Не будешь ли сюда, хоть к поре блинов? Или хочешь куличей? Тебя ведь в голодное время ждать нечего. Ты умеешь выбирать время. Меня скопцом вывели в «Полярной», не хуже Загряжского, и я остался при законной части. Да неужели было у меня: «Русский царь в шляпе»? Понять не могу и припомнить, когда доставил им эту песню, написанную мною тотчас после Двенадцатого года, когда это выражение было точно в народном употреблении. Не люблю ни писать задним числом, ни думать задним умом, ни чувствовать задним чувством. Всему свое время и свое место. Я сгорел, как прочел этот стих. Сделай милость, защищай меня от недоброжелателей. Очисти меня от хвостовщины и сбереги мою девственность. Кстати о девстве: рязанский Ржевский привез сюда на продажу дюжины две – (по крайней мере он ручается) и к тому же танцовщиц. они пляшут здесь на показ на итальянском театре: Россини и Россияда вместе! Хорошо, если купила бы их императорская дирекция. Все были бы они свободны, по крайней мере, столько же, сколько и мы.

Что же обещанные книги? Если есть в тебе душа и совесть, сыщи Аннету Голицыну, варшавскую, дочь Ланского, по только тотчас и скажи ей, что я жду водевиль из театральной цензуры; что если найдется кое-что непозволительного, то пускай вымарают, а не задерживают и присылают то, что может быть сказано и пето, не оскорбляя Бога, царя и ослиных ушей, того и другого, и третьего, и четвертого, и пятого. Она знает, в чем дело. прости, моя душа! Вот афишка о Ржевском; афиши пишет Апраксина.

Подари мне на новый год пакетов по образцу этого, только не скупись.

578.
Тургенев князю Вяземскому.

11-го января. [Петербург].

Елена Безобразова помолвлена третьего дня за гусарского полковника графа Апраксина, племянника графа Разумовского.

Скоро ли напечатаете «Ключ»? Пришли тотчас экземпляров пять, и один или два получше.

День бракосочетания еще неизвестен по нездоровью великого князя. Что ты замолк, соловушко? Тургенев.

579.

Тургенев князю Вяземскому.

16-го января. [Петербург].

Весь город плачет по смерти Чернышевой. Милое создание, которому улыбалось счастье, трое суток мучилось и успело только пережить дитя свое и проводить его в лучший мир. Муж в плерезе и был в жестоких обмороках. Старуха Козицкая и мать приняли последний вздох умирающей. Все семейство в горести ужасной. В том же доме, и за несколько дней перед тем, умерла родами же, за несколько же дней перед Чернышевой вышедшая замуж Козловская, урожденная княжна Мещерская. Когда ее выносили из дома, то пение надгробного хора доходило до слуха мучившейся уже родами Чернышевой.

Государь болен лихорадкою и рожею на ноге. Сегодня, благодаря Богу, легче, но он ходить не может и приехал из Царского Села больной. Неделя должна была быть бальная, а вышла больная. Татищева собиралась дать бал; Елена её утопает в блаженстве. Третьего дня был я, после трехгодичной разлуки, у князя Serge Golitzin; застал там Юсупова вашего и излил перед ним всю желчь за продажу танцовщиц. Он защищал это и показал себя тем, что есть. Этом и шутить не позволено. Если князь Д[митрий] В[ладимирович] сюда не будет, то я намерен писать к нему, указав на продажу сию в его столице. Что же будут делать на Вятке? Слава Богу: там почти одна казенщина! Неужели Апраксина знает о сем и молчит? Доставь мне поболее подробностей. Я донесу на нее графине Строгоновой.

Сказывают, что «Ключ», уже печатный, здесь, а я его еще не имею. Читал ли ты его «Русалку»? Если нет, то пришлю: старая пьеса, прелестная, неодобренная еще Тимк[овским].

Водевиль твой пропущен без перемены и сегодня возвращается в Москву. Я сам говорил с Ланским. Доставь сюда, если напечатаешь.

Читал ли в «Journal de Paris» 2 Janvier 1824 статью об «Антологии» Сен-Мора? Мейстер собирается отвечать и оправдывать Крылова. Он посадил в котел Вольтера, а не Крылов. Умница наш был осторожнее. Впрочем, по делу. «Les morceaux les plus remarquables sous le rapport de l'originalité et de l'agrément des pensées sont «Swètlana», par m-r Joukoffsky, «Une épître» de m-r le comte de Kwastoff, «Les «deux pêcheurs» de Gneditch et «Le Tasse mourant» de Batuschkoff». Если последний прочтет это, то в другой раз с ума сойдет; да я опасаюсь и за радость графа Хвостова. Впрочем, тот же рецензент говорит, «que le peuple russe reût son alphabet des mains de Pierre le Grand».

580.

Князь Вяземский Тургеневу.

17-го января. [Москва].

Не я замолк, а ты. Недавно писал я к тебе и, кажется, еще à la Galiaui, да и прислал множество писем Дашкову, Туркулю и пр., и пр.

Наш водевиль возвратился из цензуры театральной, которая в нелепости не уступает сестре своей. В итальянской «Cendrillon» Dandini, глядя на сестер, поет к ним: «Son'tutte rara».

Вчера был прекрасный бал у симбирского маркиза Киндякова. Им только Москва и держится, и движется.

«Фонтан», а не «Ключ»: сколько раз я тебе говорил, а ты все свое несешь, уже печатается. Я готовлю к нему «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны». Припечатываются и «Разбойники», ради составления книжечки.

Узнай стороною, будет ли мне по старому присылать Греч «Сына» своего даром, а не то подпишись. Я не в милости у петербургских словесников: je perds ma popularité. Главное сердце на меня за Булгарина, литературного Фигаро (ум в сторону) и за Крылова, которого поставил я ниже Дмитриева.

Трокадерский герой здесь и приехал, сказывают, – жениться на Комбурлеевой, которых я еще не встречал в обществе. Что же скажет твое сердечко на Черной Речке? Или ты утешься тем, что останется при тебе кухарка. Неужели не будешь в Москву? 30-го готовится маскарад у Бобринской на весь город. Приезжай!

Ваш Филарет запретил итальянцам давать «Моисея». Ты видишь, и у нас, как в Париже, и у нас своя Сорбонна. Дай срок, поболее образуемся, и заведется и своя инквизиция. Прощай, мой кандидат инквизиторства! Пушкина сейчас была здесь и тебе кланяется, и брату, которому готовится отвечать. Поздравь от меня Безобразову, если увидишь. Кланяйся Карамзиным, а писать им буду на следующей.

На обороте: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. В доме Министерства просвещения. В С.-Петербурге.

581. Князь Вяземский Тургеневу.

21-го января. [Москва].

Я и сам сердечно оплакиваю Чернышеву. Я узнал и полюбил эту милую малютку на Макарьевской ярмонке. Подите, разгадайте жизнь и хозяина её!

Я хотел тебе много писать, но у меня Верстовский и Булахов, здешний певец отличный, но актер деревянный и беспамятный. В четверг идет водевиль, а он своей роли не знает. Втираем ее в него фрикциями, а иначе никак не проберет его. Если напечатается, то разумеется пришло. А напечатать нужно будет, потому что ее верно убьют в игре.

Будь покоен: «Фонтан» у тебя у первого будет. Об Ржевском замолкли: он куда-то уехал. Отдай афишу барышням Карамзиным: знай наших! Обнимаю тебя сердечно.

Я газет никаких не читаю и потому и не знаю, что сказано в них о St.-Maure, который сущий мавр и араб. Пришли, что есть и что скажет Мейстер.

Басня Крылова подлая и угождение нынешнему мнению. Она мне всегда была тошна.

Приписка А. Я. Булгакова.

Ну, где вам, петербургским, за нами угоняться! Посмотри, душа моя, подивись и прочти афишку, привезенную сейчас к Вяземскому Львовою-Синецкою-Кокошкиною с билетом на её бенефис. Не бумага, а атлас, не спектакль, а чудо! Все новые пьесы: «Обман за обманом», сочинение новое обманщика Вяземского; «Воспитание» – худо воспитанного Кокошкина; шарада, коей слово есть «баллада», сочинение Филарета, а разговор славянских пастухов, *comme de raison*, Шишкова. То-то будет лафа! То-то будем хлопать и всех вызывать названных и скрывающихся авторов, а может быть... все зависит от нашего каприза. А ты не очень горячись, да, сударь! Ржевского танцовщиц покупают; дорого просят: по 1000 рублей штуку кругом. Я, чаю, гладится. За одним стало: за деньгами и за гневом твоим. Ах, милый друг, зачем ты не с нами! Какие обеды, какие стерляди, спаржа, яблоки, пряники, балы, красавицы, спектакли! Мы обедали у Вяземского намеренно и объедались. Вьельгорские оба пели: один пел «Черную шаль», а другой воспевал черный глаз.

Пора ехать на концерт к Вьельгорскому. Обнимаю тебя.

582. Тургенев князю Вяземскому.

22-го января. [Петербург].

Твоего «Ключа» не дождешься, а между тем у него поспевает новая поэма. Я получил от него милое письмо, исполненное прекрасных стихов и даже надежды на его исправление. Теперь оно у Жуковского, который собирается отвечать ему на его эпиграмматическое воспоминание о нем. Здесь все еще в черном теле его держут; но я заставил приезжого чиновника, в присутствии его начальника, описывать П[ушкина] и надеюсь, что эта сцена подействует на бездушных зрителей. С вашим князем объяснение имел и сказал все, что на душе было. Он защищается законом, а я нападал даже и не за человечество, а только за благоприличие. Прости! Писать некогда. Тургенев.

583

Тургенев князю Вяземскому.

29-го января. [Петербург].

Посылаю статью. Возврати, как скоро не нужна будет. Писать некогда. Десятая часть «Истории» вышла. Прости! Князь П. М. Волконский вчера приехал.

584. Князь Вяземский Тургеневу.

31-го [января. Москва].

Хотел писать много, а напишу мало, то-есть, ничего. Сегодня в семь часов утра приехал с маскарада Бобринской. Было всего пропасть: и жандармы на лошадях, и петухи с обезьянами, и кадрили национальной гвардии, и прочее. Вот что мог вынести оттуда для твоего подвижного архива. Вчера познакомился с трокадерской Комбурлеевой: она ждет тебя сюда.

Не слышно ли у вас каких-нибудь перемен в управлении деревень. покупаемых для Спаса? Говорят, что Витберг едет к водам. Нельзя ли как-нибудь через вас продать туда деревню на условия? Имеете ли вы влияние на эти дела, или делаются они здесь под шумок? Скажи мне подробно обо всем.

Я на днях получил два экземпляра «Сына». Что за милость? Подписался ли ты, или издатель пожаловал? Дай знать: в последнем случае должно мне заплатить за учтивость и отплатиться стишками. Скажи или дай знать Воейкову, что у меня готовится оброк для него; прислал бы и сегодня, но некогда. Доставь прилагаемое барышням Карамзиным и скажи, что написал бы, по маскарад сидит еще на плечах.

Что же мне делать, что ты не имеешь еще «Фонтана», когда Сергей Львович у вас и брызжет им встречного и поперечного! Я не виноват, а из печати еще не вышел. Прости!

Вот песня из водевиля, которая очень поправилась нашим зевакам. Дай Карамзиным и Воейкову; только скажи именно, чтобы не выставлять моего имени, потому что, на вызов публики назвать авторов, остались мы неизвестными.

585. Тургенев князю Вяземскому.

5-го февраля. [Петербург].

Письмо и афиши жандарма получил. Мы давно хлопочем о твоём деле. Карамзин писал к государыне. Я вчера был у В. С. Ланского, который уверил, что спросит относительно отсрочки у тверского губернатора о твоём имении. Так порядок требует. Он надеется, что губернатор скажет согласно с твоей пользой. Об имении для Комиссии нужно взять справки. Если ты знаком с Кушниковым, то посоветуйся с ним. Он человек прямой и добрый и сделает, что можно, или даст верный совет: ему известны дела московской Комиссии. Впрочем, я и здесь возьму справку и все, что можно, конечно, сделаю. Теперь некогда порядочно уведомить тебя о твоём деле. Я надеюсь, что или я, или Николай Михайлович напишет к тебе на следующей почте. Французских жандармов отдал вчера Марье Антоновне. Карамзиной старшей, то-есть, Катерине Андреевне прочел; детям отдать не успел. Стихи отдал вчера же Козлову для помещения в «Инвалиде», без имени.

Скажи Комб[урлей], что желал бы их видеть и поздравить в Москве, но не знаю еще, удастся ли; хлопот много. В пятницу на сей неделе свадьба великого князя в комнатной церкви государя, потом бал и поздравление, а празднества будут после Святой. Посылаю еще одну книжку. «L'hermite en prison» читает брат. Пришлю на следующей почте. Вот и афиша нашего парижского Шишкова, то-есть, его сеида – Гульянова. Ковальков (юноша-писатель), что жил у Ивана Владимировича Лопухина, а теперь у Н. Ф. Плещеевой, – камер-юнкер. Ваш князь Урусов будет сенатором (по секрету). Князь Волконский отказался от всех должностей. Дибич утверждается в должности.

Кто писал статью о тверском пустыннике или о пустыне на Тверской? Тургенев.

586.

Князь Вяземский Тургеневу.

Попедельник. [9-го февраля. Москва].

Спасибо, что вы обо мне хлопочете. Попечения ваши принимаю к сердцу с живостью я признательностью. Дай Бог успеха! Тверскому губернатору нельзя знать о моих обстоятельствах; ему известно, что производство фабрики моей идет исправно, но неизвестно, что нет никакой выручки, что сукно лежит у меня в амбаре, и что я еще должен платить за шерсть, когда от фабрики, как от козла, нет ни шерсти, ни молока. Показание его может быть мне не в пользу неумышленно. Как я уже тебе писал, здесь с Спасом делать нечего: у вас дело может пойти прямее и успешнее, а здесь предстоят мытарства. У Кушникова я был, говорил с ним, по что прока? Кушников ведь председатель, и стало дело не им делается. К тому же, есть еще желающие здесь, а я тягаться не умею. Вы – мой Спас!

Вчера был большой бал у Рахмановой. Я невесте сказал твое поручение. На первой неделе, кажется, возвращаются отие в Петербург. Скажи Жуковскому, что получил его палеологу и картины. Отвечать буду после. прости! Реши об «Сыне Отечества».

На обороте: Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу, в доме Министерства просвещения, в О.-Петербурге.

587.

Тургенев князю Вяземскому.

12-го февраля. [Петербург].

Кар[амзин] писал к тебе о твоём деле. От императрицы уже писано к Ланскому, и я говорил с ним.

О покупке деревни переговоры с Куш[никовым] и меня уведомя, что он скажет. Денег на сие осталось еще более полутора миллиона; он должен это знать; и твоё деревня недалеко от Москвы. Может ли он взять на себя предложить о сем? Я думаю – трудно, но ты сам поезжай к В[итбергу]. Предложений, несогласных с честью, не делай, ибо он усумнится и подумает, что я подослал тебя. Впрочем, делай с ним по лучшему твоему разумению. О другом писать некогда. Жалею о Жихареве. Кланяйся ему.

588. Князь Вяземский Тургеневу.

14-го [февраля. Москва].

Карамзиным пишу я с Тимирязевым подробно о делах. Прочти у них мое письмо. Впрочем, оно повторение того, что писал тебе. Спасительская и спасительная продажа может только, если может, получить у вас движение прямое. Здесь ход её уже сбит: надобно было сначала пойти грязными переулками; а теперь, когда увидят, что я поворотил на них с большой улицы, то, будут меня опасаться и захотят выставить мною свою честность. Решите! Если возможность есть у вас дать направление, то скажите. Я умом, сердцем, помышлениями, тоскою – в делах, а между тем Булгарин лжет на меня, как на мертвого. Докажу ему, что лев, хотя и убит во многом, по еще: е околел.

Обер-прокурор Лобанов женится на меньшей Киндяковой. Есть ли у вас «Письма» аббата Сюррюга о московском пожаре и выписка из парижского журнала «L'album» о Ростопчине? Волосы дыбом становятся. Пришлю список, если нет.

Прости, мой Спас! Я все еще получаю два «Сына» и не знаю, плачу ли за один.

589.
Тургенев князю Вяземскому.

15-го февраля. [Петербург].

Письмо от понедельника получил. «Сына Отечества» я тебе не посылал и для тебя не подписывался. расспросить у издателя не успел. Получил ли «Прощальную песнь» Жуковского, не петую в Смольном монастыре? О деле твоём ещё подумаю. Да что же «Ключ»? Пришли хоть первые листы.

590.
Князь Вяземский Тургеневу.

25-го февраля. Москва.

Чтобы сберечь твою совесть от искушения нарушить тайну письма, посылаю тебе мое письмо к Воейкову открытое, а ты приложи после оплаты. Киселевы завтра едут к вам. Писать некогда. Я только вчера возвратился из Остафьева и не успел изготавиться. Скажи это и Карамзину, которого благодарю за письмо от 18-го февраля. С Витбергом еще приступить к делу не могу, потому, что ожидаю нужные бумаги из деревни. Обнимаю. Дочь Ростопчина очень больна. Нечаев выходит из опасности.

591.

Тургенев князю Вяземскому.

26-го февраля. [Петербург].

Письмо сие будет полу-официальное, и для того прошу прочесть его со вниманием и исполнить, по содержанию оно, немедленно. На прошедшей неделе Карамзин говорил слегка государю о желании твоём продать тверскую деревню храму Спаса. Государь тотчас предложил ему сказать о сем князю Голицыну, и на другой же день государь сказал ему, упомянув и об отзыве Карамзина, что ты согласен и дешевле других уступить казне. Князь поручил мне немедленно написать к тебе, чтобы ты написал к нему официальное письмо и предложил к покупке для храма свою деревню, сказав, что за душу просишь, сколько в ней душ, как далеко отстоит от Москвы, какие заведения, угодья или фабрики имеет и выгоды, кой могла бы доставить Коммиссии храма. Но я в то же время отвечал князю, что ты менее 400 р. душу уступить не можешь, ибо эта цепа самая дешевая; что если другие помещики уступали дешевле, то многие могли делать сие потому, что им доплачивали свыше сей цены сами крестьяне, желая поступить в ведомство Коммиссии. Посылаю тебе справку об имениях сего рода, в Коммиссию купленных. В сем смысле ты должен написать к князю письмо и, под открытой печатью, прислать ко мне. Опиши выгоды своего имения, но согласно во всем с истиною. Мы, вероятно, пошлем это при предложении на рассмотрение Коммиссии. Скажи об этом одному Кушникову, но другим не разглашай; особливо о том, что Карамзин говорил о сем государю. Сделай сие поскорее. Покажи письмо твое к князю предварительно Сергею Сергеевичу. Пришли его на мое имя, по сделай сам пакет и адрес. Не худо, если бы ты на всякий случай прислал ко мне два бланка на большой бумаге. Я бы, может быть, переменял что-нибудь или прибавил в твоём письме, а твое удержал. Если в бланках нужды не будет, то я немедленно возвращу их тебе.

Этот же доклад князя Г[олицына] был счастлив и для другого поэта – Боратынского; но еще дело не кончено, и я не смею писать к тебе более. Погоди!

Рылеев ранен в пятку на дуэли, но легко, то-есть, безопасно.

Письмо твое и ответ Бул[гарину] читал с Жуковским и слога и некоторых мыслей не одобрил. Препроводил на рассмотрение Блудова, и по общему приговору исполним или не исполним твоё желание. Сейчас прочел напечатанное в Париже возражение Толстого на статью о Сен-Моровой «Антологии». Хорошо, но недостаточно. Вот записка Блудова. Послушаем и позабавимся на твой счет.

Спасибо за Пушкина. Надобно вогнать цену его сочинений в байроновскую. Будут дороже – и покупать больше будут. Пожалуйста не говори никому о разговоре Карамзина с государем и о предложении тебе, сделанном чрез меня. Можно испортить сим дело. Ты должен написать о причинах, по коим не можешь продать ниже 400 рублей за душу, сказав, что и сия цена весьма умеренная, судя по достоинству имения, и что только желание освободиться вдруг от массы долгов и упрочить благосостояние крестьян продажею в казенное ведомство, решило тебя за сию цену продать имение. При сем прилагаю: записку, у меня составленную, о двух имениях. Ты только можешь слегка упомянуть об оных, сказав, что некоторые имения так куплены, как например, князя Долгорукого и Ступишина, и записку Витберга, с показанием выгод имения, предлагаемого к покупке, для примера тебе. Тургенев.

592.

Князь Вяземский Тургеневу.

28-го [февраля. Москва].

Вот тебе pour les mémoires du temps, или скандальной хроники нашей, письмо мое к Мерзлякову по случаю представленной мною прозаической статьи для «Бахчисарая», который выйдет на днях. Мерзляков уступил и написал мне ответ, в коем обнажается его добрая душа. Жаль, что он одурел в университетской духоте.

Киселевы у вас; поклонись им от меня. Ты, модник, поищи мне в лавках или у портных красной ратины на подбивку плаща.

Виделся ли ты с Байковым? Каков он в двух звездах? Здесь уверяют, что Новосильцов женится на вдове Платона Зубова. Есть ли у вас слухи? Прости, душа! Нечаеву лучше.

Пишу Карамзиным о моих предположениях на продажу имения. Статочное ли оно дело, скажи?

593.
Тургенев князю Вяземскому.

29-го февраля. [Петербург].

Не замедли исполнить по последнему письму моему.

Князь Оболенский, муж Нелединской, сделан или делается на место Кривцова, который уже переведен в Воронеж.

Что же «Ключ»? Как же ты продал, а сам печатаешь? Пиесу твою читали, но еще окончательная резолюция не последовала за разногласием.

594.
Князь Вяземский Тургеневу.

3-го марта. [Москва].

Да будет воля твоя, и да будет успех в твоей воле! Из письма к Карамзину увидишь, почему прежде недели не могу написать дельно министру. Но ты не давай месту остывать; пускай письмо мое придет на теплое место. Смерть Ростопчиной обдала меня уныньем. Несчастье отца примиряет меня с ним. Люди должны быть снисходительны там, где судьба так свирепа. Не нам быть обвинителями Эдипов: нам только жалеть о жертвах Промысла. Побережем негодование свое для счастливых.

Я получил большой пакет Туркуля. Ты смешон, что оставляешь мою пиесу потому, что не одобряешь моих мыслей. Да что ты за Красовский моих мыслей? Впрочем, от тебя все терплю и целую руку, которая меня карает и милует. Обнимаю сердечно.

595. Тургенев князю Вяземскому.

4-го марта. [Петербург].

Письмо получил и красной ратины куплю и пришло. Для «Сетования» заказал музыку князю Владимиру Голицыну; но вместо *взорванной* надобно сказать *порванной*, ибо первое не то значит...

С Байковым вчера обедал у Лукулла-Лазарева. Он уехал вчера же в Варшаву. Новосильцов не женится. У графини Зубовой умерла дочь, и наследники Зубова отдохнули. Статья еще у Жуковского. Он очень занят Батюшковым, который всех и сестру подозревает. Третьего дня подтвердил мне Нессельроде обещание отправить его в Зонненштейн на казенный счет. Мы уже имеем удовлетворительный ответ от Ханыкова.

Скажи Бул[акову], что о Федорове справлюсь и что можно сделаю. Третьего дня, в ночь на третье, скончалась герцогиня Виртембергская к общему горю. Завтра выносят из дворца в церковь, а в субботу хоронят в Анненской лютеранской церкви, что на Сергиевской. Вся императорская фамилия опечалена.

Нельзя ли вместо:

её уж нет — *Уж нет её?*

596.
Князь Вяземский Тургеневу.

6-го марта. [Москва].

Я не дождался положительных сведений из деревни, а составил записку по планам из Межевой и собственным ведомостям. Кажется, хорошо; также и письмо; на всякий случай вот тебе два бланка. Довольно ли крупно написал я Христа? Я нарочно не означил, что уступлю, потому что Карамзин пишет уступить, а ты – не уступать. Во всяком случае нельзя спустить более 15 или 20 рублей с души. Уладь это сам. Дай Бог вам успеха. Карамзиных обнимаю. У меня рука устала от официальной переписки и от скуки писать по линейкам. Обнимаю тебя. С кем дрался Рылеев, и что за Ахиллесова рана?

Приписка княгини В. Ф. Вяземской.

Ради Бога, постарайтесь повыгоднее продать. Il me paraît que 400 roubles est déjà trop bon marché; rappelez-vous que nous avons beaucoup à payer, et tachez de nous arranger cela de la manière la plus avantageuse possible.

597.

Тургенев князю Вяземскому.

11-го марта. [Петербург].

Я получил письмо твое вчера ввечеру, а сегодня показывал его князю, который нашел, что твой почерк похож на барона Штакельберга, то-есть, на его почерк, и велел мне заготовить предложение Коммиссии храма с предложением приступить к осмотру сего имения и к донесению по освидетельствованию. Я хотел переменить письмо и выпустить согласие на уступку, но Карамзин отсоветовал; да и дело, ибо и государь сказал о сем князю. Впрочем, я подумаю, как бы избежать сего или уступить безделицу. Предложение заготовлю сегодня; но не знаю, удастся ли завтра на тяжелой почте отправить, а во вторник непременно. Ни времени, ни выгод не потеряю, поелику возможно. Je prie madame la princesse d'être persuadée du contenu des ces dernières lignes et je la remercie de tout mon coeur poulies siennes. J'aurai donné la moitié de ma fortune pour sauver celle de mes amis. Il ne me reste que cela dans cette vie.

Я еще не видал Киселева. Побываю сегодня перед обедом у канцлера, где я обедаю с Карамзиным, с Блудовым, Дашковым, а Жуковский отказался для Батюшкова.

Если выдаешь князя Гагарина, камергера, женатого на Бобр[инской], то скажи ему, что собираются списки камергерам и камер-юнкерам с показанием, кто где служит, и что, вероятно, будут выключены нигде неслужащие. Я слышу, что он ни к какому ведомству не приписан. Хочет ли он не носить ключа? Впрочем, беда не велика, но предварить его, кажется, нужно.

Завтра обедаем у отца поэта Пушкина. Каков дядя? Что же «Фонтаном» по сию пору на нас не брызжешь? Не забудь прислать получше экземпляр для и[мператрицы].

Булгарин просит меня напечатать твою статью в его журнале.

598.

Князь Вяземский Тургеневу.

11-го марта. [Москва].

Посылаю тебе пять экземпляров «Фонтана». Отдай из них три Сергею Львовичу. Не шипу более, потому что я еще на постели: не очень здоров и ставил ноги в воду. Обнимаю.

На обороте: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. В доме Министерства просвещения. В С.-Петербурге.

599.

Князь Вяземский Тургеневу.

13-го марта. [Москва].

Здравствуй, голубчик! Получил ли ты «Фонтаны» и отдал ли из них три живобьющему фонтану, то-есть, вечно плюющему Сергею Львовичу? Я и так было у себя переменял *взорванный* и сказал *порванный*. Хорошо, если так поставили в печатном. её *уж нет* – Как-то живее, грустнее.

Вся Москва наполнена и напучена толками о концерте благородном (целью и действующими лицами), который затеял Вьельгорский для искупления из Куракинского плена отличного скрипача Семенова. Все взвыло! Концерт однако же идет и дойдет; только не разглашай о том, ибо многие отсюда писали к Куракину, чтобы восставить его против Вьельгорского; и Апраксина, верно, уже барабанит у вас об этом. Куракин – человек горячий и честолюбивый и с сердцов может отказаться и от денег, и от слова. Теперь, как сказывают, назначает он деньги, вырученные за свободу Семенова, на приданое какой-то побочной дочери дяди своего в Париже. Здесь так много раскричались об этом концерте, что дамы: Рахманова, графиня Риччи, княжна Агриппина Трубецкая, обещавшие прежде играть и петь в этом концерте, отказались. Вся наша дворянская подлость видна в этих толках. Иные, чтобы повредить успеху, распускают слухи, что у этого Семенова сорок тысяч лежит в ломбарде, когда все деньги его в пальцах, как у поденщика; что он развратный и пьяница, когда он поведения беспорочного; что государь дурно примет это дело и прочее, и прочее. Грустно, тошно и горячительно! Что за плюгавцы! Пожалуй, не одобряй намерения и средств, но как решиться на клеветы! Как вооружиться – с ног до головы, чтобы повредить успеху дела доброго и, по крайней мере, невинного!

Что дело моих Семеновых? Двое из них были у меня, и я изложил им пользу этого дела для них. Ожидаю с нетерпением вашего ответа, чтобы встряхнуть голову и освежиться. прощай! Обними за меня Карамзиных. Не пишу к ним от Дмитриева, который просидел у меня целое утро, а теперь хочется воспользоваться прекрасною погодою.

Что слышно о просьбе моей императрице по Опекунскому совету? Здесь тверской губернатор, но он не получал письма моего за отсутствием и потому не давал еще никакого отзыва.

Попроси Дашкова отщелкать Каченовского за Жуковского. Но он, дурак, лезет с своим Фоссом? Жуковского перевод дурен или хорош по себе, но не по тому, что в том или другом месте не сходствует с переводом Фосса. Этим Велизариям нужен всегда вожатый.

600. Тургенев князю Вяземскому.

14-го марта. [Петербург].

Посылаю тебе копию с предложения нашего Комиссии, которое сегодня же отправится в Москву. Нарочно обратился к Комиссии, а не к Витбергу, так как сие прежде бывало, чтобы дать повод С. С. Кушникову принять участие в сем деле. Об уступке в предложении не упомянуто, но прошение и записка посылаются в копиях. Уступай не более 10 рублей, и то по необходимости. Торгуйся и представь выгоды имения; словом, не только достигни успеха, но и полного, а потом не согрешай впредь.

Посылаю и музыку на твои слова, вчера привезенную мне автором её. А «Фонтана» все нет, как нет! В предложении есть *du vague*: это лучше.

Нанял дачу на Черной Речке – тот дом, где жил Греч. Мы будем вдвоем с Сергеем, ибо Николай поедет в Карлсбад. Удастся ли прожить и по прошлогоднему – не знаю. Кажется, всякое настоящее несносно, а когда оно в прошедшем, так и о нем жалеешь. Читаю третью часть «*Galerie*» de Segur: портрет Потемкина. Знаешь ли Chopin «*Sur l'état actuel de la Russie*», 1822 года?

На Семеновском мосту только и встречаешь, что навьюченных томами Карамзина «Истории». Уж 900 экземпляров в три дни продано.

Заставлял И. М. Муравьева петь твои слова, но заикнулся и в музыке. Попрошу Башмакову – Суворову.

Еду хлопотать за Плещеева. Он забыл записаться в службу и может быть исключен сегодня, если не успеем исправить его небрежности о себе. Тургенев.

Сейчас от Ланского: принимает Плещеева.

601. Тургенев князю Вяземскому.

18-го марта. [Петербург].

Письмо твое от 13-го марта получил вчера, а «Фонтан» получу сегодня. Вот ответ Карамзина на запрос твой о твоём деле по Опекунскому совету. Мы, кажется, подробно тебя обо всем уведомляли. Впрочем, я еще выправлюсь у Ланского: писали ли, когда и нет ли ответа?

Дашков взял твою рукопись для надлежащего исправления и сам будет отвечать тебе. Сегодня я к нему собираюсь; он с флюсом. Катенька Кар[амзина] все больна. Вот бюллетень сего дня.

Посылаю сейчас твой романс с музыкой к Софье Д[митриевне] Нарышкиной. Обедаю у твоих Смирновых. Прости!хлопотю по делам, по родным, но, в высшей мерзости, вашему музыканту-узнику. Поступаю с величайшею осторожностью, бью челом перед силою в пользу слабого; держусь одного закона, который не всегда в пользу одной невинности, а все страшусь, и право не за себя, а только за неудачу: быть праздным зрителем – есть преступление; вступить за несчастного – часто и для него большая гибель. Жить в этой душевной неизвестности – тяжело. Самый ничтожный чиновник, явный мерзавец, часто парализует лучшее, самое чистое намерение. Здесь господствует какой-то страх неподкупной честности, какое-то безверие к чистым побуждениям, к бескорыстному жару к добру и к рвению в спасении от взяточников и утеснителей. Прости!

Получил пять экземпляров; три велишь отдать отцу, но один следует императрице. Что же мне останется? Высылайте поскорее экземпляры для распродажи.

602.

Князь Вяземский Тургеневу.

20-го марта. [Москва].

Спасибо за письмо вчерашнее и копию с предложения. Я вчера был у Кушников, по ему еще нет сообщения. Он, прочитав, сказал, что это еще первый пример такого хода этим делам. Посмотрим, будет ли мне в прок!

Благодари князя Владимира за музыку и за то, что он не умер, потому что Москва его уже отпела. Я говорил Николаю Гагарину, но, кажется, он ни на что не решился, а благодарит за предварение.

Не знаю книги про Россию, о которой ты мне говоришь, да и не мог разобрать в письме твоём имени автора. Пришли ее на минуточку: ты знаешь, как я исправно возвращаю. Найди мне в Петербурге новые «Messéniennes» в которых «Le voyageur», «Napoléon» и прочее.

Что же красной ратины? У нас вторая зима, и мы опять принялись за сани и медведя. Куда, как мило!

Скажи Голицыну, чтобы он прислал мне несколько экземпляров романа; и зачем роман, а не «Сетование», как у меня сказано? Хочу это название вывести в люди.

Здесь все еще полно будущим концертом. Деньги между тем почти все собраны. Это главное. Я получил не этому случаю замечательный ответ отказный от Мамонова: исторический документ pour les mémoires du temps. Все, и он между прочими, говорят: «Зачем выкупать Семенова, когда миллионы в его положении? «Во первых, не делать частного добра, потому что нельзя делать общего, – худая отговорка; во вторых, в образованном быту нельзя поставить на одну доску отличного художника и пьяного конюха; если уважать аристократию, то уважьте и ту, которого определила сама природа, выставя одного из тысячи; в третьих, кто вам мешает сколько можно выкупать, отпускать, освобождать с своей стороны. Неужели, отпустив на волю трех из заслуженных людей, мне подвластных, согрешил я против других, которые остались в прежнем положении? Все это парадоксы подлости, трусости и сожаления выдать 50 рублей, когда каждый вечер проигрываются сотни и тысячи за карточными столами. Вот тебе программа концерта, из коей ты увидишь и при случае докажешь, что избежали всякой личности и указания.

Прости! Благодарю Николая Михайловича за подарок двух томов, за которые я жадно принялся. Буду писать к ним в понедельник.

Пуще всего старайся, чтобы не раздражали Куракина. Первое дело – успеть, а потом уже казнить. Отдай приложенное Воейкову для напечатания, только без моего имени. Не идеологствуй много, поправь, если я где проболтался; только не задерживай долго.

603. Тургенев князю Вяземскому.

21-го марта. [Петербург].

На сих днях Батюшков читал новое издание Жуковского сочинений, и когда он пришел к нему, то он сказал, что и сам написал стихи. Вот они:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Записка о нем готова. Мы надеемся скоро отправить его в Зонненштейн. С ним поедет и нежная сестра.

«Фонтан» здесь и продается с успехом. В одно время: два тома «Истории» Карамзина, три – нового издания Жуковского и «Бахчисарайский фонтан», да еще и духовная пнижка Кочетова, также очень хорошая в своем роде. Это хоть бы и не у нас!

Пиесу твою пересматривает Дашков, а потом напечатаем. Катенька Карамзина все еще нездорова. Прости!

604. Князь Вяземский Тургеневу.

24-го марта. [Москва].

Получил письмо твое от 18-го марта, но многого в нем не понял во второй половине и даже не разобрал. Не знаю даже, что ты думаешь о концерте нашем. Неужели не одобряешь? У тебя, кажется, много иносказательного или недосказательного. Объяснись!

Вчера дан был концерт: собрано 10000 слишком. Все и в музыке, и в действующих лицах, и в слушателях, и в зале имело какое-то *доброгласие* и, кроме цели исключительно русской, все прочее было на европейскую статью. Слава Богу, что победили все козни глупости и низости. Даже Юсупов и княгиня Татьяна Васильевна с дочерью присутствовали: вот кляп для бригадирских ртов. Один Апраксин отстоял свое мнение и не был. Теперь должно надеяться, что зловерное наитие не подействовало на Куракина; впрочем, надобно положить и на прелесть 10000 рублей. Их прелесть красноречивее всех витийств Апраксиной и даже к[нягини] Нат[альи] Пет[ровны].

Зачем же дал ты Сергею Львовичу, то-есть, фонтану-отцу, четыре «Фонтана» сына? Ему назначено от меня только три, а тебе два. Теперь они должны быть уже в продаже у вас. Я вчера получил письмо от Пушкина из Одессы: цена заплаченная за «Фонтан», прибодрила его, и он говорит мне, что начинает почитать русских книгопродавцев.

Как довольны вы моим «Разговором»? Я дал волю своему перу, да к тому же и не боялся вас, идеологов.

Сейчас был у меня Вьельгорский: от Куракина есть ответ. Он дает свободу Семенову, а деньги велит отдать в здешнюю больницу Куракинскую.

Вы требуете от меня тайны в деле Спаса, а между тем посторонние письма и приезжие из Петербурга о том говорят. От Кушникова все еще не имею вести. Что Катенька? Обнимаю! Есть ли, или нет красной ратины? Пришли жене все, что есть для фортепиано из оперы «Der Freischütz»: вальсы, марши, увертюры и прочее.

605. Тургенев князю Вяземскому.

24-го марта. [Петербург].

Дашков, сегодня или завтра отсюда отправляющийся чрез вас в свою деревню, будет вам живою от нас грамотою. Не зная, увижу ли я его еще, спешу пересказать о Бор[атынском]. Закр[евский] говорил и просил: обещано, или почти обещано, но еще ничего не сделано, а велено доложить чрез Диб[ича]. На этого третьего дня напустил я князя Гол[ицына]; потом принялся сам объяснять ему дело и человека. Большой надежды он мне не подал, но обещал доложить в течение дней всеобщего искупления. Между тем, узнав от него, что он думает, что Бор[атынский] отдан, а не охотой пошел в солдаты, я клялся ему в противном, просил справиться и, занемогши сам в тот же день, вчера призывал Муханова, просил его упросить Закревского объяснить Диб[ичу] это обстоятельство: оно важно и должно более других обратить гнев на милость. Страшусь отказа за Боратынского, ибо он устал страдать и терять надежду; но, авось! Или, лучше, я почти уверен, что простят; но дело в том – когда? Отсрочка трудная и тяжелая для страдальческой души Боратынского: *c'est bien là le cas de dire*:

....on désespère
Alors qu'on espère toujours.

Повторяю просьбу: не объявлять нигде его имени под стихами. Я забыл порадовать милую княгиню известием о приезде сюда Ломопосова, который скоро отправляется к вам, а от вас, чрез Варшаву, опять в Париж. Он привез сюда несколько новых книг, которые роздал для чтения модным приятелям и приятельницам. Между новостями – два тома записок *madame Genlis*, один том записок старика Сегюра и прочее.

Я болен и не мог выправиться у Козлова о стихах. Пошлю спросить сегодня или завтра. Жуковский получил письмо твое и собирается отвечать. Новости третьего дня были следующие: графиня Эльмт – Екатерининской дамой; Давыдова, внука графа Орлова и еще одна, а кто, не помню – фрейлины. Графу Литта велено исправлять должность обер-камергера.

Переведи мне четыре стиха, которые я нашел эпиграфом у Сегюра, но переведи верно и так же грустно-хорошо, хотя и может выкинуть *le remplissage: présent céleste*. Вот они:

Le souvenir, présent céleste,
Ombre des biens que l'on n'a plus,
Est encore un plaisir qui reste
Après tous ceux qu'on a perdu.

Воейкову передам твое поручение чрез Жуковского, ибо я сам не выезжаю или почти не выезжаю. По вечерам бываю у Карамзиных, а весь день читаю и думаю памятью и горюю, что не в Москве встречу веселый, но на меня уныние и грусть наводящий, праздник.

Помешал Федоров чтением продолжения своего «Курбского». Право, хороши писано, и все подробности почерпнуты из хроник. Карамзину и императрице Елисавете очень понравилось. Она видит в нем начало нашего Вальтера-Скотта. Прости! Обними детей, поцелуй ручку у жены и скажите за меня друг другу: «Христос воскрес!» в первую минуту первого часа Светлой недели.

606. Тургенев князю Вяземскому.

25-го марта. [Петербург].

Письмо и афишу получил. За «Сетованием» послал к к[нязю] Влад[имиру] и, если при- шлет, доставлю сегодня. Новых же «Мессеньен» у меня и здесь нет. Я только читал одну оду на смерть Наполеона, в которой много прекрасного. Фонтене обещал мне книжку на два дни. Посылаю за ней сейчас же. Если будет здесь в продаже, то пришлю к тебе. Объявление напе- чатаю, но не хотел прочесть его Карамзину вчера, потому что (между нами) он очень огорчен холодным разбором его двух томов и в досаде говорил, что перестанет писать «Историю». Вообрази себе, что по четыре, по пяти экземпляров в день разбирают. Вчера взяли семь на простой бумаге. Он принужден уступать на срок книгопродавцам. Ожидаю большего рве- ния и патриотизма от русской России: чухонская равнодушна к славе отечества. Здесь мно- гие почти ежедневно у Карамзина и не взяли его «Истории»! Другие просят прочесть. А ты хвалишь русских за покупку стиха за шесть рублей! Так, и тому долл;по радоваться. Но где же любовь к полезному и славному? Не говори другим о грязном разборе «Истории», да не возрадутся клеветы Каченовского!

Соловей-Хвостов недавно воспел Ломоносова следующим стихом:

В болоте родился великий Ломоносов.

Софья Дмитриевна Нарышкина очень больна. Федор Петрович Уваров опасно болен и проживет недолго. Статью отдам Воейкову. Но для чего не Гречу? Он на нее больше имеет право.

Вероятно, буду у вас к 1-му мая. Я люблю видеть Москву в праздничном кафтане и слушать Ивана, гудящего с товарищами. Для того и приезжал часто к Святой; а теперь не удастся отделаться так скоро и постараюсь приехать на немецкие станы.

Мой секретарь пишет на твое предисловие замечания и напечатает у Измайлова.

Я боюсь, что и Жуковского сочинения не скоро разойдутся. Не посоветуешься ли с Пономаревым и прочими, или не написать ли мне к Антонскому? он у меня теперь в надежде на звезду и верно расположен к добру.

Ни жены, ни мужа Киселевых еще не видал, но в четверг обедаю с ними у графа Мей-стера.

Сейчас получил и «Мессеньены», но еще не успел прочесть.

607.
Тургенев князю Вяземскому.

28-го марта. [Петербург].

Еще от 14-го февраля послано отсюда отношение Ланского по твоему делу к тверскому губернатору. Справься! Как скоро ответ будет, я тебя уведомлю.

Ратины красной нет, а есть байка красная, но слишком теплая для теперешней погоды. Еще поищу в русских лавках ратины. Прости!

608. Князь Вяземский Тургеневу.

31-го [марта. Москва].

Война, опять война! Читал по ты в пятом «Вестнике Европы» «Второй разговор» на меня? Вот первый ответ. Напечатай его, где хочешь: у Греча или Воейкова, но только без перемены. Здесь он уже вышел невредим из горнила цензуры и полез в дамский б – Шаликова. Что же делать? В одном этом журнальном б – можно – свободно на Каченовского. И Шаликов, и цензор Снегирев – души не робкия и враги отъявленные Каченовскому. Я должен был воспользоваться этим стечением обстоятельств в страхе, что у вас цензура еще и заупрямится. Сделай одолжение, только напечатайте скорее и скажите, что московская цензура уже пропустила. Лучше, если у Греча. «Истории» два тома продают здесь по 25 рублей у Глазунова. Как идет продажа? Но ведь в города мало еще послано. Благодарю Голицына за музыку. Вчера пела здесь вторая Каталани. Голос большой, но мало искусства и приятности.

Приезжай хоть к немецким –,
Когда быть не можешь ты к русским –,

то-есть, яичкам Светлого праздника. Обнимаю.

609.
Тургенев князю Вяземскому.

1-го апреля. [Петербург],

В прошедшую пятницу граф Аракчеев призвал брата Николая и показал ему два указа. Одним пожалован он в действительные статские советники, другим отпущен с жалованьем бессрочно в чужие края, и велено выдать 1000 червонцев на дорогу. Словесно – много приятного и лестного. Это нас очень порадовало и тем более, что неожиданно.

Жихареву – статского советника. Брат отправляется в среду на Святой неделе в дилижансе на Ригу. Жуковскому еще перстень от Марии Федоровны, кажется, за сочинения. В Тулу губернатор не князь Оболенский, а бывший в Архангельске.

610. Князь Вяземский Тургеневу.

3-го апреля. [Москва].

Поздравляю от всего сердца его превосходительство. Теперь дело стало за Сергеем Ивановичем. Булгаков ездил сказывать о том вашей матушке. Когда едет новый действительный статский советник и не заедет ли сюда прежде?

Я уже два раза писал к Всеположскому, но он был в отлучке; теперь должно ждать скоро ответа. Предложение Снасу будет рассмотрено после праздников.

Пощечина Каченовскому будет заявлена в дамском б – в среду на Светлой неделе. Вот отчет всем делам моим. Прости! Благодарю Карамзина за уведомление о справке моего дела опекунского. Катеньке, видно, лучше, что ни ты, ни он ни слова о ней не сказали. Скажи ей, что я, а верно и ты, предпочитаем крапивные щи крапивной лихорадке. Всем добрым людям поклон.

Сделай одолжение, справься в Министерстве просвещения, что делается с просьбою Раича из Москвы о издании журнала, и дай тотчас знать.

611. Тургенев князю Вяземскому.

4-го апреля. [Петербург].

Письма твои получил и разослал. Спасибо за концерт. Я никогда не осуждал тебя за сие, но описывал здешния неудачи во многом подобном; впрочем, многое и удастся. Оперу «Фрейшюц», то-есть, музыку постараюсь отыскать и прислать княгине.

Катеньке лучше, по все еще пальцы пухнут, и она выходит только в гостиную и выезжает прогуливаться.

Вот перевод Кокошкина «Запоздалого листа» Пушкина:

Tendres désirs, rêves d'amour,
De la vie aimables chimères!
Le temps sur les ailes légères
Vous emporte, hélas! sans retour.
Avec une âme indifférente,
Un coeur brisé par la douleur,
Je vois sans ami. sans amante
S'écouler des jours sans bonheur,
Semblable à la feuille flétrie,
Par le souffle des ouragans
Qui sur la tige dégarnie
S'agite seule au bruit des vents!

Нева прошла вчера.

612. Князь Вяземский Тургеневу.

7-го апреля. [Москва].

Христос воскрес, мой христоролюбивый, мой пасхололюбивый камергер! Не перепало ли тебе каких-нибудь всемилостивейших крупиц? Москва вместо красного яичка получила из Петербурга красный кафтан Кашкина. В нем отличено московское бригадирство. Между тем замечают, что он разве с год как произведен был в действительные статские советники; за то поседел в партии Екат[ерины] Влад[имировны].

Скажи Жуковскому, что я получил его три экземпляра. Дал Дмитриеву и Антонскому. Ожидаю назначенных на продажу. Между тем пускай присылает два веленевые, которые от меня требуют.

У меня руки, плеча болят. от простуды. Писать больно, а руки между тем чешутся на Каченовского. Прости! Обнимаю тебя.

Спроси от меня у Бутурлина за «Campagne de 1812», которую хвалят в «Journal de Paris». Здесь говорят, что будто свадьба его расстроена. Правда ли?

Меня Василий Львович мучит именем Сергея Львовича, будто не получившего экземпляра «Фонтана», Что за вздор! Отблагодарит ли чем-нибудь императрица? Надоумь Карамзина. Чем же «Полярная Звезда» лучше?

613. Князь Вяземский Тургеневу.

10-го апреля. [Москва].

Спасибо за 1-е и 4-е апреля. Помилуй, что это ничего моего не печатается? Вы меня делаете совершенно горчишником после ужина. У вас на руках три мои пиесы раскаленные, которые никуда годиться не будут, когда простынут. Найди в 7-м дамском б – мое – . Я хорошо сделал, что обратил распрю напрямки. Этот подлый народишка любит кидать камнями и грязью из-за угла.

Я получил ответ от тверского Всеволожского. Он пишет ко мне, что отвечал министру согласно моему желанию.

Радуюсь за Николая Ивановича. Куда и надолго ли он поехал? Ты хорошо сделал, что не приехал к нашей Пасхе: она холодна, снежна, грязна, скучна.

Я имею «Наполеона» Lavigne. Итак, не присылай списка, а разве печатанного, если найдешь. Не нужно также и «Freischütz», который здесь есть Проси у Бутурлина книгу, хоть за деньги, если продается.

За Каченовского ополчился на меня Дмитриев-племянник. По крайней мере таков общий голос. Celui-la ne chasse pas de race. Вот раскаленная эпиграмма. Прошу ее дать ей остывать и отправить сей же час Гречу.

Эпиграмма

Клеврет журнальный, Аноним,
Помощник презренный ничтожного бессилья,
Хвалю тебя за то, что под враньем твоим
Утаена твоя фамилья.
С бесстыдством страх стыда желая согласить,
Ты доказал, вдвойне кривнув душою,
Что если рад себя бесчестить под рукою,
То именем своим умеешь дорожить.

Вяземский.

Прошу сей же час напечатать. Обнимаю.

614. Князь Вяземский Тургеневу.

14-го [апреля. Москва].

Поздравляю с Фомою. Встретил ли ты Фому? А Жуковский? Я еще не видал Фаддея после крещения своего, но благодарю Дашкова и за взятый труд, и за милое письмо, на которое буду отвечать в четверг.

Скажи Жуковскому, что по всем справкам моим узнал я, что один петербургский Глазунов в состоянии купить его издание гуртом. Глазунов-сын будет отцу писать о том отсюда. Пускай Жуковский снесется с ним.

Последние дни праздников были великолепны. Подновинское на эти дни точно в Европе: движение кипящее, смешение званий, отвержение всякого бригадирства!

Не жди от меня ничего путного сегодня: сердце в трауре, а голова с похмелья от уличной жизни.

Таков, Тургенев, я развратен,
Но на меня и ты похож.

Завтра примусь за дело, а теперь все еще в ушах бубны гремят.

Печатайте скорее мою эпиграмму. Сделай одолжение, справься скорее о журнале Раича и похлопочи о нем как, где и сколько можешь. Раич один *литератор* в Москве, скажу смело.

615. Тургенев князю Вяземскому.

15-го апреля. [Петербург].

Письма и от 7-го, и от 10-го получил и «Эпиграмму» отослал вчера же Гречу, по Крас[овский] не пропускает то, что впустил в себя дамский б – . Впрочем, довольно и одного и – ния.

Гр[афиня] Разум[овская] послала ко мне «Урику» герцогини Дюрас, но я еще не получал книжек. Я любопытен читать ее и потому, что полагаю влияние на сию книгу и Свечиной, друга автора. Объявление Кузенья об издании Декарта получил. С французскою легкостью и самонадежностью, по блистательно написано.

Об отношении Всеv[оложского] у Лавского выправлюсь и дам скорый ход делу. К Жуковскому поручение исполню только сегодня: забыл. Пушкиным экземпляр отдал или по крайней мере отдавал. Не помню, взяли ли они. Сергей Уваров впутался не в свое дело и отдал императрице экземпляр «Фонтана» прежде Карамзина и все испортил. Сидел бы за своим сукном. Он перещеголял Козодавлева и на счету ему подобных в публике, если не хуже. Всех кормилиц у Канкриной знает и детям дает кашку.

Брат уехал в дилижансе в среду на Святой неделе. Вот, брат, репутация! Не нашей чета! Не первый ли пример в его категории? И Свиньин не смеет завидовать, оглушаемый общим отголоском публики; а брат не выходил из кабинета и из Английского клуба.

Четыре дни сряду таскался под качелями и вел жизнь твоей подобную. Сегодня иду на армянскую вечеринку, если не к Пашковым на бал.

616.
Тургенев князю Вяземскому.

18-го апреля. [Петербург].

Что у вас за Павлов, и для чего вы его не удержали от сумасбродного поступка, если это тот, что пишет в журнале? (Между нами покамест). Прости! Требуют на службу, а ночи не сплю на балах с горя разнородного. Что же Коммиссия? Тургенев.

617. Князь Вяземский Тургеневу.

21-го апреля. [Москва].

Я все еще в грязи кулачного боя. Но что же делать? Раз пустившись в эту полемику, нельзя отстать, пока бой не решен. Самому досадно и скучно, и гадко связываться с народом, который так поодаль от меня, когда сам не спускаюсь в их омут. Буду осторожнее вперед; но пока, на прощанье, изобью их в кровь. На днях пришлю мое второе возражение, которое здешний цензор также пропустил. Дай Бог ему здоровья! А между тем вот несколько листов первого моего ответа для раздачи. Да разве Воейков по праву корсарства своего не может перепечатать у себя напечатанное в другом журнале, не прося нового разрешения от цензуры? Скажи ему. «Дамский Журнал» читают

две-три набожные лани,
Зверишки бедные, без связей, без подпор,

а «Вестник Европы» имеет какое то популярство. Таким образом выходит, что меня бранят всенародно, а я отбраниваюсь приватно. Пособи и войди в мое сиротное положение.

С Спасом, кажется, дело идет на лад. Предложение министра читано, и согласились купить мое имение; только Витберг, основываясь на словах министра, требует от меня уступки 20000 рублей. Хочу, с согласия Кушникова, предложить половину. Завтра, веролтно, получу от него ответ. Я с совета Кушникова был у Витберга после заседания. Он говорил о тебе: «Мы с ним не сошлись. Александр Иванович старается мне вредить; хочет, чтобы я искал в нем, но мне искать нет нужды», и прочее. Сперва я заступался; но после, как готовился горячиться, подумал, что я не с тем к нему приехал, чтобы за тебя рыцарствовать, а рыцарствовать за свои выгоды, и потому, признаюсь, подло поджал хвост и оставил тебя ему на съедение. Он уже заранее, мимо Комиссии и до предложения министерского, по одним предварительным словам Кушникова о желании моем продать имение тверское, посылал чиновника рассматривать его. Тут что-нибудь да кроется. Впрочем, я из деревни своей еще не получал донесения о приезде туда чиновника. И это все странно! Бог с ними! Только удалось бы мне все кончить на славу имени Божия. Скажи обо всем Карамзиным, которым сегодня не пишу. Не буду писать и Дашкову, но благодарю очень за напечатание фаддейщины; я поправками доволен.

Хочется приняться мне за какую-нибудь работу успокоительную, чтобы очистить душу, которая, право, как в болоте, с той поры, что вожусь в драме. Полемические распри хороши в Европе: там и противники, и зритель, и судии друг друга достойны.

В победе чести нет, когда бесчестен бой.

Бот эпигрными Грибоедова по случаю, или по поводу нашего калмыцкого балета. Прости! Вчера видел я вашу матушку на большом бале у Апраксина по случаю свадьбы племянника Талызина на Зубовой. Матушка очень обрадована хорошими известиями о Николае Ивановиче. Будешь ли к первому мая?

Что о журнале Раича? Дай эпиграммы Воейкову, чтобы пустить их по рукам.

618. Тургенев князю Вяземскому.

22-го апреля. [Петербург].

Письмо твое получил и Жуковскому сообщил о Глазунове. Ответ по делу твоему получил от тверского губернатора, и предложено Совету в Москве рассмотреть просьбу. Карамзин уведомит тебя о письме к нему Новосильцова. Теперь хлопочи сам чрез Кушникова. Что же ответ Комиссии на наше предложение?

Вчера был на бале во дворце, а завтра буду у соседки Пашковой, где празднуют свадьбу племянника с графиней Моден. Будет и великая княгиня.

О Раиче не помнят здесь ибо, вероятно, бумага отдана князю Оболенскому. По порядку нужно от него иметь отзыв. Спроси у князя Оболенского, не прислал ли ему князь его просьбы, а я еще здесь поразведаю; но в Департамент князь точно не сдавал его просьбы.

Если у Николеньки точно корь, то эта болезнь может долго задержать Карамзиных в Петербурге, ибо у Катеньки её не было.

От Николая получил известие из Риги. Он едет приятно, и в будущем для него здоровье и веселье.

Я познакомился здесь с Велеурским, бывшим адъютантом великого князя и будущим зятем Шадурского. Он тебя знает. Кажется, весельчак?

Точно на тебя был похож всю неделю: с мутною душою жил в чаду принужденного рассеяния.

619. Князь Вяземский Тургеневу.

24-го апреля. [Москва].

Витберг сказал мне словесно, что согласен принять уступку мою в 12000 рублей, и должен был прислать мне ответ письменный, но еще нет его. Отвечал ли он министру?

Павлов, о котором ты пишешь, не журнальный, а другой и, кажется, сумасшедший. Так мне сказывал Иван Иванович, к которому приносил он свою комедию. Я говорил о том вчера Данзасу, который назначен производит над ним следствие. Нужно его лечить, а не наказывать.

Вот второй мой ответ Дмитриеву. Отдай его в «Сын Отечества». Неужели ваша цензура и этого не пропустит? Уж подлинно наша бригадирша Москва не республика ли, потому что можно в ней ездить цугом в карете, ходить, как Ираклий Морков, в патриотическом шлафроке, по выражению Ростопчина? и отвечать «Вестнику Европы»? Читал ли ты в 7-м номере новую брань Дмитриева на меня. На нее должно было бы отвечать палками, но я предпочел отвечать хладнокровным официальным письмом к Каченовскому через Антонского, которое, если успею, сообщу тебе завтра через тяжелую почту.

А тут и баста! Ругай они меня, как хотят, а в – отбраниваться не пойду. Я и так уже провонял –.

Скажи сейчас Жуковскому, чтобы он высылал скорее другие экземпляры свои. Вчера, в особом объявлении к номеру 33-му «Московских Ведомостей», извещаю о продаже его книг, и вчера же все десять экземпляров присланные проданы. Хороша у него ошибка во втором томе, на заглавном листе: *Жуховского*.

Прости! Обними за меня Каразыных. Когда их превосходительства переезжают в Царское Село? Как идет продажа его «Истории»?

Сделай милость, поработай, чтобы разбор мой был напечатан у Греча или Воейкова.

620. Тургенев князю Вяземскому.

29-го апреля. [Петербург].

От В[итберга] мы еще ничего не получали. исполним, как скоро получим. Карамзин Николенька в кори; но вчера вдруг застрадал чрезвычайно и прокричал часов восемь от боли в разных местах. Вероятно, ревматизм. Пиесу получил. Но здесь и думать нельзя о печатании ваших перепалок. Пора перестать. Теперь ты, вероятно, и с Булг[ариным] свяжешься. Бируков – цензор в беде. Госнер, католический священник, известный проповедник, выслан за-границу; и Гречу – типографщику грозила беда. Но я боюсь только за Бирукова, а вы все на ценсоров нападаете.

В прошедшую ночь, на понедельник, было в городе большое – : семь свадеб вдруг! Бутурлина, графа Апраксина, доктора Мюллера и пр., и пр. Пашкова, наконец, выходит за Левашова. 1-го мая собираются в новоотделанный Екатерингоф.

Напомни Жихареву о деле крестьянина, у которого отняли жену. Здесь ему не выдают вида, и ему и не чем, и не с чем идти в Москву и здесь жить.

В «Инвалиде», 26-го марта, напечатана мистификация из Кишинева. *Гор...*, подписанный под статьей, значит по молдавски: большой... И всех сих воздушных явлений и происшествий там не бывало.

621. Князь Вяземский Тургеневу.

1-го мая. [Москва].

Вот мое *последнее слово*. Напечатай его у Греча или Воейкова, где сподручнее. Но непременно нужно статье быть в петербургском журнале.

Что матушки Москвы и краше и милее?

Ну, не прелесть ли этот пригласительный билет! Этот царевич женился на Оболенской, дочери рязанского откупщика, у которого, говорят, несколько миллионов за пазухою. Дом прекрасный, бал великолепный. У Оболенского есть еще оболонка; приезжай скорее: породним тебя с грузинским престолом. Вот и первое мая, а ты сделал из него первое апреля: не дождались тебя. На днях едем в Остафьево, а в половине месяца жена отправится в Одессу.

Отошли письмо Воейкову; оно не интересное и потому запечатано. Пишу ему о споре, возникающем между книгопродавцами за «Бахчисарайский фонтан», источник толиких браней. Спроси у Воейкова эпиграммы на меня и Грибоедова. Узнай стороною, получено ли Гречем возражение Полевого на Дмитриева, и будет ли оно напечатано. Впрочем, вот тебе все эпиграммы Дмитриева и Писарева; легко узнать, которые на меня и которые на Грибоедова. А у Воейкова возьми мой ответ. Какая низость припутать тут Варшаву! С хорошим народцем я связался! Это послужит мне уроком. Слышу, что и у Булгарина есть какая-то плоская грубость на меня. «Ma vie est un combat», могу сказать с Beaumarchais. За то летом напишу славность стихами или прозою о полемических распрях.

В будущий вторник должно быть заседание в Спасительной комиссии. Прости! Погода скверная: ветер, холод, и гулянье 1-го мая к чорту. Кланяйся Дашкову. Когда же будет Блудов?

622.

Тургенев князю Вяземскому.

2-го мая. [Петербург].

Мы еще ничего не получали из Комиссии. Желаю полного успеха, но, ради Бога, не давай обедов на счет будущих благ. Здесь уже кто-то об этом проболтался (точно ли это было?). Обязанность твоя – заплатить долги и сберечь кусок хлеба жене и детям. Говорю строгим языком чистой и горячей с тебе дружбы. Ты покроешься стыдом, если, прежде нежели все не заплатишь, истратишь хотя рубль на прихоть, хотя и самую полезную или приятную. Здесь все узнают и донесут. Но что до других! Была бы чиста совесть твоя пред детьми и друзьями, и пред тобою. Дай им отчет после верный в употреблении вырученной суммы и не бери из ней ничего для своего ежедневного обихода. Поручи уплату всего другому, например, князю Оболенскому. Вот тебе проповедь преданного тебе сердца. Карамзины бояться за тебя, то-есть, за употребление тобою сумм. Я ручаюсь, что ты будешь честен во всем строгом европейском смысле этого слова.

Вчера я был на пасмурном гулянье. Отделка онога графом Милорадовичем не совсем поспела, но уже дороги и приюты веселящимся были полуготовы. Будет хорошо к будущему маю, но все холодно и пасмурно. Мы приехали туда водой обедать, а оттуда возвратился я пешком вечерять к графу Мейстеру. Граф Хвостов прислал к моему секретарю стихи, посвященные графу Милорадовичу на вчерашнее гулянье. Прелесть! Давно он так сам себя не выражал в своих произведениях, как в сей прогулке воображения. Пришлю, если успею, несколько счастливых стихов. «Отечественные Записки», вероятно, сберегут это сокровище вполне.

Второй ответ твой всем читал, но печатать нельзя. Боюсь, если бы здесь пропустили, чтобы и вашим ценсорам за сии личности не досталось.

Пушкин-поэт дрался на дуэли, но противник не хотел стрелять в него. Так я слышал. Боюсь для него неприятных последствий, ибо граф Воронцов устанет или может устать отвращать от него постоянное внимание на него правительства.

Выписку из гр[афа] Х[востова] прошу представить от меня И. И. Дмитриеву при засвидетельствовании моего высокопочитания.

623.

Князь Вяземский Тургеневу.

5-го мая. [Москва].

Завтра будет заседание у Спаса, и дело мое предложится, а в четверг, вероятно, к вам отправится для заключения.

Надеюсь, у вас оно не залежится.

Жихареву говорил: он хлопочет, но толку добиться не может; надеется, что крестьянина успокоют в старости, но свободы доставить ему не обещается. Да и трудное дело, по словам его: свободный, он потребует жены и детей её. И у нас здесь в Москве завязывается грустное дело: старик Куракин, раздраженный сплетнями московских баб обоего пола, отказывается дать свободу Семенову и велит возратить Вьельгорскому деньги, уже отданные (по предварительному извещению сына) в странноприимный Куракинский дом. Сын все обнадеживает, что смягчит отца, но будущее – дело темное. Не имеешь ли способа как-нибудь умеренно и осторожно, но решительно подействовать на старика через министра князя Голицина или графа Аракчеева? Жаль, что Николая Ивановича нет! Подумай, что и как сделать и дай мне знать.

За кого ты меня принимаешь, полагая, что я *свяжусь с Булгариным*? Я и с Дмитриевым связался потому, что почел его Каченовским, а Каченовский все имеет же какой-нибудь голос в литературе нашей и господствует над заднею частью нашей публичной публики. Связавшись, надобно было развязаться, и – завязалось. Булгарин и в литературе то, что в народах: заяц, который бежит между двух неприятельских станов. Ответ его на мое изобличение его во лжи в отношении биографии Дмитриева ничего не значит. По его мнению, о Дмитриеве нельзя говорить потому, что заслуги его слишком велики: да о ком же говорить, как не о людях, достойных внимания? Неужели же говорить об одних Хвостовых, да Булгариных?

Жалею о Бирукове, когда он в беде; по не менее того презираю его, когда он в должности. Чем дело кончилось?

Скажи Плещееву, что его *protégée*, певица St.-Brice, дает концерт в четверг; что рад за нее стараться, но худо падеюсь на успех. Мы только что начинаем отдыхать от концертов, да и к тому же множество людей уже разъехалось по деревням.

По твоим словам я отыскал «Инвалид» 26-го марта. Нет никакой соли в этой мистификации. Не станут ли еще разыскивать творца?

Кланяйся Карамзиным. Радуюсь сердечно, что Николеньке лучше.

Найди в Петербурге французский перевод сочинений Шлегеля: «*Ueber dramatisclie Kunst und Litteratur*» и пришли мне его поскорее.

Прощай! Отошли приложение к Воейкову. Дмитриев в ответах своих Хвостову на присылку новых произведений, никогда не называет стихов его стихами и всегда ищет какого-нибудь иносказания, например, как следующего: «Благодарю вас за письмо и за приложение, и прочее. На днях застал я Василия Львовича, проповедующего своему знаменитому камердинеру Игнатию твердость и великодушие в пренесении рогов, которые всадила ему жена. «Чем же я тебя хуже», говорил он ему, «а и я был роконосец». «Не жалуй меня в майоры», отвечал Игнатий, «да не». Сцена была бесподобная!

Василий Львович утешал его от доброй души; представь себе притом, что вся его дворня была свидетельницею увещаний, и ты постигнешь всю патриархальность этой сцены. Скажи об этом Дашкову: ему коротко знаком Игнатий, и мы с ним праздновали на его свадьбе. Василий Львович, забывши тогда, что гостиная его усажена лакеями и прачками, подходил к нам, потирая свои руки, и спрашивал: «*N'est-ce pas, qu'on se trouve assez bien chez moi?*»

624. Тургенев князю Вяземскому.

6-го мая. [Петербург].

Письмо твое и *последнее слово* посылаю к В[оейкову] и Ж[уковскому]. Не знаю, напечатают ли? Теперь ценсорам не до личностей, но до собственного лица; да и без сомнения, им может быть новая беда от подобных перебранок; ибо тут и слово *честь* замешано, то есть, письменная пощечина. Впрочем, я не помешаю, во и содействовать не буду; ибо теперь не до того по *этой части*. Пожалуйста, перестань вздорить. C'est indigne de vous et je ne vous reconnais pas dans tout ce fatras polémique. Искры твоего ума нет во всем споре.

Где прежний ты, кипящий, соли полный?

Сегодня везет Жуковский Батюшкова в Дерпт, а уже не в Дрезден. Крылову дано десять тысяч рублей единовременно.

Пред глазами моими приготовление к параду всего гвардейского корпуса в четверг. Теперь одна кавалерия несется на Марсовом поле,

И рад бы, вырвался отсюда, во нет возможности. Однако ж летом верно буду с вами, хоть и грустно будет расстаться с Черной Речкой.

Спасибо за царский билет. Прости! Карамзину Николаю лучше, и это не корь была.

Уведомь тотчас о последствии спасительного заседания сегодня.

625. Князь Вяземский Тургеневу.

12-го мая. [Москва].

Сегодня Кушников дал мне знать, что определение по моему делу записано в журнале; вероятно, оно или пошло сегодня к министру, или пойдет в четверг. Теперь твое дело.

Что за глупая – эта старая Москва! Какие даю обеды на счет будущих благ? Охота им врать, а тебе или вам охота верить! Угадываю, что дело идет о том, что князь Дмитрий Владимирович обедал у нас сам-пять или сам-семь, напрашивавшись к жене во всю зиму. Куда ни обернись – все Михайлы Дмитриевы разных мастей, все глупцы, сплетники, подлецы! Могу ли я решиться мытарить деньги истинно кровные или кровавые? За кого вы меня принимаете? Право, досадно!

Воля твоя, ты слишком строго засудил мою полемику. Разумеется, глупо было втянуться в эту глупость, но глупость была ведена довольно умно. Открытие и закрытие кампании состоит из одних хладнокровных грубостей и не требовали затей остроумия; в промежутках была партизанская выходка в разборе второго «Разговора» и в этой выходке, что ни говори, много забавного. Вступление совсем неглупо; впоследствии некоторые удары нанесены удачно. Вся Москва исполнена нашей брани. Весь Английский клуб научили читать по моей милости. Есть здесь один князь Гундоров, охотник до лошадей и сам мерен преисправный, к тому же какой-то поклонник Каченовского. Читая в газетной мою первую статью, останавливается он на выражений *бедные читатели* и каким-то глухим басом, ему свойственным, спрашивает, обращаясь к присутствующим: «Это что значит? Почему же князь Вяземский почитает нас всех бедными: может быть, в числе читателей его найдутся и богатые. Что за дерзость!» Иван Иванович был свидетелем этой выходки и представлял мне ее в лицах. Он племянника своего уже не принимает к себе и говорит: «Пусть будет он племянником моего села, а не моим». Мне хочется предложить ему, чтобы напротив: оставил он его своим племянником, а меня признал бы за племянника наследства своего. Одна вышла польза из нашей перебранки: у бедного Шаликова прибыло с того времени 15 подписчиков.

Завтра Елена Григорьевна Пушкина отправляется. Дирекция театральная русская купила калмыцкий балет Ржевского. Предвидишь ли успех в стараниях о Семенове? Нельзя ли как-нибудь употребить тут прекрасную Юлию? К какому времени будешь в Москву? Предвари меня заранее, потому что мне предстоят многие поездки, и не случилось бы нам разъехаться. Слал ли ты эпиграммы Воейкову? Жена, кажется, поедет на той неделе; в конце этой переезжаем в Остафьево. Лета все еще у нас нет. Дожди, холодные ветры. Прости!

У Каченовского в лакейской
Он храбро петушится вслух:
Быть так! Но если он петух,
То верно уж петух индейской.

Не забудь французского Шлегеля.

626. Тургенев князю Вяземскому.

16-го мая. [Петербург].

Ни от тебя, ни от Коммиссии ни слова об имени. От Николая получил письмо из Берлина, куда он попал неожиданно, проплавав две недели на бурном море и не пристав к Копенгагену, но сперва к Борнгольму, а потом к Рюгену, где и вышли на берег. В Берлине советовался он с Гуфеландом, который утвердил план его лечения; ходил за университетские лекции и желал увлечь с собою и Боричку Юсупова.

Посылаю тебе стихи, которые содержанием, вкусом и слогом выражают состояние нашей словесности.

Мы готовимся к большим переменам.

В субботу Жуковский увез Батюшкова в Дерпт; и он охотно поехал, сказав, что Дерпт ему когда-то и своею наружностью понравился.

Дашков был очень болен, теперь лучше. Рибопьер причислен к Министерству иностранных дел. Сергей Ланской отставлен. Карамзины переехали в Царское Село третьего дня.

627. Князь Вяземский Тургеневу.

20-го мая. [Москва].

Завтра отправляемся в Остафьево, а оттуда жена отправляется в Одессу в конце недели.

У нас такая погода, что грязь на душу ложится. Боже мой, что за земля! Где вознаграждения? Я давно, то-есть, с неделю, не получал от тебя весточки. Скажи же, к которому времени будешь в Москву, чтобы мне не прогулять тебя.

Имеете ли что от Спаса обо мне? На днях обедали мы у Дмитриева, и Жихарев угощал нас острогом: роскошь деспотизма! Все чисто, все блестит, аптека с позолотами, по пет роскоши человечества и нравственности. Десятилетние мальчики, таскавшиеся по миру без вида, сидят по месяцам в школе разврата и злодейства с закоренелыми разбойниками! Пустые справки задерживают по году людей только подозреваемых! Что за хаос! Прости!

Кланяйся Карамзиным, а писать им буду после: теперь заели хлопоты отъезда.

Уймите, ради Бога, Булгарина; пусть его ругает меня, но не позволяйте ему объявлять свое благоволение Жуковскому. Ведь теперь не то время, чтобы поляки могли наложить нам самозванца! Ради Бога, уймите, а то право я хлыну.

Михаил Дмитриев! Теперь ты вовсе чист:
Клеврет твой – Писарев и Каченовский – барин,
А похвалой своей тебе позорной лист
Скрепил Фаддей Булгарин.

628. Тургенев князю Вяземскому.

21-го мая. [Петербург].

Мы получили представление Коммиссии в день моей отставки а на третий день отставки князя. Я просил его написать к государю и просить о разрешении сего дела, ибо он сам уже не мог утверждать представления Коммиссии. Вчера написал князь и вчера получил обратно свою записку с высочайшим утверждением. Сейчас пишу о сем к Карамзиным, которых видел вчера в Царском Селе. Давно не был я так счастлив, как теперь, и этим чувством обязан Карамзиным. Я снова ощутил веру в людей, давно во мне погасшую. Я не воображал, чтобы можно было меня так любить, как Карамзины меня любят.

О случившемся со мною теперь одно слово. Я – жертва лжи и клеветы самой гнусной, почти невероятной. Тебе признался бы я во всем; но говорю искренно, что и тени правды нет во всех обвинениях, митрополитом формально, лично государю, на меня особенно принесенных. Я уверен, что истина восторжествует и, может быть, очень скоро. Наши иезуиты неискусны и, в радости торжества своего, забывают и самые обыкновенные правила интриги. Вот указ обо мне. Теперь переезжаю на дачу, но скоро надеюсь быть с вами.

Накануне отставки узнал о гневе на меня государя и был спокоен; но теперь так счастлив, как давно не бывал, и этим обязан душе Карамзина. прости!

Вот письмо В[итбергу], которое вчера забыл отправить. Мое дело – не секрет, и приятелям можешь говорить о нем, но так, чтобы не дошло до матушки, которая знает об отставке, но не причину оной – *et pas la manière dont cela a été fait*. Не показывай Вит[бергу] бумаги.

К письму Тургенева приложена следующая копия с записки князя Голицына:

Ваше величество поручили мне купить имение князя Вяземского для сооружения храма во имя Христа Спасителя по просьбе, принесенной Вам Николаем Михайловичем Карамзиным. Ныне поступило представление ко мне из Коммиссии, здесь прилагаемое, о покупке сего имения, которое я утвердил бы, но не считаю себя вправе по воследовании указа о моем увольнении от министерства духовных дел; а как отделение греческого исповедания сего департамента еще не вошло ни в чье ведение, то не угодно ли будет вашему величеству утвердить записку сию для приведения в надлежащее исполнение. Подлинную подписал князь Александр Голицын. С.-Петербург, 20-го мая 1824 г.

На подлинной написано собственною его императорского величества рукою тако: «Быть по сему». Царское Село, мая 20-го 1824 года».

629.

Тургенев князю Вяземскому.

23-го мая. Черная Речка.

Прекрасное утро и спокойная совесть! Сейчас был у меня князь Мещерский. Первый вопрос: отправит ли он сегодня высочайше утвержденную записку о покупке твоего имения? Он отвечал, что должен дни два повременить, ибо не знает, может ли и как сноситься с лицами и местами, от Синода не зависящими. Но на сих днях все сие решится, и повеления государева переменить нельзя. Будь спокоен: все уже сделано.

Вчера переехал я сюда к обеду и нашел уже Сережу в нашем домике (где жил Греч, подле нашего прежнего) и с хорошим обедом. Это настроило мою душу так счастливо, что только одно письмо Карамзина, полное сильной и прекрасной дружбы, могло увеличить и еще более усладить чувство нравственного бытия моего. Давно я не бывал в таком расположении духа. Вера в дружбу возвратилась, и о прошедшем только уже грустно, а не больно. Заеду к St.-Florent и если найду французского Шлегеля, то пришлю сегодня же.

Во вторник был я в Царском Селе и провел день с мудрецом-другом. Я не воображал, чтобы меня можно было так любить, Теперь и я скажу: «Ах, что бы ни было – я знаю, где бы мне убежище найти, и где нежнейшее хранится участие к судьбе моей!» Прости! Надеюсь скоро с вами свидеться, но еще спишусь прежде. Ведь ты куда далее подмосковной не уедешь?

630. Князь Вяземский Тургеневу.

26-го мая. [Москва].

Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!

Третьего дня был для меня день сильных впечатлений. проводив утром жену из Остафьева, поторопился я ускакать в город от нервической и сердечной тоски, которая меня давила. Приезжаю и узнаю одно вслед за другим в Английском клубе: смерть Бейрона – из проклятого «Conservateur», и вашу катастрофу от Жихарева, который начал говорить мне о ней мимоходом, полагая, что она уже мне известна. Последнее впечатление неприятное скоро уступило силе благоразумия, но первые два все еще лежат на мне. Я очень смутен и черен. Разлука – та же смерть, потому что и смерть не иное что, как разлука; и вот от чего жена и Бейрон слились во мне в одно горестное чувство. Какая поэтическая смерть, – смерть Бейрона! Он предчувствовал, что прах его примет земля возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы европейской. Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину. Вот случай Жуковскому! Если он им не воспользуется, то дело кончено: знать пламенник его погас. Греция древняя, Греция наших дней и Бейрон мертвый – это океан поэзии! Надеюсь и на Пушкина.

Я читал в письме к Дмитриеву относительно ко мне. Кажется, мне нечего бояться, что катастрофа ваша оборвется и на меня; а разве затянется? Дай поскорее знать, что будет и что должно будет делать, если делать нужно. Правда ли, что Шихматов назначен на твое место? Сделай милость, не забудь собрать все мои письма и обрывки писем из тех, которые готовились на известное употребление, и даже те, которые уже были в употреблении: осторожность не лишняя. Прощай, мой милый! Ты, говорят, скоро будешь сюда. Сделай милость, поспеши.

Булгарин в своей книжке сравнивает нас как-то с телеграфами, следующими данному движению первого. Вот ответ:

Ты прав! Равны у нас движенья:
При виде низкого и злого дурака
У каждого с сердец подымется рука
И опускается с презренья.

Сегодня обедаю у Ивана Ивановича с глаза на глаз или, правильнее, с глазами на глаз. Что было с Дашковым и каков он?

На обороте: Милостивому государю моему (прошла пора, когда он был *милостивый государь*) Александру Ивановичу Тургеневу. (Нарочно написано нечетко, чтобы, в случае нужды, отпереться от переписки с ним). О жительстве его справиться поосторожнее в Синоде или в полиции.

631. Тургенев князю Вяземскому.

27-го мая. [Черная Речка].

Не беспокойся, что не послал по сие время утверждения представления в Коммиссию. Причиною тому только то, что не установлен еще порядок сношений по сим делам, и князь Мещерский не имеет права объявлять высочайшие повеления. На сих днях все устроится, и твое дело будет немедленно исполнено, ибо переделать его уже нельзя: есть «Быть по сему».

Сейчас, после легкого обеда, еду к Карамзиным с Сережей и Плещеевым. О Батюшкове плохия известия: он ушел, и всю ночь его найти не могли; наконец, поутру, на другой день, проезжий сказал молодому Плещееву, что видел верст за 12 от Дерпта человека, спящего на дороге. По описанию, это был Батюшков; Жуковский с Плещеевым поехали и нашли его спящего. Едва уговорили возвратиться с ними в Дерпт.

Жуковский еще не приехал. Прости! Что у вас о нас толкуют? Пиши больше, но осторожнее, ибо клевета не оставляет меня. Новые мерзости выдуманы на меня, так что едва и злодеи верят. Но, к счастью, пробалтываются, и источник открывается почти в одно время с тем, что из него истекает. Я спокоен и весел, как давно не бывал.

Читаю философию Михаила Ивановича Полетики и обнял недавно и Северина.

Männerstolz vor Königsthronen,
Wahrheit gegen Freund und Feind,

а у меня нашлись друзья, каких немного и не в наше время бывало.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве.

Булгакову: Отправь это письмо. Я еду в Царское Село. Сегодня возвращусь; здесь ночую, а завтра буду в Совете и потом – на реку забвенья всего, но только не любви.

632. Тургенев князю Вяземскому.

29-го мая. [Черная Речка].

Сегодня получил князь Мещерский разрешение принять дела по первому отделению бывшего моего департамента, и сейчас я просил его отправить завтра же в Москву предложение по твоему делу, а к тебе или ко мне в Царское Село, куда я на завтра еду, прислать копию с предложения, что он, верно, и исполнит.

Жуковский возвратился. Батюшкова повезли в Зонненштейн, ибо в Дерпте нельзя его лечить. Провожает его хороший доктор. Туда же поехала, но не вместе с ним, сестра его.

Я собирался сегодня в Царское Село ехать вместе с Севериным, но смерть маленького робенка графа Нессельроде помешала ему, и я еду один, то-есть, завтра, ибо пишу 29-го мая. На Черной Речке холодно и еще не людно, но скоро закипит здесь народом. Прости! А. Тургенев.

633. Тургенев князю Вяземскому.

3-го июня. [Черная Речка].

Получил письмо твое от 26-го мая с описанием сильных впечатлений и с сильной эпиграммой на Булгарина, напомнившей тебя прежнего. Прочту ему самому.

Жуковский узнал о смерти Бейрона, имея на руках русского сумасшедшего поэта. Бейрон умер вполовину давно уже для поэзии, ибо последние его сочинения ниже его репутации, но смерть его в виду всей возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин, верно, схватит момент сей и воспользуется случаем.

Я не знаю еще, когда приеду в Москву. Между нами: моя участь не решена еще. Государь велел министру финансов прислать указ о сохранении мне всего жалованья и другой, сказывают, дан о квартире, но «не о хлебе едином жив будет человек». Я могу остаться только на условиях чести и с полным блеском невинности. Черная клевета не должна радоваться своею жертвою, когда клевета признана клеветою. непрерывно она варит яд, который должен отравить меня или, по крайней мере, обессилить надолго. Новые выдумки хуже старых. Один голос публики весь за меня, но это вряд ли не более повредить мне.

Я получил письмо от И. И. Дмитриева об Измайлове, но письмо сие – загадка, которую должен разгадать мне Карамзин. Не ожидая сего, я просил вчера уезжавшего в Царское Село князя Голицына доложить государю о Измайлове по старой записке о нем, мною ему снова отданной. Авань!

Брат пишет из Дрездена: путешествует счастливо и весело. прости! Ветрено и холодно. Копия с предложения к тебе послана.

634. Тургенев князю Вяземскому.

4-го июня. [Черная Речка].

Сейчас еду с Плещеевым в Царское Село; обедаю у Карамзина; оттуда в Павловск ночевать, с Жуковским («Nonni soit qui mal y pense»), и потом в Царское Село работать с князем Голицыным и во-свояси. Писать к тебе не имею времени, хотя и получил эпиграмматическое письмо твое. Первой не читал никому, чтобы не дошло до сердитого Ж[уковского]. У него готовы примечания, и переписана на-бело твоя пиеса. Сегодня, вероятно, и письмо напишет; по крайней мере требовать буду.

В Москве умерла одна из твоих знакомых, с которой я танцевал на твоём бале – сестра Каверина, что за Олсуфьевым. Брат здесь и по своему горюет. Муж – иначе, ибо знал счастье любви также иначе.

Романса графа Вьельгорского отыскать не мог. Вчера уехали они в деревню и пробудут более года. Я недавно с ними познакомился и очень коротко; полюбил их, и жалею, что едут. прости! Торопят. А. Тургенев.

635.
Князь Вяземский Тургеневу.

8-го июня. Остафьево.

Спасибо за все твои дружеские, сердечные хлопоты по моему делу. Коммиссия уведомила меня о получении повеления Царского. На днях приступят к совершению купчей. Витберг едет в Петербург.

Когда же ты будешь к нам? Смерть тошно и на душе, и на уме! Ужасная нравственная – охлаждает меня всего. В одном письме к тебе недавно говорил я о счетах моих с Жуковским: отыщи его, да покажи ему; также и то, где говорю о нем и о Бейроне.

На днях говорили мне в Москве, что ты в чистой отставке с чином тайного советника. Сейчас приехали ко мне Четвертинский и не дают разболтаться с тобою,

Пришли же мне Шлегеля французского!

На обороте: Александру Ивановичу Тургеневу.

636.

Князь Вяземский Тургеневу.

11-го [июня]. Остафьево.

Спасибо за грамотку 3-го июня. Как мне хотелось бы ясно разглядеть твои дела! Я и догадаться не умею о том, что могли наклепать на тебя. Разве, что ты обижал просвирен и церковных старост в храмовые праздники излишним потреблением за духовными трапезами.

У нас сегодня первый красный день, да и тот, того и смотри, что к чорту полетит от ужасного ветра. Не знало, старость ли физическая, или успокоение нравственное, душевная трезвость после пьянства страстей тому причиною, но хорошая погода делается для меня необходимостью. Дышать на солнце, впивать в себя благорастворенный воздух есть уже наслаждение. О счастливых жителях благодатного климата можно сказать с Крыловым:

Бывает грустно им, а скучно никогда.

Мне, по крайней мере, на чистом, открытом воздухе никогда скучно не бывает. В лоне свежей воды я все забываю. Купание есть для меня такое наслаждение, которое еще никогда не притуплялось. Когда я подумаю о полуденных сторонах, то готов бы сбросить с себя оружие, кинуть пост свой, где стою на часах, и убежать от всего настоящего и будущего, как швейцарец, встревоженный песнями родины. Что за жизнь паша здесь, где небо пасмурное, а земля еще пасмурнее, где нельзя греть ни брюха на солнце физическом, ни сердца на солнце нравственном!

Неужели Жуковский не воспоет Бейрона? Какого же еще ждать ему вдохновения? Эта смерть, как солнце, должна ударить в гений его окаменевший и пробудить в нем спящие звуки! Или дело копченное? Пусть же он просится в камер-юнкеры или в вице-губернаторы.

Кто будет в Москву куратором? Говорят, Бунина. Правда ли? Теперь не жаль заплатить тебе почталиону за письмо: живот твой расколыхался от смеха, и я доволен; мое дело сделано! Но этого недовольно: сейчас пишу к Жихареву о Буниной, чтобы он распустил этот слух до Антонского. Это золото!

Не от того ли держат тебя в черном теле, что ты жил прошлого лета на Черной Речке?

637.

Тургенев князю Вяземскому.

17-го июня. [Черная Речка].

Письмо твое от 11-го получил. То, что на меня наклепано, так гадко и глупо, что едва ли и на словах пересказать духу достанет. Писать не хочу, да и скучно. Я вознагражден общим мнением, но всего более дружбою Карамзина. Мысль о сем унесу с собою всюду и на всю жизнь. У других слезы навертываются, когда говорят о доказательствах его дружбы ко мне. Что же должен чувствовать я? Я, разучившийся верить дружбе.

Третьего дня обедали у нас на Черной Речке: Жуковский, Блудов, Дашков, слепой Козлов, а потом пришли Греч, Боратынский и Дельвиг. Боратынский читал прекрасное послание к Богдановичу. Дашков прочел нам (не всем) твое письмо к нему.

Сейчас еду в Царское Село и буду обедать у Карамзиных с Севериным. Вот тебе одни имена и журнал съестного провозждения времени; но писать духу нет иначе, как о съестном с тех пор. Как мне возвратили столовые деньги и жалованье, всего 6000 рублей директорских, из Государственного казначейства. Это, вероятно, возбудит новые клеветы Фотия с товарищами, но не надолго. Я помню, что «не о хлебе едином жив будет человек». Прости!

Сергей Уваров – тайный советник. И на его счет есть также общее мнение. Затмил Козод[авлева] и Сабл[укова].

Вчера прислал ко мне Грибоедов письмо твое и обещал побывать у меня. Сегодня скажу Жуковскому твое поручение об экземплярах.

От брата Николая получил письмо из Карлсбада. Он начал лечиться; но думает, что для будущего нужно ему приготовить теплый климат и жизнь более беззаботную, и помышляет о Крыме, ибо в Петербурге может опять засорить печенку и сердце.

638.

Князь Вяземский Тургеневу.

22-го [июня]. Остафьево.

Воля ваша, мы за твои грехи страдаем, или небо мстит нам за то, что ты пострадал. Вся Россия молится о ведрах или о дожде. Другие сохнут, мы мокнем, как лягушки. Да покайся скорее или прости своим гонителям и, так или сяк, разотчись с небом, да и полно! Дай нам отдохнуть!

Когда же ты будешь? Мне смерть хочется знать твою историю. Боголюбов, которого я видел на минутку в Москве, рассказывал мне кое-что о тебе, но я знаю его рассеянность и потому все еще ничего не знаю. Денис Давыдов говорит о нем: «Как не съели его в этом новооткрытом обществе петербургском?»

Я сейчас получаю твое письмо от 17-го. Хорошо делаешь, что хвалишь Карамзина, но дурно делаешь, что бранишь других. Какое право имел ты разучиться верить дружбе? Тут пет личности, то-есть, не о себе говорю, потому что моя дружба не имела случая быть испытана тобою, но, например, Жуковский? Уж, конечно, по чувствам он исповедует дружбу православно и безгрешно. Ты любишь экзальтироваться. Тут есть и добро, и зло; *mais avant de s'entousiasmer pour quelques uns, il faut être juste envers tous*. В нашем быту, то-есть, в отделении de l'entrevue Arzamas, только и есть хорошего, что мы исповедуем дружбу словом и делом. Не гневи Бога неблагодарностью!

Познакомьтесь с Грибоедовым: он с большими дарованиями и пылом. Пришлите мне послание Боратынского. Что его дело? Денис писал о нем несколько раз к Закревскому. Долго ли будут у нас поступать с ребятами, как с взрослыми, а с взрослыми, как с ребятами? Как вечно наказывать того, который не достиг еще до законного возраста? Какое затмение, чтобы не сказать: какое варварство!

Прости, мой милый расстрига! Обнимаю тебя сердечно.

На обороте: А. И. Тургеневу.

639. Тургенев князю Вяземскому.

1-го июля. [Петербург].

Вчера, в день всех апостолов, следовательно, и твоего Петра, ездил с Севериным пить за твое здоровье шампанское в Царское Село с Карамзиным. Провел с ними весь день и получил от них твое письмо от 22-го. Не знаю, когда буду, но верно не в июле, а позже.

Мне ли не верить дружбе после всех доказательств Карамзиных и ваших? Если иногда и отзовется в душе прошедшим безверием, то, при воспоминании едва или еще и не совсем прошедшего, все успокоивается.

Граф Воронцов прислал представление об увольнении Пушкина. Желая, *coûte qui coûte*, оставить его при нем, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже не возможно; что уже несколько раз, и давно, граф Воронцов представлял о сем, *et pour cause*; что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковал я о сем с Сенервным, и мысль наша остановилась на Паулуччи, тем более, что П[ушкин] и псковский помещик. Виноват один П[ушкин]. Графиня его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно! Куда с ним деваться?

Грибоедова еще не видел.

640. Князь Вяземский Тургеневу.

7-го июля. Остафьево.

Сейчас получил я твой лоскуток письма от 1-го поля. Я уж думал, что ты, навыворот других, стал спесив в опале и перестал вовсе писать ко мне.

Мне жена уже кое-что о деле Пушкина писала, но не совсем так, как ты. Вот её слова: «Il vient de faire de nouvelles farces, à la suite des quelles *il a demandé son congé*; tous les torts sont de son côté. *Je sais de bonne part qu'il ne Varna point*. Il me peine véritablement, mais jamais je n'ai rencontré autant d'étourderie et de penchant à la médisance comme en lui; avec cela je lui crois bon coeur et beaucoup de misanthropie, non point qu'il fuit la société, mais c'est les hommes qu'il craint; c'est peut-être l'effet du malheur et les torts de ses parents qui l'ont rendu ainsi».

Разумеется, будь осторожен с этими выписками. Но, видно, дело так повернули, что не он просится: это неясно! Грешно, если над ним уже промышляют и лукавят. Сделай одолжение, попроси Северина устроить, что можно, к лучшему. Он его, кажется, не очень любит: тем более должен стараться спасти его; к тому же, верно, уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель.

Спасибо за вашу царскосельскую поездку в Петров день. Не будешь ли ты к нам хоть в день своего ангела, наш ангел? Жуковского ли стихи на смерть Нарышкиной в «Сыне»? Скажи мне что-нибудь в письме своем о Марии Антоновне. Четвертинские очень огорчены её горем и ничего о ней не знают.

Сейчас еду в Москву совершить купчую и судьбу. Не знаю, как доеду: дороги непроездимы. На днях я того и смотрел, что закажут мне ковчег для спасения и велят взять по паре всяких тварей. Ты уж был у меня в списке, но не знал, где найти твою двойчатку. А мне Ноем быть можно: *si lui a planté la vigne, moi je cultive celle du Seigneur*.

Кланяйся Дашкову и скажи ему, что письмо его к Пушкиной отправлено к мужу. Обнимаю!

Сделай милость, извещай меня о судьбе Пушкина. Что слышно о Батюшкове? Что за бедственность такая душит Россию? Что делает Новосильцов? Зачем приехал? Каков он? А Байков?

641. Тургенев князю Вяземскому.

15-го июля. [Петербург].

Письмо твое от 7-го поля получил. О Пуш[кине] ничего еще не знаю, ибо не видел ни Нес[сельроде], ни Сев[ерина]. Последний совершенно отказался принимать участие в его деле, да ему и делать нечего. Решит, вероятно, сам государь; Нессельроде может только надоумить. Спрошу его при первом свидании. Вчера пронесся здесь слух, что Пуш[кин] застрелился; но из Одессы этого с вчерашней почтой не пишут; да и ты бы от жены лучше знал.

Стихи не Жуковского на смерть Н[арышкиной], а, кажется, Лобанова. Вчера обедали мы у Дашкова в Екатерингофе.

Батюшков в Зоннештейне, и помещен уже. Из Дрездена он опять ушел, но его поймали. Нового известия о нем еще нет. Сестра еще не писала из Дрездена.

Вчера же был я с Новос[ильцовым] и Байковым на закладке Университета у Рунича, где был и новый министр. Приехал за делом, особливо университетским. Был с государем в колониях, но, кажется, еще не работал. Он все тот же, только поздоровел. Байков с ним по старому.

Бетанкур умирает, если уже не умер. Оставляет семейство без куска хлеба. Государь дал рескрипт, успокоивающий его на счет его семейства.

О времени моего приезда в Москву ничего еще не могу сказать верного. Я сказал бы, что я еще между страхом и надеждою, если бы чего-нибудь страшился или надеялся. Мое дело не кончено, и развязка не так верна, как думают.

Читаю Бенжамена Константа «Sur la religion» и «Возрождение Греции» Пукевиля, и стансы Масса на смерть Бейрона, послание к Ламартину и к Грекам, перевод стансов Моора на Бейрона же.

Самойлов женится на Юлии Пален; князь Андрей Михайлович Голицын – на красавице Балк; Сухозанет – на княжне Белосельской. Саблукова вышла в воскресенье за Мададова со всею азиатскою пышностью.

М. А. Нар[ышкина] скоро едет в чужие края, и с ней Кологривов и жених милой Софьи. Она плачет и слезами облегчает горесть. Вот все, что мы знаем. Прости!

Софье Н[иколаевне] лучше, но все еще болит больное место. Она напугала нас кровотечением, 12 часов продолжавшимся от пиявки.

642.

Князь Вяземский Тургеневу.

25-го июля. Остафьево.

Спасибо за грамотку от 15-го июля. Твои письма редки, как здравый смысл на Руси, как летний день летом на Руси. Да приезжай скорее сюда очиститься, омыться! Мое дело кончено: деньги получены, теперь идет расплата. Старые грехи прорвали плотину и несутся через меня. Теперь займусь, окончив бюджет прошедшего, составлением бюджета будущего. Хочу решительно взяться за ум, если можно назвать умом: положить жизнь на цифры; по делать нечего, а не то жизнь то в цифрах будет нуль. Я не просил состояния; я умел бы обойтись его. Я не просил быть русским; я умел бы быть и другим. Больно, досадно, тошно! Конечно, только тот благоразумен и по истине человек, кто на каждом месте может быть на своем месте, разумеется, не говоря о местных дарованиях; например, первым скрипачем в оркестре нельзя быть тому, кто не рожден быть первым скрипачем; но в житейском быту – дело другое. Каждый может справиться с своим рулем. Я не умел и дал промах почти везде! Отчего? Реши! Вот тебе задача для поучительного казания, мой униат-разстрига! Тут и себя можешь задеть, потому что и в твоей партии начтется несколько важных киксов.

26-го.

Знаешь ли, что я читал вчера? Находку для меня совершенно новую: критику твою на Карамзина. Шаря в своей библиотеке, напал я на «Северный Вестник» 1804 года, месяц июнь: «Критические примечания, касающиеся до древней славяно-русской истории». Хоть бы Каченовскому! Так и душишь латынью, да и грекам спуска не даешь. Я читал тебя с большим удовольствием. Тут есть жар и душа. Знал ли ты в Геттингене, что критикуешь Карамзина? Послушай, брат, как Шатобриан в опале, примись опять за перо и пиши для журналов! Только вот беда: ты, я думаю, всю науку свою заел просфирами. Сердится ли на меня Жуковский, что я Лобанова принял за него? Хорошо, что еще не Ростовского. Но, воля его, в этих стихах есть и хорошее, и худое Жуковского. Только и меня мучило, что Жуковский в восьми стихах не мог избежать *и вот*, которое у него точно то же, что в картинах Теньера человек, который – , то-есть, неминуемая подпись его. А теперь я вижу, что Лобанов по – , чтобы подделаться Жуковскому. Скажи ему, то-есть, настоящему за – , а не поддельному, что по приезде моем в Москву, то-есть, на той неделе, разочтуйся с ним и пришлю ему деньги.

О Пушкине, верно, вздор, то-есть, что застрелился? Сейчас получаю письмо от жены от 21-го, где она мне говорит о нем. Спроси у Карамзина: что? Это дело очень неясно. Я и здесь то же слышал. Я получил от него письмо после катастрофы, где он мне о ней говорит, но совсем не в Вертеровском духе. Жена его поминутно видит и бранит; рассказывает, что он очень занят своим «Онегиным». Ежечасно ожидаю еще от них писем через княгиню Софию Волконскую, которая должна проехать Остафьево, ехавши к князю Петру Михайловичу в Суханово, в 10-ти верстах от меня. Жена мне чудеса говорит о княгине Алине. Не был ли ты шафером у Мадатова? Знаешь ли, едва ли не решено, что мы зиму проживем в Одессе. Ступай служить к Воронцову! Жена меня очень подбивает надеть хомут. Теперь одно могло бы меня вовлечь в службу: такое жалованье, которое позволило бы мне откладывать две трети своего дохода; и то лет на пять! Заложил бы я (всячески *заложил*: и в заклад, и в упряжку, и камнем) ум свой и сердце и пошел бы в машины мыслительные, пишушие, как говорили о Стурдзе. Разумеется, и тут с условием не быть *une machine infernale*, то-есть, не *злодействующей*, а такой, как ты был, как вы все: бессильной для добра, по и не потребительной для зла, в роде *palliatif* в людях. Знаешь ли, что мудроно ужитья бы и с таким смиренномудрым расположением духа? Можно закабалить на время свой энтузиазм и умерить свои требования на

блого: тут еще не унизишься, а только сожмешься. Но вот беда, если притупишь и остудить свое негодование; а как не наложить на него руки, когда делаешься орудием вопреки ему? Для избежания терний, неминуемых на таком поприще, надобно чрезвычайно ограничить круг своего действия; пользоваться средствами только теми, которые непосредственно от тебя зависят. Можно решительно в пользу ближнего употребить пять рублей на осязательные его потребности; но не всегда удастся так же полезно во всех отношениях употребить тысячу рублей или сто, потому что действия и последствия убегают из-под влияния руки вашей и минуты. То же самое бывает и в службе.

Сделай одолжение, пришли мне В. Constant: «*Sur la religion*» и все, что имеешь или имеется в Петербурге о смерти Бейрона. А я и сам скоро отплачу: я писал в Лондон и в Париж, чтобы прислали мне все, что появилось о нем. Я сам брюхат смертью Бейрона, прозою, но ожидаю инструментов, чтобы вернее сделать операцию. Пришли же, что имеешь. Ты знаешь, что у меня не твои руки: все возвращу исправно.

Итак, мы, видно, с тобой здесь не увидимся. Я только хотел бы звать твое дело, а там и чорт с тобой!

Читал ли ты *Ourika*? Прелесть! Отчего у нас и такой безделицы никто не в состоянии написать? Читал ли ты Кюхельбекериаду во второй «Мнемозине»? Я говорю, что это упоение пивное, тяжелое. Каково отдал он Жуковского и Батюшкова, да и Горация, да и Бейрона, да и Шиллера? Чтобы врать, как он врет, нужно иметь язык звонкий, речистый, прыткий, а уж ничего нет хуже, как мямлить, картавить и заикаться в вранье: даешь время слушателям одуматься и надуматься, что ты дурак. Что у нас за литература? *M-me Stael* говорила о творениях *m-me Souza*, que c'était de la littérature de colibri, а у нас c'est de la littérature de corbeau.

31-го. Москва.

Ты от Константина Булгакова получить 6500 рублей ассигнациями. Из них отдай Карамзину 4310 рублей; 80 червонцев золотом лучших и бумажками, сколько придется за лучшие по петербургскому настоящему курсу, Николаю Николаевичу Новосильцову при письме моем и спроси у него, как платить: золотом или ассигнациями. Не понимаю, как до сей поры залежался у меня этот долг. 1200 рублей дай Жуковскому; а расчеты ему наши пришлю на следующей неделе. Что останется из денег, оставь пока у себя. Пока прощай! Я в расплатах по горло! Спроси у Северина, что я ему должен за парижские книги и заплати ему.

Если с Новосильцовым есть Журковский, то спроси, нет ли у него росписки моей в получении этих червонцев, которые он мне дал при отъезде моем в Москву из денег Николая Николаевича, и точно ли 80 должен я; или спроси о том у Гомзина.

643.

Тургенев князю Вяземскому.

5-го августа. [Черная Речка]. Утро.

Сию минуту получаю письмо твое, предваренный о нем Булгаковым вчера еще. Распрощался сейчас с Боратынским, которого отпустил в возвратный поход на финский север с надеждою и, проводив от себя Жуковского на Елагин остров к педагогической должности его, спешу отвечать тебе, но не знаю, успею ли послать письмо сегодня*

Приняв деньги от Б[улгакова], расплачусь со всеми и пришлю от всех росписки. Карамзина уведомил о четырех тысячах теперь же. С Нов[осильцовым] и с Гомзин[ым] повидаюсь, но Юрковского, кажется, с ними нет. Будь верен себе и нам и, расплачиваясь, не откладывая ничего на прихоти. В числе их – все несущественно нужное для пропитания себя и детей, Это одно может нас успокоить. Часто заглядываю в будущность твою и Карамзиных и ужасаюсь за детей; но дети Карамзина имеют великое наследство: «Историю», и не всегда же Главное училищ правление будет по экземпляру на губернию подписываться на славу отечества. Недоимку внесут детям, и это спасет их от голодной смерти, а Русь от стыда; но ты еще не нажил из этого наследства. Наживай, а между тем сохрани развалины отцовского. Мысль о детях часто погружает Карамзина в ужасную грусть, смягчаемую только верою в Провидение, которая в нем сильна по-своему. Он чаще прежнего страшится за их будущее, особенно при беспорядках в его имении, с которого ничего не получает. Я предлагал ему туда ехать немедленно и при помощи дельного приятеля при вести в повиновение крестьян его, но он не принял моего предложения. Из Москвы, куда собираюсь вскоре после 16-го сего месяца, может быть и слетаю в нижегородскую его деревню. Авось, мне удастся дать ему некоторое спокойствие, хотя за крестьян его, и заплатить безделицею часть неуплатимой благодарности, к дружбе его питаемой.

Кстати о нем. Статью свою из Гет[тингена] я писал, точно зная, что пишу против Карамзина. В ней виден школьник с жаром к добру, по школьник во всем пространстве этого слова. Знаешь ли, что заставило меня написать сию статью? Я в этом и Карамзину давно признался. В Геттингене узнал я о смерти брата Андрея. Несколько недель, не смотря на поездку верхом в Пирмонт, часто на заглушение пуншем, которого прежде пить не мог, сильного чувства горести, я приходил в отчаяние и в злобу на людей, имея тогда мало веры и много чувства. Желал приняться за чтение, и первая книга попала мне журнал Карамзина и в нем пиеса его, помнится, прогулка по островам, в которой он одного пылкого молодого человека заставляет говорить, что всякое нежное чувство, всякая сильная горесть, которую мы почитаем вечною, не вечна в нашем сердце, что все утихает со временем. Эта психологическая истина возмутила мою душу и меня против Карамзина. Я видал в нем изверга, который не рожден любить вечно, и вздумал мстить ему после чем бы то ни было. Хотелось и выказать свету и батюшке свою ученость, и я написал эту пиесу, исполненную цитатов и напоминающую эпиграмму Шиллера:

Was wir heute gelernt, wollen wir morgen sclion lehren.

Я образумился уже в Москве, снова познакомившись с Карамзиным и прочитав часть его «Истории». Из Москвы начал образумливать и других. то-есть, друга моего Андрея Кайсарова и Шлецера и навлек на себя негодование первого. Смерть брата имела еще и другое важное действие на мою душу: в первый раз я постигнул бессмертие души и душою поверил ему. Без сей веры я точно бы не перенес жизни без него. Еще и теперь сердце порывается на Невское кладбище.

За минуту перед тем, как получил письменный совет твой приняться за перо, Жуковский, ходя по нашей галлерее с сигаркою и приготовляя себя к важнейшему делу его утра, советовал мне также писать *Мысли*, а потом *Записки*, то-есть, *Mémoires*. Отвечать на этот совет грустно. После двадцатилетней моей жизни я еще не соберу свои обыкновенные мысли, не совладею с расслабленными силами ума и не могу читать одну книгу сряду и со вниманием не развлеченным. Душа даже спокойнее головы. Чувствую, что в умственных занятиях надобно иметь цель, а между тем в одно время читаю Клопштока и «Благонамеренного», Bernardin de St.-Pierre и Гердера (в сих много сходства: «*Harmonies de la Nature*» всегда напоминали мне «*Ideen zu einer Geschichte der Menschheit*»), Benjamin Constant и графа Мейстера, Ламене и французский отчет о библейских обществах, классический в своем роде; часто голова горит, если не мыслями, то чем-то похожим на мысли и на чувства, а за перо приняться не могу, ибо для него нужна ясность души и тишина в сердце, которых у меня нет. Довольствуюсь выписками в двухгодичный album, который привезу показать тебе. До ноября подожду решения моей участи, а там туда, где буду часто горевать, а может быть и жалеть о прошедшем, но где скорее могут устроиться голова и затянуться, но не зажить, раны сердца.

Кстати о голове и сердце. Брат Сергей получил интересное письмо от Елены Григорьевны Пушкиной о Батюшкове. Она видела и долго, и много беседовала о нем с его доктором и с женою доктора. Вот, между прочим, что она пишет: «J'ai aussi été malade à Dresde: j'ai gardé le lit vingt quatre heures, ce qui est bien fort pour une santé aussi robuste que la mienne. Ce fut à la suite de mon entrevue avec la soeur de Batuschkoff. J'avais trop pris sur moi, j'avais trop compté sur mes forces, et mes forces m'avaient abandonné... En allant aux eaux, je me suis arrêtée chez cette excellente mademoiselle Batuschkoff, à laquelle j'ai voué un attachement bien sincère. Sonneustein était en face. Je pouvais distinguer la croisée de la chambre, qu'occupe maintenant ce trop malheureux ami. Quel spectacle!.. Au milieu de tant de douleur, une phrase de ce pauvre Constantin, que sa soeur me répétait, a mis le comble à mes regret», и пр., и пр. Содержание фразы то, что она, Пушкина, поехала бы за ним в Крым, если бы детей не имела. Далее: «Le médecin de Sonnenstein donne beaucoup d'espérance. Sa femme, cette femme sublime, qui se dévoue aux soins de son mari, répond aussi de la prochaine guérison de ce pauvre Constantin. Elle est frappée de son esprit, qui perce malgré sa folie, de sa sensibilité, et surtout de cet organe si doux, qui fait supposer un coeur si aimant. Sa soeur a voulu que j'écrivisse à la femme du docteur et que je lui fisse le portrait du caractère de son frère. «Moi, me disait-elle, je n'en ai pas la force!» Je l'ai fait! Et mademoiselle Batuschkoff a été tellement frappée de la connaissance, que j'avais acquise de l'âme de notre cher malade, qu'elle m'avait demandé ce que j'avais fait pour le connaître aussi bien»... Рука устала, но хотелось бы и больше выписать.

Теперь к сумасшедшему другого рода. Ты уже знаешь, что Пушкин отставлен; ему велено жить в псковской деревне отца его под надзором Паулуччи. Это не по одному представлению графа Воронцова, а по другому делу, о котором скажу после на словах. О приезде его туда еще ничего не слышно, и не знаю еще приехал ли?

Желал бы теперь обратиться к твоему проекту служить в Одессе. На какое жалованье ты считать можешь? И уживешься ли ты там? Не проживешь ли. остальное? Знаешь ли ты Воронцова? Могла ли узнать его княгиня? Не увлекается ли она в сем случае приятностию сей жизни и тамошнего общества? Но надежно ли оно? И на долго ли? Жизнь дороже московской, то-есть, в ваших отношениях к Москве, по соседству Остафьева. Я не успел этого порядочно обдумать, хотя давно знаю о вашем проекте. Первая мысль, при первых соображениях и при знании Воронцова (лучше, нежели ты и жена твоя его знаете), была совершенно противна сему проекту. Карамзины и Сергей – также.

Жуковский не успел прочесть твоего письма, но велел на всякий случай поцеловать тебя. Прочтем тебя за обедом на закуску.

Княжна Алина точно прелестная и по уму, и по всему. Дай Бог уцелеть ей во всем и сохранить себя для милого будущего, а не для постылого. Страшусь расчетов Фортуны, то-есть, её любителей; а она бы заслуживала быть счастливою, хотя на минуту, и в сей жизни.

Benjamin Constant теперь у Карамзина. Скоро пришлю, то-есть, первый том, ибо другие два еще не вышли. О смерти Байрона возьму брошюры у графа Строгонова и тебе пришлю по первой почте. Между тем вот несколько стихов из пиесы слепого Козлова:

Среди Альбиона туманных холмов,
.....
В наследственном замке, под тенью дубов,
Певец возрастал вдохновенный.
И царская кровь в его жилах текла;
.....
Но юноша гордый, прелестный,
Высокого сана светлее душой,
Казну его знают вдова с сиротой,
И *глас* его арфы – чудесный.

(В оригинале *звуки*, но *глас*, кажется, лучше).

.....
Встревожен дух юный; без горя печаль
За призраком дальным влечет его в даль, –
И волны под ним зашумели;
Он арфу хватает дрожащей рукой,
Он жмет ее к сердцу со рьяной тоской:
Таинственно струны звенели.

(Смысл последних стихов для меня также тайна).

Скитался он долго в восточных краях
И чудную славил природу;
Под радостным небом, в душистых лесах
Он пел угнетенных свободу.
Любовных страданий палящий певец,
Он высказал сердцу все тайны сердец,
Все буйных страстей упоенья;
То радугой блещет, то в мраке ночном
Сзывает он тени волшебным жезлом,
И грозно-прелестны виденья.
.....
...Песни.....
Но мрака с чела не согнали,
Уныло он смотрит на свет и людей;
Он бурно жизнь отжил весною своей;
Надеждам он верить страшится;
Дум тяжких, глубоких в нем видны черты;
Кипучая бездна огни и мечты,
Душа его с горем дружится.

.....

О нем и о жене его, то-есть, о ссоре с нею и о прежнем их согласии:

Так светлые воды красуясь текут
И ясность небес отражают;
Но, встретя вдруг камень, мутятся, ревут
.....
И шумно свой ток разделяют.
И снова он мчится по грозным волнам;
Он бросил магнит путеводный,
С убитой душой по лесам, по горам,
Скитаясь, как странник безродный.
Он смотрит, он внемлет, как вихри свистят,
Как молнии выются, утесы трещат,
Как громы в горах умирают.
«О вихри, о громы, скажите вы мне:
«В какой же высокой, безвестной стране
«Душевные бури стихают?»»
.....
.....

И слава воскресла, и вспыхнула месть,
Кровавое зарево рдеет.
Цари равнодушны, – он прежде царей
С мечами, с казною и с арфой своей
Летит довершать избавленье;
Он там, он поддержит в борьбе роковой
Великое дело великой душой –
Святое Эллады спасенье.
.....

Доволен ли? То-есть, моею рукою, если не стихами; но и в стихах есть жар и сила. Выписал бы несколько стихов и из «Звезды» Боратынского, но боюсь, чтобы письмо мое не перебило у моего соседа Греча. Вот одна строфа:

И с милой звездочки своей
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Я просил его свести со второго стиха *очеса* и заменить их очами, но жаль прекрасных *небес*.

Я, верно, к концу августа буду в Москве и проживу, вероятно, до возвращения государя в Петербург, то-есть, до начала октября (государь возвратится к 22-му). Я бы желал поски-таться в окрестностях Московской губернии, например, в Нижегородской ярмарке, и побы-вать в деревне Карамзина.

«Урику» читал: *c'est joli, mais c'est peu de chose*. Кюхельбекера читал, и с досадою; утешил он меня только певинностью своего рассказа о разговоре его с Тиком о Новалисе. Он признался ему, что не понял Новалиса, а Тик добродушно отвечал ему: «А я понял».

Довольно для Кюхельбекера, но зачем же признаваться в глупости? Для этого довольно и «Мнемозины». *Недозрелый* Шиллер и *классический* Шихматов! Первый эпитет принадлежит не Кюхельбекеру, а Тику. C'est à peu près son idée sur Schiller, потому что он гетенианец. Давно такого враля не бывало. Это – Бестужев (младший), побывавший в ученой и многомыслящей Германии и подслушавший, но не понявший её литераторов. Впрочем, и в Бестужеве есть талант, но старший брат его пишет лучше.

Николай из Карлсбада снова отправился в Дрездеп посоветоваться с Крейсигом и возвратится опять в Карлсбад, а оттуда в Италию. Надежда к излечению есть, но идет оно, как и всегда, туго.

Крылов купался в ревельском море и перепугал рыб своею массою и, вероятно, еще больше своим аппетитом. Новые басни его прелестны.

Что делает Иван Иванович? Скажи ему мое душевное почитание. Если бы письмо это было не такое беспутное, то можно бы его прочесть ему для выписок из чужих писем- Как хочешь. Софья Безобразова здесь.

644. Тургенев князю Вяземскому.

8-го августа. [Черная Речка].

Вчера получил деньги от Бул[гакова] и дал ему росписку. Был у Новос[ильцова] и застал его сядящимся в карету, по он прочел письмо; я сказал ему, что деньги у меня готовы и червонцами лучшими, и ассигнациями. Он и забыл о них; поручил Гомзину принять, и я досылаю к нему их сегодня по 11 р. 80 к. червонец, по курсу. Получу росписку и тебе доставлю. Юрковского нет. О росписке сказал Байкову и Гомзину. Если есть, то пришлют из Варшавы. Жуковскому 1200 рублей отдал вчера же, но он не знает, за что эти деньги. От Строгонова ответа о брошюрах не получил. Пришлю, если пришлет. У Сен-Флорана нет ничего о Байроне. а будет скоро одна, вероятно та же, что и у Строгонова.

Посылаю элегию Лобанова; а напечатанные стихи в «Сыне Отечестве» не его, а Плетнева. Впрочем, *и вот* есть и в этих. Жуковский вчера прочел письмо твое. Северипа спрашивал о книгах, но еще не получил. Заплачу тотчас, как скоро уведомит. Карамзин был нездоров маленькою лихорадкою, но теперь хорошо. Прости! Какое интересное письмо!

Сию минуту получаю письмо от брата Николая. Он видел Батюшкова. Вот слова брата: «Войдя в ворота, первый, попавшийся мне на встречу, был Батюшков: лицо мрачное; он шел по другой стороне и меня не узнал. Лекарь после сказал мне, что я хорошо сделал, и не свел меня с ним. Он говорит, что теперь ему немного лучше. Прежде он воображал, что он в тюрьме, но Ханыков написал ему, что он в Maison de sauté, и он стал спокойнее. Был у его сестры; она его еще не видала, но лекарь надеется их скоро свести». Распечатал нарочно письмо к тебе, чтобы вписать это. Брат возвратится уже не в Карлсбад, а в Мариенбад пить воды. Карлсбадские худо действовали, но доктор Крейсиг обещает выздоровление после второго курса и после винограда в Италии. В третий раз распечатал и две брошюры от Строгонова посылаю; третью пришлю после. Возврати немедленно по прочтении.

645.
Тургенев князю Вяземскому.

12-го августа. [Черная Речка].

Деньги Нов[осильцову] отданы, и вот росписка. Северин отвечал мне, что на днях будет в Москве и сам с тобою разочтется. Карамзину деньги отданы. Я буду в Москве к 30-му августа. Вероятно, выеду в дилижансе 23-го отсюда.

Вот еще брошюра о Байроне, Мура: это лучшая. Возврати по прочтении. Еду сейчас в Царское Село.

Третьего дня обедали у вас на Червой Речке Жуковский, Крылов, Гведич, СабурсвоС, Дашков, Греч, граф Мейстер и прочие. Козлов (слепой) и Крылов читал свои новые басни. Есть между ними прелестные; скоро выдут.

Теперь (ночь) кончилась серенада, которую давал граф Бобринский на Червой Речке, и началась мазурка; а я ложусь спать, чтобы завтра поспеть к Карамзиным. Прости!

646. Тургенев князю Вяземскому.

13-го августа. [Черная Речка].

Уведомь меня с первою почтою, где ты живешь в Москве, то-есть, где твой дом, на какой улице и под каким номером, дабы мне можно было в случае, если я приеду в дилижансе, придти к тебе прежде, нежели я пойду к матушке; ибо если я приеду ночью, то пойду к ней по-утру, а ночь проведу у тебя. Если же днем, то прямо к ней. Да напиши, если знаешь, и квартиру матушки, то-есть, на какой улице и чей дом. Да поскорее, ибо только остается десять дней до моего отъезда, или оставь записку в конторе дилижансов.

Вчера были мы в Царском Селе, и Северин читал нам прекрасный ответ Лавинья Ламартину. Он едет отсюда 19-го в Москву, а там в Пензу.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве.

Приписка А. Я. Булгакова.

Изменившему вчера итальянской опере.

647.

Князь Вяземский Тургеневу.

13-го августа. Остафьево.

Благодарю сердечно за доброе письмище от 5-го августа и спасибо за донесение о текущих делах моих от 8-го. Сказал ли что Новосильцов обо мне при этом случае? Говорил ли ты с ним о моей варшавской катастрофе, и можно ли еще говорить с ним о чем-нибудь путном? Если можно, то при случае заведи разговор и побереги его в памяти своей до нашего свидания, потому что я все еще истинного зерна загадки не раскусил. Я Новосильцова люблю; его Польша доехала, но под дрожжами было у него что-то такое хорошего. Я точно приехал к его разрушению: при мне начал он расклеиваться. Впрочем, трудно было уцелеть на его месте; надобно было оставить место; но, остававшись на нем, должно было неминуемо рости в землю и заживо погребстись. Так и было! Я никогда не забуду, что у него узнал я, что такое истинный ростбиф и истинный рейнвейн Иоаннисберга, который поганят теперь недостойные рыла Меттерниха и Татищева. Легкомысленные и неблагодарные желудки не поймут меня, но ты оценишь эту черту признательности. Варшаву также я люблю: в ней родилась и погасла эпоха деятельности моего ума. Все интеллектуальные поры мои были растворены; я точно жид душою и умом. Теперь половина меня заглохла и отнялась. Я не умею жить посреди смерти: мне должно заимствовать жизнь. А здесь где ее взять тому, у кого нет в себе ключа живой воды? Мне скажут: Карамзин! Конечно, он всех живущее у нас; он один истинно живущий; но так ли бы он жил еще в другой сфере, под другими градусами? Умнейшие из нас, дельнейшие из нас, более или менее, а все вывихнуты: у кого рука, у кого язык, у кого душа, у кого голова в лубках.

Твое *письмище* точно и мне дает мысль, что ты должен бы писать свои *воспоминания*. Я всегда замечал, что твое перо умеет залучить к себе и мысль, и чувства твои удачнее языка, на котором они не держутся. Ты такой обжора, что глотаешь и мысли свои, и чувства; шутки в сторону: ты редко договариваешь. Впрочем, и со мною то же: перо развязывает у меня язык ума и сердца. Причина этому, вероятно, та, что мы не имеем привычки говорить. И где могли бы мы натереть свой язык? Арзамас рассеян по лицу земли, или, правильнее, но – земли, а в обществах халдейских разве может откликнуться ум души?

Последнее письмо жены моей наполнено сетованиями о жребии несчастного Пушкина. Он от неё отправился в свою ссылку; она оплакивает его, как брата. Они до сей поры не знают причины его несчастья. Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство – заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской? Правительство верно было обольщено ложными сплетнями. Да и что такое за наказание за вины, которые не подходят ни под какое право? Неужели в столицах нет людей более виновных Пушкина? Сколько вижу из них обрызганных грязью и кровью! А тут за необдуманное слово, за неосторожный стих предают человека на жертву. Это напоминает басню «Мор зверей». Только там глупость. в виде быка, платит за чужие грехи, а здесь – ум и дарование. Да и постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси? Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина! В его лета, с его душою, которая также *кипучая бездна огня* (прекрасное выражение Козлова о Бейроне), нельзя надеяться, чтобы одно занятие, одна деятельность мыслей удовлетворяли бы его. Тут поневоле примешься за твое геттингенское лекарство: не писать против Карамзина, а пить пунш. Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, как на *сoup de grâse*, что нанесли ему. Не предвижу для него исхода из этой бездны. Неужели не могли вы отвлечь этот удар? Да зачем не позволит ему ехать в чужие края? Издание его сочинений окупит будущее

его на несколько лет. Скажите, ради Бога, как дубине Петра Великого, которая не сошла с ним во гроб, бояться прозы и стихов какого-нибудь молокососа? Никакие вирши (*tout vers qu'ils sont*) не проточат её! Она, православная матушка наша, зеленеет и *дебилеет* себе так, что любо! Хоть приди Орфей возмутительных песней, так никто с места не тронется! Как правительству этого не знать? Как ему не чувствовать своей силы? Все поэты, хоть будь они тризевные, насадят себе горло, а никому на уши ничего не напоят. Мне кажется, власти у нас так же смешно отгрызаться, как нашему брату – шавке смешно свалить зубы. Во Франции, в других землях, – дело другое, *on en vient aux mains avec l'autorité*; в подобной схватке все увече! У нас необозримое, мало того что непроходимое, расстояние разделяет власть от нас. *Elle est non seulement inviolable de droit, comme partout, mais elle l'est aussi de fait. De sa nature elle est hors de toute atteinte.* Я уверен, что если государю представить это дело в том виде, в каком я его вижу, то пленение Пушкина тотчас бы разрешилось. *Les Titans n'ont pas chansonné les dieux, quand ils ont voulu les chasser du ciel.*

Эпиграмма может пронять нашего брата, как ни будь он окован в звезды и препоясан лентами, но «сатиры и эпиграммы должны преклонить колена» (как говорил Максим Невзоров в «Друге Юношества» о наших эпиграммах на Боброва) перед неузвляемостью власти. У меня в голове проскакивает глупая шутка, но так и быть: вот она. Я вспомнил о неузвляемости Ахиллеса. Про него можно сказать, что *душа у него была в пятках*, даром, что он был не трус. Сообщи это Екатерине Николаевне, музе моих глупостей. Какой скачек от политической метафизики до лубочной шутки! Да, впрочем, пора мне было соскочить: я ходил по скользкому месту,

Я видел Волконских, мать и дочь, и с первого раза полюбил их сердечно. Мать везет тебе книгу. Завтра хочу к ним ехать в Суханово и повезу твои брошюры. Я что-то сомневаюсь в законности произведения Моог'а: я думаю, это парижский подкидыш. Стихи Masson также неважны; у меня есть ответ Casimir La vigne Ламартину гораздо превосходнейший. Волконская дала мне читать Пукевилля «*La régénération de la Grèce*». Это эпопея, то-есть, по содержанию своему, а не по силе эпопейщика, хотя есть в нем жар и живопись. Что говорит об этой книге Дашков? Можно ли во всем верить Пукевиллю? Жаль, что должен прочесть его наскоро: голова кружится от собственных имен людей, городов, чинов. Что за диавол этот Али-паша? Есть ли перевод надгробной речи патриарху, убитому в Царьграде, говоренной в Одессе? Дай мне ее!

Лобанова элегия пахнет перстеньком. В восьми стихах Плетнева во сто раз более поэзии. Читал ли ты глупое известие Греча об этой элегии в 31-м номере? Я люблю, что Лобанов в утешение Шувалову говорит ему: *стенаю и я!* пришли «Звезду» Боратынского! И конечно: *очес* – не хорошо. Да что же делать с нашим языком, может быть, поэтическим, но вовсе не стихотворческим. Русскими стихами (то-есть, с рифмами) не может изъясняться свободно ни ум, ни душа. Вот отчего все поэты наши детски лепетали. Озабоченные победением трудностей, мы не даем воли ни мыслям, ни чувствам Связанный богатырь не может действовать мечем. Неужели Дмитриев не во сто раз умнее своих стихов? Пушкин, Жуковский, Батюшков в тайнике души не гораздо сочнее, плодovитее, чем в произрастениях своих? –

Что скажешь ты он этом письме? Оно превосходно! Это пиндарическая ода! Чего хочешь, того просишь. Это в своем роде Child-Harold, «*volcan tari qui ne lanèait plus que des laves brulantes ou des cendres amères*» (Thomas Moore). Ан, я и в самом деле *volcan tari*!

Ты разве не понял письма моего о службе? Я точно согласен с тобою. Где мне служить? Я говорил тебе, что мог бы служить за деньги, но что знаю, что денег мне не дадут, да и не за что. Ты разве забыл, что я узнал Воронцова летом в Петербурге? Такое знакомство один раз навсегда. Если не было бы поздно, то я выписал бы тебе из письма жены то, что относится до образа жизни в Одессе. О веселиях и приятностях общежития и в помине нет; напротив, она мне настоятельно говорит, чтобы, ехавши туда, отказался бы я от помышления о светских

развлечениях, которых там нет. Но там есть солнце и море, а душа моя их жаждет. Может быть, там она оживет. Москва меня сушит: я не должен в ней жить! Я не властен в ней жить! Я не буду в ней жить! А, кроме Москвы и юга, я на Руси не знаю доступного угла. Итак, ты скоро сюда будешь. Радуюсь заранее. Куда ты это собираешься на Макарьевскую ярмонку из Москвы? Разве для тебя сызнова начнут? Ведь это не обедня. Да и обедня то уже для тебя отошла. Прости, мой милый расстрига! Покажи это письмо Жуковскому; 1200 рублей – за виды Павловского и за проданные экземпляры его сочинений: я тебе толковито писал. Счеты ему пришлю после.

648. Тургенев князю Вяземскому.

18-го августа. [Черная Речка].

Письмо твое получил, отвечать не успею, ибо теперь уже за-полночь, а завтра я еду в Царское Село. Выеду, вероятно, 29-го августа, ибо 23-го не успею. У Новосильцова был сегодня, но он завтра едет и сегодня был в бане. Я видел его только при других и при неотступном Байкове, и ни разу не удалось завести речи о тебе, сколько ни желал.

Я хотел послать тебе ответ Лавинья. Северин уезжает завтра и тебя увидит.

Новосильцову знаки Александра, 50000 и попечителем на место Лавалья. А Лаваль пишет ко мне из Карлсбада и собирается управлять просвещением литовско-гродненским и для этого жертвует своим хилым здоровьем, не желая остаться на другой курс. Авось, этот удар спасет его от явной гибели и от....¹? но спасет ли от Сената?

Пришлю или привезу ответ на твою вылазку за П[ушкина]Завтра прочту Жуковскому письмо твое.

¹ Точки в подлиннике.

649.

Князь Вяземский (с С. П. Жихаревым) Тургеневу.

18-го августа. [Москва].

Рукою Жихарева: Матугика просит вас, а мы молим, чтобы вы въехали к нам по приезде вашем в Москву. «Приезд нечаянный Александра чрезвычайно меня растрожит», говорит она. Ей хочется, чтобы ее предупредили. Впрочем, да будет воля ваша. Мое дело — написать, что приказано. Еще просила меня напомнить вам, чтобы вы ее забыли взять с собою мундира.

Рукою князя Вяземского: и шпагу. Да, сделай милость, и звезды не забудь; да нельзя ли формата побольше, а то нельзя тебе будет и глаз показать москвичам.

Рукою Жихарева: Это уже я не знаю для чего. Живем мы под Новинским, против церкви Иоанна Предтечи, в Кречетниках, в доме Воейковой. Скоро ли то вас дождемся? Приезд ваш, нелицемерно сказать, для нас праздник. Сергея обнимаю. Верный и преданный С. Жихарев.

Рукою князя Вяземского: Сейчас получил письмо от жены. Одесские наши планы, кажется, переменились, и в сентябре возвратится она с детьми сюда. Смерть семилетней дочери Гурьевой, которая умерла жертвою невежества одесских докторов, не понявших её болезни и лечивших ее от другой, напугала жену, тем более, что доктор Воронцовых, искусный и ученый, может быть, не возвратится на зиму в Одессу. Сообщите это все Карамзиным. Я приехал сюда на минуточку. В Остафьеве у меня здорово.

На обороте рукою Жихарева: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. В С.-Петербурге.

650. Тургенев князю Вяземскому.

22-го августа. [Черная Речка].

Я все еще не знаю, выеду ли 29-го августа или 2-го сентября. Переезд на другую квартиру удерживает меня, да и Карамзины желают, чтобы 30-е. августа провел я с ними в Царском Селе, а как отказать им в возможном? Впрочем, все еще думаю и надеюсь выехать 29-го, отправив 26-го балы у всех Наталий на Черной Речке, на островах и в городе у князя Ал[ексея] Куракина.

Письмо твое прочел во вторник Жуковскому и Карамзиным; смеялись тому, что для меня отошла обедня так, что Софья Н[иколаевна] едва не захлебнулась от смеха. Посылаю «Звезду», самым автором написанную. Дело его все еще длится. Хлопочу и в Финляндии, и здесь, и в пути, но не знаю еще, будет ли путь в хлопотах наших. Надежда однако ж есть.

Измайлову выпросил Карамзин пенсию (1200). Хлопочу об указе, по еще не получил.

Пукевиль у меня есть и достать могу. У меня осталось твоих 45 рублей, а это точно цена ему. Хочешь ли? Или что другое? Пришлю счет всему, или вот он:

1200 – Жуковскому
945 – Новосильцову
4310 – Карамзину
6455

а получил от тебя 6500, следовательно 45 в остатке,

Дашков читал книгу. Вот его мнение и тех, кто знает дела, как-то: Катакази и брат. Все, что об островах, о Греции внутренней, – почта все справедливо; о происшествиях и о лицах в самом Царьграде – много ложного, ибо Пукевилю не могло быть все известно, что там происходило. Отыми декламации – и книга прекрасная, по писана скверно. Нужно многое исправить.

Пришлю тебе надгробную речь с переводом, очень хорошим, Феофила. Неужели я в свое время не послал тебе? Мы напечатали ее в Синоде и от Синода.

В «Онегине», жалуясь на жестокость петербургских дам, Пушкин говорит:

И на бровях их надпись ада:
«Оставь надежду навсегда».

Остальное при свидании. Впрочем, ты видел уже теперь Северина, и он все объяснит тебе.

Новосильцов уехал, и я не мог и проститься с ним, ибо в этот день был в Царском Селе, а накануне не застал его. Он будет попечителем Виленского университета. Это убьет Лаваля; разве

Утешит свет звезды
расставшихся друзей?

Напиши мне еще что-нибудь о княгине Софье и об Алине, когда и где ждать их? Или найду их еще в Москве?

Сегодня граф Потоцкий, младший брат Ольги, дает нам фейерверк в 3000 рублей, с двумя букетами: дороже Шереметевского.

Знаешь ли ты по-немецки, то-есть, можешь ли понимать хотя прозу возвышенную? Мне пришло на мысль выписать хоть кому-нибудь прекрасную страницу Гердера о языке. Брат в городе, я один в кабинете и прочесть не кому, а прелесть! Чувствую правду стиха:

Желаешь для себя, а ищешь разделить.

Да ты, верно, не поделишь со мною немецкого наслаждения! И соседа Греча пет, он также в городе

Блаженствует в отставке под судом

(стих Измайлова) вместе с Поповым, Бируковым, Яковкиным и еще другими, отданными за книгу Госпера в Уголовную палату. Для чего нет у нас русской академии, ибо собрание корнекопателей, переводчиков Тита Ливия и прочее я не называю академией для исследования философии и для умножения богатства языка? Написал бы речь о природном, то-есть, не только русском, но о даре слова, которое наши бессловесные все смешивают с результатом оногo. Не знаю богаче и обильнее предмета, давно любимого моего. В нем вся история и вся её философия. Всякий раз, когда передумываю об этом предмете, бросаюсь на те же книги и всякий раз загораюсь от них, чтобы через час потухнуть.

Писал бы еще, но ни одно перо не пишет, а это останавливает и ход мыслей.

И Блудов пишет, что Батюшкову лучше. Он также видел его доктора. Выеду, вероятно, 2-го сентября.

651.
Тургенев князю Вяземскому.

25-го августа. [Черная Речка].

Еду 4-го или 6-го сентября отсюда, не прежде, ибо хлопот без числа. Вчера был у Кар[амзина] с Дашковым.

652.
Князь Вяземский Тургеневу.

28-го [августа. Москва].

Да купи мне Пукевиля! Кн[ягиня] Софья Волконская едет сегодня в Петербург, по по дороге заедет к Тутолминой. Нессельроде с компанией выехал.

Показывал ли Карамзину мои строчки в письме Жихарева, и знают ли, что мы в Одессу уже не едем? Обнимаю и ожидаю.

653.
Тургенев князю Вяземскому.

2-го сентября. [Петербург].

Пукевиля для тебя купил. В субботу, то-есть, 6-го сентября, непременно выезжаю. Оставь мне записку в конторе дилижансов, где ты живешь; если княгини еще нет с тобою, то я въеду к тебе на одну ночь или, если до обеда приеду, то на один вечер, чтобы, увидев прежде матушку, к пей переехать; а если у тебя места нет, или тебя не будет в городе, то въеду в трактир. Скажи только, в который?

Карамзиным сказывал об Одессе. Я провел с ними 30-е; спектакль и бал в китайской ротонде. Дети прекрасно играли. Прости!

654.
Князь Вяземский Тургеневу.

Пятница, 10 часов утра. [12-го сентября. Москва].

Я тебя ждал до десяти часов и сейчас сажусь в коляску спать, потому что я еще спать не ложился.

Таков, Тургенев, я развратен,
Но на меня и ты похож!

Если сегодня жена в Остафьеве не будет, то завтра отправляюсь с ней на встречу до Тулы или далее, потому что и обуреваем нетерпением и беспокойством. Впрочем, 17-го будем, вероятно, уже соединены; кроме кааого-нибудь несчастья, не предвижу причины, которая могла бы замедлить её приезд. В случае её прибытия надеюсь и на тебя к 17-му числу; впрочем, мы до 17-го обошлемся или обозримся. Обнимаю.

Вот тебе твои две бумаги, а «Messéniennes» отдай подателю, чтобы ее списать.

655. Князь Вяземский Тургеневу.

15-го [сентября]. Остафьево.

Жена здесь, стало и вы здесь 17-го, не так ли? То-есть, ты и Жихарев. Сделай одолжение, повидайся с Иваном Ивановичем Дмитриевым и скажи ему, что жена приехала. Не смею звать его; не смею даже и напомнить обещание приехать в Остафьево на именины жены, но, разумеется, будем ему чрезмерно рады и; почтем его посещение за особенное благоволение, за особенное удовольствие. Скажи и Булгакову, если будешь.

Прощай! Сейчас возвращаюсь из Тулы, где встретился с женою. Сообщи Ивану Ивановичу одесский гостинец.

На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой.

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

Не забудь, что 17-е в среду.

На обороте: Александру Ивановичу Тургеневу. *Рукою Тургенева прибавлено:* С. П. Жихареву. Нужное.

656.

Князь Вяземский Тургеневу.

Понедельник. [Конец сентября. Москва].

Не поедешь ли к Серебрякову сегодня утром? Он живет на Солянке, в доме Свиньина, где Комитет суконных дел, проехав Воспитательный дом, налево, в переулке, Я подал прошение 1-го сентября на 30000 аршин: половину отделанного сукна, половину суровья. Во все прежния поставки я всегда был исправен; ныне я еще усовершенствовал свою фабрику значительными издержками. Всегда получал назначение самое малое, то-есть, малую поставку, несоразмерную с количеством сукна, у меня выделяемого. Попроси, чтобы нынешний раз вознаградили меня за прежния и дали хорошую поставку.

Что же, берешь ли ты меня с собою обедать? Я рад ехать с вами. Что делаешь утром? Сойдемся около второго часу или двух часов в Кремлевском саду. Говорят, там много гуляют.

На обороте: А. И. Тургеневу.

657. Тургенев князю Вяземскому.

20-го октябрл. [Петербург].

Я узнал здесь, что назначение значительнейшего количества сукна поставщику зависит не столько от Сер[ебрякова], как от департамента здешнего и потому просил бывшего директора Карпеева уговорить Михаила Кайсарова увеличить число аршин на твою поставку. Он обещал мне немедленно похлопотать о сем. Между тем не худо бы узнать в Москве, послано ли сюда распределение и сколько тебе назначено. Я не знаю, в Москве ли ты, и для того пишу сие письмо на имя княгини. Я писал уже два раза Дмитриеву и сообщил ему кой-какие литературные произведения и сплетни и просил его сообщить тебе сие письмо, если ты еще в Москве. Письма твои князю Волконскому, Жуковскому и Грибоедову доставил.

Я живу покуда в Итальянской слободке, в доме Путятина, в комнатах, в коих некогда, то есть, за 14 лет, беспечно зябнул, не имея часто дров, и угощал бывших приятелей – Уварова и еще настоящих – Булгакова и прочих, и прочих чаем в стаканах, за неимением чашек. Это напомнило мне все прежнее и переходчивость времени. Не придется ли и опять в Тургенево, на пепелище отцовское возвратиться или в Геттинген? Впрочем, квартиру мою в Комиссии отделивают, но прежде четырех или шести недель я не надеюсь там поселиться, а укорениться еще не думаю и долее.

Благодарю княгиню за дружбу и за её ласки. Поручил Жихареву поцеловать вашу милую ручку.

Что же вы думаете в пользу Четвер[тинского]? Если вам нужны справки, то я в ваших повелениях.

Каковы больные дети? Поцелуйте толстенку, по не того, который женат на Калашниковой, а вашего милого и на Вяземского похожего.

Кар[амзины] не могли от меня никакого толку добиться, ибо я от вас никакого сам не могу добиться.

Жуковского еще не видел. Он в Гатчине. Что Василий Львович? С сестрою ли еще или по ней плачет? Кланяйтесь Тимирязеву.

21-го октября.

Сейчас еду в Царское Село. Простите и не забывайте меня в ваших вечерних беседах.

На обороте: её сиятельству милостивой государыне княгине Вере Федоровне Вяземской, в Чернышевом переулке, в собственном доме, в Москве.

658. Князь Вяземский Тургеневу.

27-го [октября. Москва].

Карамзины не могли добиться от тебя толка, потому что ты от нас добиться толка не мог? Да какого хотите толка? Разве не сказывал я тебе, что на мне остается 150000 казенного долга, что я решился новых долгов не наживать; разве ты не видал детей и невозможности жить с ними в деревне, потому что им необходимо нужен непосредственный надзор доктора; разве в дилижансе не говорил я тебе, на каких условиях соглашаюсь пойти в кабалу? Чего же больше хотите от меня? Я еще не сенатор Кашкин и не умею пускать слов в сам-пятьсот. Ты хотел, чтобы сущность трех слов развел я в изустном in-folio. Того ли хотел ты от меня? Охота же!

В Петербург уже доставлена роспись назначенным по суконной поставке. Там скорее и вернее узнаете; здесь все таят. Я просил всего 30000 аршин. Это и так немного. Пускай дадут 25 или 20.

Где этот «Courrier de Londres», из которого выписаны статьи о Дмитриеве и Жуковском? *Между нами*: скажи Жуковскому, чтобы он не очень спесивился европейскою известностью своею. Тот ли «Courrier», что издает Pelletier, бывший издатель «L'Ambigu»? И как это в «Courrier»: извлечением ли из другого журнала, или в числе сообщенных статей от корреспондента? Мне любопытно знать все это наверное: расскажи.

Воля твоя, у Воейкова честному человеку печататься нельзя: прочти его «Астрахань». Он не завидует тем, которые видели Байрона, Benjamin Constant, потому что надевал *на лицо свое сетку, дегтем обмазанную*. Карамзина выставил обжорою! За одно спасибо: назвал Каченовского извергом. Воронцов у него – любимцем русского народа!

Совершенная беспутница не дает мне ехать в Кострому. Вероятно, должно будет дожждаться первого снега. У тебя мои парижские брошюры: возврати. Дмитриев сообщил мне два твоих письма к нему. Отдай приложенную записку Никите Волконскому да скажи ему, чтобы он скорее возвратился к нам: тоскую по нем и по его наемной карете.

На днях видел я феномен на русской сцене: девицу Колосову. Европейская актриса во всей силе слова! Я не полагаю в ней возвышенного дарования; она не создаст роли, во образованностью своею она точно создание на русской сцене комической. Мы видели ее только в Селимене «Мизантропа»; завтра увидим в Аменаиде. Итальянской оперы еще не имеем. Прости!

Ты говоришь о *наших вечерних беседах*: они прекратились с тобою или с вами. Обыкновенно из ложи переходим в ложе, то-есть, из театра в постель. Сегодня бал у князя Дмитрия Владимировича. Обнимаю тебя. Каков Сергей Иванович? Что слышно о Батюшкове? Не забудь моего сукна.

Я сейчас получил письмо от поэта Пушкина. Он жалуется на грабительство Ольдекопа и просит меня вступить в это дело. Научи, что делать, к нему писать: к Милорадовичу ли, Шишкову? А лучше всего сам похлопочи, только поскорее. Теперь у Пушкина только и осталось, что деревенька на Парнассе, а если и ее разорять станут, то что придется ему делать? Вот письмо и от Сергея Львовича. которое растолкует тебе всю сущность дела. Неужели нет у нас законной управы на такое грабительство? Остановить продажу мало: надобно, чтоб Ольдекоп возвратил уже вырученные деньги за проданные экземпляры. Например, знаю, что он московским книгопродавцам продал до двухсот. Повидайся с Дельвигом, который также знает это дело, и пускай напишет он Пушкину, что оно к тебе перешло.

Пушкин прислал мне прелестные стихи: «Прощание с морем». Жена их спишет для тебя, хотя ты того и не стоишь, умничая со мною. Пока она тебе кланяется. Вчера видел я твою матушку у Голицыных. Бал был блестящий.

Сделай милость, управься скорее и решительнее с Ольдекопом. Что Безобразова? Проедет ли она через Москву? Кланяйся ей.

659.

Тургенев князю Вяземскому.

31-го октября. [Петербург].

Узнав вчера, что Серебряков здесь, я был сегодня у него и повторил ему просьбу об увеличении поставки сукна с твоей фабрики, поручив вчера же и Дружинину просить его о том же, равно и Кайсарова, от которого теперь это более зависит. Авось, общая просьба удастся.

Карамзины еще в Царском Селе и будут сюда, вероятно, к 10-му ноября.

Сию минуту приносят твое письмо. Как жаль, что не имел его за два часа пред сим. Зная уже количество сукна, тебе нужное, иначе бы говорил с Серебряковым. Побываю еще у Дружинина. Пошлю за Дельвигом и спрошу его, что сделано уже против Ольдекопа; хотя мне и неловко хлопотать против него, ибо был вечным, но неудачным его протектором против нищеты, но постараюсь унять его, если буду иметь к тому средство.

Жаль, очень жаль, что не знал сегодня по утру, что ты еще в Москве. князя Никиту увижу завтра у сестры его. Что за умная прелесть Алина, его племянница! Я повадился к ним снова ездить и с одним умным австрийцем Гумельгауером восхищаюсь умом и просвещением, и добродушием Алины. Ее прямо можно послать посольшею в Париж, и лицом в грязь не ударит.

Статьи я списал из газеты, как нашел их. Безобр[азова] здесь еще. Через Москву поедет, вероятно, по первому пути; впрочем, кто знает?

О Батюшкове от сестры получено грустное известие, по какое, еще не знаю. Увижу Мураньеву и тебе скажу. Брошюры послал вчера.

Не Карамзина, а меня выставил Воейков обжорою. Да на то время и не ошибся. Я ему давал письмо к Гаю. То ли он собирался написать? Впрочем, я знаю его пиесу только по его словам. Прочту. Здешние журналисты огадились совершению. Нельзя откровеннее ругать, как я ругал приятеля Булгарина, а ему – все Божья роса. Клеветает на Федорова, трусит полиции, подтруживается Шишкову, храбрится перед Боейковым, и все это на счет читателей, коим угрожает обратиться к *лицу* того, кто усомнится etc. Плоское и подлое подражание твоему Толстому, и все это мы читать и терпеть должны, а сердиться на него невозможно.

Приложенной записки к Ник[ите] Волк[онскому] ты не приложил, а только письма Сергея П[ушкина].

А мы и не будем иметь итальянской оперы. Не хотели певицы замерзнуть за те же деньги у нас, за которые могут греться в Вене. Сережа выздоровел и ходит без костыля. Я был болен, но исправился. Пришли поскорее пиесу Пушкина и поцелуй милую ручку у милой жены. Обними детей.

Парижские новости: «Qu'est-ce qu'on a vu sous Charles X ce qu'on n'a jamais vu sous Louis XVIII?» – Un cheval. – Les français ne s'entendront plus: ils ont perdu Louis. – Le commerce sera protégé: le roi est marchand(d)» и пр., и пр.

Старина: Finot dit que la plaine la plus haute qu'il connaisse est la pleine lune. – Une jeune et jolie fille demandait de la bière à un garçon du café. Celui-ci répondit: «Jt; n'en ai pas, mademoiselle, niais si vous voulez que *je vous embrasse*».

– Un joueur qui venait de perdre au tric-trac, dit en se levant avec dépit: «Laissons la Medée et Jason». – Notre choix l'a fait maire, et l'amour l'a fait père. Quel triomphe en un jour de se voir père et mère!

– M-r Taxe dit à Barbe que la lettre charmante, qu'elle lui a écrite, sera toujours gravée au fond de son coeur. Barbe lui répond: «Je m'y croyais gravée avant la lettre». – On dit que les journalistes doivent craindre l'automne, parce que c'est dans cette saison que les *feuilles* tombent.

660.

Тургенев князю Вяземскому.

1-го ноября. [Петербург].

«Votre lettre est venu trop tard» pour communiquer au docteur Pinitz l'observation de madame Mouravieff. La maladie de peau est enfin inoculée. Grand Dieu! Quel en sera le résultat? On avait voulu que j'écrivisse à mon malheureux ami; je l'ai fait: il a reçu ma lettre, et fixant l'écriture il a cherché aussi à fixer un souvenir. Puis il a mis ma lettre de côté, disant: *«Qu'est ce que Von me veut?»* Ensuite il l'a reprise, il l'a lue. mais hélas! il n'y a point répondu; Tout ce temps il a été calme, ce cher malade. Il faut attendre le présent l'effet du remède, qu'on vient d'employer. J'attends sa soeur après-demain; bonne et excellente créature! Sa santé s'en va, elle souffre surtout de ne recevoir aucune nouvelle de son pays. Quand elle est avec moi, nous parlons et nous pleurons ensemble; mais enfin je parviens à la distraire et vers la fin de la journée elle se sent infiniment plus calme. Si elle pouvait se décider à loger avec moi à Dresde! mais elle n'entend pas raison là-dessus. Sans le lui dire, je la connais. Dresde. 30 octobre.

Вот что пишет Пушкина к брату о Батюшкове в ответ на его письмо, в котором брат остерегал ее от прививания Батюшкову чесотки; ибо он и здесь опасно страдал от сей болезни.

Сейчас был у меня Дельвиг. Он опять поедет к Ольдекопу и будет требовать вознаграждения. Я поручил ему пострадать его жалобою начальству, если он где служит и если он, хотя экземплярами, не согласится заплатить за убыток. Ольдекоп сам нищий. Что с него взять? Я велел сказать ему, что буду на него жаловаться. Авось страх подействует там, где молчит совесть.

В «Северных Цветах» будет много прекрасного и любопытного. Один северный цветок, и прекраснейший, вчера сорван графом Завадовским. Баронесса Строганова умирает или умерла в Дрездене. Два сына, граф и барон Александр, третьего дня туда поскакали. Прости! Я сегодня писал уже к тебе.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. В Москве, в Чернышевском переулке, в собственном доме.

661. Тургенев княгине В. Ф. Вяземской.

Le 6 novembre, midi. [Петербург].

Je n'ai pas le temps de répondre en bonnes et dues formes à votre charmante lettre, encore moins d'exhaler toute ma furie contre la répartition égale des tendresses entre Sev[erine] et moi! Je laisse cela pour de moments calmes, car j'ai à peine celui de vous dire que j'arrive à l'instant même au Conseil, que j'y trouve Miloradovitch avec le comte Araktcheieff, que je prends le premier de côté, que je lui parle à la hâte sur Tchert. À peine je l'ai nommé, qu'il me demande: «Какой это?» Je lui réponds: «Votre compagnon d'armes et père de 9 enfants et mari d'un ange de douceur et de conduite». Il s'écrie: «Ah, это мой друг! Знаю, все знаю; он хочет быть при почте?» – «Нет», отвечаю я, «хочет служить для того, чтобы не жить в праздности и воспитывать детей, коих теперь едва питать может». – «Сделайте мне записку; я покажу государю, буду просить на коленях» etc., etc. – tout cela en fuyant et en cherchant les regards du c[omte] Ar[ak-tcheieff] qui nous fixait et peut-être nous entendait. Je finis de mon mieux en lui promettant de lui apporter la note! Mais je ne sais, si je trouverai son послужной список. Je ferai mon possible, et cela sans le moindre délai.

Je suis pressé. On m'attend au Conseil. Je baise vos deux jolies mains et j'embrasse votre mari. Ah! quels vers!

Глубок, могущ и мрачен... неукротим!

Adieu, après-demain je vais avec Sev[erine] à, Zarskoé-Selo. Adieu!

Каковы дети? Для чего ни слова о них? Я разве не люблю вас всех?

На обороте: её сиятельству милостивой государыне княгине Мере Федоровне Вяземской. В Москве, в Чернышевом переулке, в собственном доме.

662.

Тургенев княгине В. Ф. Вяземской.

7-го ноября 1824 г. С.-Петербург.

Всепопданнейший отчет её сиятельству княгине Вере Федоровне Вяземской, урожденной княжне Гагариной, от верноподданного Алексашки Тургенева.

Отправив к вашему сиятельству наскоро и под шумок Государственной канцелярии, в Зимнем дворце его императорского величества писанное донесение, я к вечеру начал обдумывать план новой атаки на генерала графа Милорадовича, и вследствие принятой мною резолюции составил я прилагаемую у сего в черновой копии, краткую и терпению его сиятельства сообразную записку, которую и намерен был сегодня поутру вручить ему. Из Итальянской слободки отправился я по образу пешего хождения в Морскую или на Мойку к его сиятельству, но уж выходя из Литейной на Фонтанку, остановлен был разлившейся из берегов своих Фонтанкой, а переправившись чрез Симеоновский мост, принужден был взять *Ивана извоищика* и доплыть на дрожках до графа Нессельроде, ибо вся набережная по обеим сторонам, улица перед Михайловским садом и Садовая залиты водою, и от шумящего сильного ветра наводнение и теперь ежеминутно умножается. Но ни ветры («Nonni soit qui mal у pense!»), ни волны не могли остановить стремления моего в исполнении предписаний вашего сиятельства, и я снова от одного графа начал перебираться поверх залитых водою погребов к другому, как вдруг узнаю, что и Морская, место его жительства, и набережная Мойки наводнены, и что нельзя иначе, как на ходулях или на лодке добраться до его сиятельства. Сие противоборствие и волнение матери-природы не остановило меня. Через наводненную уже Невскую перспективу и Литейную побрел я домой за экипажем, но и тут новое дьявольское наводнение, которое доказало, впрочем, что

Ни вихрь, ни ветер не сломит быстротечный,
Ни кирпичей полет меня не сокрушит.

От дома В. С. Шереметева вдруг сорвало (с кровли или с трубы, в точности донести не умею) груды кирпичей, кои, ударившись об мою шляпу (к счастью она была поношенная), то-есть, о конец оной, нагнули ее на мои красные очи, и потом ингерманландский зефир, в ту минуту неосторожно подувший, сваял ее в черную грязь (не в ту, что близ Белокаменной и следовательно Чернышева переулкa: тогда бы я ей позавидовал), но в ту, что в Литейной, и заставил меня бежать за нею до самого будущего законодательного жилища моего, пред которым и ветер, и шляпа остановились, как труды самой Коммиссии. Смирненно очистив грязь с шляпы и остерегая народ, как волны стремившийся смотреть другие волны, от кирпичей Шереметева или его соседа, я опять побрел на свой бивуак в Итальянской слободке. Но здесь, или еще дорогой, узнал, не скажу как и чрез кого, что домогательство наше об одесском градоначальстве должно пока отложить, а искать кое-чего другого, о чем в течение сего дня и буду стараться, для чего и открою чрез час новую кампанию, а вам буду иметь честь о последствии оной донести.

Помня правило пословицы: «Мешай дело с бездельем» и привычку моего почтенного начальника не писать и записки без пословицы, честь имею вследствие оной приложить у сего для вашего супружника две пиесы слепца-поэта: первое, посвящение «Черпеца» его, которого Жуковский называет прекрасным, жене своей, и исправленную его же «Ирландскую песню». А. Тургенев.

2½ часа по-полудни.

Вода усиливается. Апичковский мост залит. В Литейной из нижних этажей убираются. Нельзя доехать и до Английского клоба: к счастью, у людей моих славные щи! Не знаю, как отправить и это письмо, ибо венецианских гондолой не успели завести, а иначе, то-есть, по сухому пути, до почты не доберешься.

Князь Никита Волконский три дни уже как уехал в Киев. Недель через пять будет в Москве.

В Михайловском замке, *ci-devant*, лошади едва выплыли; едва ли не было хуже. Но я пишу еще из своего ковчега в Итальянской слободке и знаю чужую беду только еще по слуху.

Четыре часа по-полудни.

Сейчас возвратился от Аничковского моста. Далее ни на лошади, ни пешком нельзя, и только две или три лодки плавают вдоль по перспективе, совершенно покрытой водою. Будку и караульню у Аничковского дворца снесло. По Фонтанке, на набережной, и перил не видео. Нижние этажи все залиты. По Фонтанке и по перспективе плавают дрова, овес, и ловят яйца с барок. Сказывают, что во дворце дошло до второго этажа. Теперь направление ветра переменялось, и оттого мы дошли до моста, но прежде и он, и за ним было в воде. Отважные мореходцы пускались по тротуарам перспективы, но не всегда удачно. Увы, какой обед в Английском клобе, и я должен довольствоваться из Невской ресторации! Это письмо пойдет к вам, вероятно, уже завтра я о последствии потопа, так как и о голубе с масличною ветвью, узнаете уже вы от других. Нижний этаж прежнего моего жилища потоплен. Издали Фонтанка с набережными кажется Невою. Екатерина Федоровна Муравьева также в воде. И сколько водяных разговоров и у нас, и у вас после сего потопа! *Et pourtant on ne fera que de l'eau clair* и после.

1825.

663.

Тургенев князю Вяземскому.

17-го февраля. [Петербург].

Третьего дня, в седьмом часу вечера, приехали мы сюда, следовательно, менее, нежели в трое суток. Вечеру в тот же день был я у Жуковского и пил чай у Карамзиных. Главным предметом беседы нашей были вы. Вчера уговорились мы с Севериным и приехали к Карамзину по утру толковать о предмете письма моего к нему. С[еверин] не едет никуда, да и речи о сем не было. Поручат поздравление, вероятно, Штакельбергу. Сестра его сказывала мне вчера же, что он будет скоро в Москву. Вообще о службе в Иностранной коллегии говорили много. О сем после более. Вечеру опять речь была о тебе же. Карамзин хочет сам писать к тебе. Он готов всех и одного просить, но надобно чтобы ты решил, чего желать и домогаться. Мы разбирали многое, ни на чем остановиться не могли.

Подумай сам и пиши ко мне или к Карамзину. Других поручений твоих еще не успел исполнить. Постараюсь сегодня, хотя спешу в Совет и к Олен[ину], которого вчера не видел. Передо мною рукопись «Онегина». Брат поэта сказывал мне, что завтра будет он весь отпечатан. Пришлю. Ко мне есть письмо старое. Сегодня получу.

Беру с собою твою памятную записку и в среду надеюсь уведомить, что сделал и кого видел.

О князе Четв[ертинском] спрашивал князя Гол[ицына]. Ему еще ничего о сем неизвестно, но вероятно, что пойдет прочь, ибо К. Д. на него жаловался особым письмом к государю за его отлучку из Москвы без позволения К. Д. (между нами). Если увижу Мил[орадовича], то переговорю с ним, не говоря о том, что слышал в Москве, а как бы желая навеститься по прежней моей просьбе.

Здесь Евгений. На место князя Якова Лобанова президентом моего департамента – Пашков, а Лобанов просто член общего собрания *et pour cause*.

Княгине свидетельствую душевную привязанность и благодарю за приятные минуты в Москве, особливо в первую половину нашего там житья.

Софье Н[иколаевне] говорил о платье: ношеное оно еще для неё дороже – вот ответ.

Детей обнимаю братски и Павлуху целую во всю его милую рожицу.

Брат будет писать к вам после. Кланяйся Велгурскому; доставь записку Дмитриеву, также Тимирязеву, графу Толстому, Пушкину (Сергей Львович едет завтра в Москву) и Давыдовым и всем, кто вспомнит, и княгине Зенаиде. Прости! Грустно по Москве, особливо, когда думаю о вас:

Не там ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тиши,
Мои счастливейшие дни.

(«Онегин»)

Читал ли «Наводнение» Хвостова? Стариной тряхнул.

С. И. Тургенев княгине В. Ф. Вяземской.

Le 18 février 1825. Moscou.

Madame, je m'empresse de vous rendre compte des commissions dont vous avez bien voulu me charger. La première et la plus importante a manqué complètement! La demoiselle de l'Institut de 1812 s'est engagée à entrer chez madame Karamsine, par autorisation spéciale de l'impératrice. Je tiens ceci de Еватерина Андреевна elle même. Quant à d'autres demoiselles du même Institut. il n'en sortira que dans un an d'ici. Ce n'est donc qu'alors que l'on pourra s'occuper de cette affaire. Je crois devoir vous prévenir cependant, qu'il doit y avoir bientôt une sortie des demoiselles du Couvent Smolnoi et que l'on pourrait peut-être en trouver une qui vous convienne. Je regrette infiniment d'avoir été dans l'impossibilité de contribuer à vous faire avoir une gouvernante; ce qui me tranquillise pour mon compte – c'est que la chose ne dépendait pas de moi. Passons aux commissions, que je pouvais faire à moi seul. Hier j'ai remis au banquier Molvo la somme de 1500 roubles pour être envoyée à m-r votre frère, ensemble avec votre petite lettre pour lui. J'en ai pris un reçu que je garderai chez moi. Je ferai également partir ces jours-ci votre lettre pour m-me Pouschkine. Les touffes sont aussi commandées à Charles et seront prêtes pour samedi prochain. Je vous les enverrai lundi. Je finie, madame, par vous prier d'agréer mes remerciements les plus sincères pour la bonté dont vous avez bien voulu m'honorer pendant mon dernier séjour à Moscou; leur souvenir ne s'effacera jamais de mon coeur reconnaissant. Veuillez également les offrir de ma part au prince, dont l'amitié sera toujours pour moi l'un de mes biens les plus précieux. Il n'y aura pas d'indiscrétion non plus, je crois, à vous supplier de me rappeler au souvenir de votre aimable société, et particulièrement à celui de monsieur le comte Michel Welehorsky. Je regarde comme une véritable conquête la connaissance, que j'ai faite de cet homme éminemment distingué sous tous les rapports. Recevez, madame, l'hommage de mes respects et de mon entier dévouement S. Tourgueneff.

664. Тургенев князю Вяземскому.

20-го февраля. [Петербург],

Третьего дня видел я Закревского и говорил о Каменском. Он знает о его положении во всей подробности; с чувством говорил о нем, по теперь не может помочь ему; несколько раз собирался просить за него, по никак не мог приступить; получая о нем регулярно известие и зная о приговоре, судом над ним сделанном, он хотел прибегнуть к разным средствам, но ни на какое не мог решиться. Не в доброй воле и не в сердечном расположении недостаток: «Tempora mutatautur»!

О Боратынском несет он сам записку и будет усиленнейшим и убедительнейшим образом просить за него. Нельзя более быть расположенным в его пользу. В этом я какую-то имею теперь надежду на успех. Пишу к Боратынскому сегодня и прошу стихов для «Телеграфа». Дельвиг уехал к П[ушкину]. Не печатай в нем восьми стихов Жуковского, кой тебе прежде доставил: он никак не хочет; пришлет другие. Он мне дал вчера два послания: одно к Туттолмину о карете, а другое к фрейлине графине Комаровской, которая нарочно захромала, чтобы освободить больную мать от поездки с нею на бал.

Et garde-toi de rire à ce grave sujet!

Я на днях подаю в отставку от службы, то-есть, от всех мест, и верно не удержат. Здесь никому, кроме Карамзина, о сем не говорю. Карамзин старается отговорить, но Екатерина Андреевна напротив. Довольно: я исполнил раз долг дружбы и дождался покой неприятности. Je demande le congé, *sans phrases*, то-есть, без предварительного письма. Не говори об этом никому.

Два часа по полудни.

Сию минуту получаю писано ваше по делу князя Гагарина. Готовь исполнять все ваши поручения, но к этому и приступить со умею. Кто такой Э[льнерт]? Через кого дать знать ему о моем предложении? Ума не приложу. Сам я никогда в этих делах не обращался; и как сказать человеку прямо в лицо, чтобы он взял менее, нежели ему по закону следует? Не знаю еще с кем и посоветоваться в этом деле! не придумаю ни одного знакомого лица в сем училище, кроме графа Сиверса, начальника оногo, но ему и говорить о сем деле нельзя. Поеду на всякий случай в Английский клуб. Не найду ли там кого? Буду действовать скоро, но не отвечаю за успех. К княгине самой писать теперь некогда. Буду отвечать, когда сделаю что-нибудь по делу. Детей обнимаю.

665. Тургенев князю Вяземскому.

26-го февраля 1825 г. [Петербург].

Письмо Булгакова огорчило и испугало меня тобою. Я надеюсь, что тебе уже лучше. Карамзиным не сказывал о твоей болезни, а скажу, когда получу удостоверение о выздоровлении. Побереги себя первые дни, по крайней мере, и слушайся княгини. Ожидаю с нетерпением вести о тебе, или хотя строчки от тебя.

Вчера родилась у великой княгини Елены Павловны, в десять часов вечера, дочь, и вчера же приехала великая княгиня Алексеидра Федоровна. При сем вспомнили, что и Елена Павловна приехала в день родин Александры Федоровны, но только тогда она выкинула.

Жуковский получил от возвратившейся своей ученицы прекрасный экран с победоносцем Георгием, а от брата её, кронпринца, портфель великолепный с дружескою надписью... Приезжих с нею, как-то любезной Варвары Павловны Ушаковой, еще не успел видеть.

Два раза уже слышал «Цыган» Пушкина и два раза восхищался ими. Не мне одному кажется, что это лучшее его произведение. С брата, который читает их наизусть, взял автор честное слово, что он списывать ни для кого не будет; иначе бы и тебя побаловал и прислал бы тебе «Цыган» его вместо крепкого бульона на тощий, если уже не больной, желудок. Боратынский прислал мне свою «Эду». Прекрасная повесть! Я выписал несколько стихов в письме к Жихареву, которые можешь прочесть. Вот еще. Когда гусар-обольститель оставил бедную финку в добычу грусти и отчаяния, она:

Очнувшись, долго грустный взор
Кругом себя она водила:
Не утешительный позор!
За летом осень наступила:
Тяжелая, седая мгла
Нагия скалы обвила.
Все мертво было;
Лист дубравный
Крутил уж вихорь своенравный
С природой вместе расцвела
Ты для любви, младая дева!
Жила в её восторгах ты:
Вся отлетела, как со древа
Летят поблеклые листья!
Жестоко сердце обманула
Любви коварная мечта!
Как дней весенних красота,
Тебе на миг она блеснула:
Исчезло все – земля пуста!
Сил на роптанье не имея,
Вошла бедняжка в угол свой
И зрит письмо перед собой,
Письмо от милого злодея.
«Прости», несчастный пишет ей,
«Прости! Быть может, сон мятежный,
Что ты была в любви своей,

А не казалась прямо нежной;
Что с Эдой счастлив был бы я,
Когда б умел я в счастье верить...
Бог нам обоим судия!
Ваш пол умеет лицемерить!
Меня зовет кровавый бой:
Не знаю сам, куда судьбой
Я увлечем отселе буду;
Но ты была любима мной,
Но ввек тебя я не забуду.
Забудь меня; в душе своей
Любовь другую возлелей.
Всяк будет пленником послушным
Твоей цветущей красоты.
Легко воспользуешься ты
Моим советом добродушным
Легко... но если из очей
Слезу уронишь в самом деле
Ты на листок заветный сей,
Утешься: жребий мой тяжеле
Судьбины бедственной твоей».

Кто из нас, тяжеле или легче, не вздохнет с грустным воспоминанием и с укором совести при этом окончании! Оно мне нравится, ибо я нахожу в нем *был*, а не сказку.

Теперь опять к прозе. Я нашел, наконец, умного человека, который взялся побывать у Эльнерта. Он просил у меня на эту негосияцию два или три дни. Ожидаю сегодня или завтра ответа и тогда уведомя княгиню о последствии предложения.

У Булгакова вчера кончалась и, вероятно, скончалась тетка, Мавра Ивановна Приклонская, да и сам он с глазной болезнью и ставит пиявки к ушам. Поклонись его брату и поблагодари за уведомление. Буду писать к нему.

Брат посылает княгине кудри её и просит подробнее известить его о Алексее Михайловиче Пушкине.

С Дашковым вчера обедал у графа Сергея Петровича Румянцева, но забыл выпросить прозы или стихов для «Телеграфа». У Жуковского ничего готового нет.

Пошли сказать Мерзлякову от меня, что Шишков докладывал о его книге государю, и что его величество принимает посвящение. Жуковский также собирался писать к нему, но теперь его замыкают в первые дни приезда одной ученицы и разрешения от бремени другой.

Участь Московского университета еще не решена, хотя, кажется, и была речь об отставке к[нязя] О[боленскаго].

Кланяйся приятелям и приятельницам и перецелуй детей и почтительно пожми пухлую ручку у княгини. Поскорее пиши о себе.

666.

Тургенев князю Вяземскому.

3-го марта. [Петербург].

Только вчера, в десять часов вечера, были мы спокойны и в полной радости. Я уже был и на почте, и у Булг[акова] и возвратился домой, куда пришел ко мне за вестями о тебе и Жуковский с грустью и с нетерпением, как вдруг приносят письма от доброго Велеурского и Давыдова. Катерина Андреевна за мной уже присылала. Я догадался, что она узнала о твоей болезни, и ждал почты, а к ней не пошел, Получив письма, поскакал к Карамзиным съг Жуковским и на дороге увидел великолепный пожар театра, перевезенного из Петергофа, освещавший всю перспективу и Михайловский замок, на котором ярко отсвечивались золотые буквы фронтона. Мы поздравили и успокоили Карамзиных, но не совсем. За час перед тем они получили письмо княгини и теперь и за нее беспокоятся. Я все прочел им, и Катерина Андреевна с чувством и со слезами на глазах поручила мне благодарить Давыдова и Велеурского за письма их. Катенька не могла долго успокоиться и все жалела, что не с вами. Я скрывал от них все с величайшею осторожностью и хорошо делал: они занемогли бы от беспокойства и без пользы. Теперь мы плаваем в радости. Давно так тяжело не было. Я передавал Жуковскому и другим черные вести, и сам ежедневно два раза ездил за ними к Булгакову. Спасибо и Александру. На ту беду и Константин занемог глазами и не мог читать московских писем, да и тетка его занемогла смертью и скончалась. Я вру от радости, а завтра, то-есть, сегодня посылаю тебе апельсинов в благодарность за то, что ты выздоровел. Брат также грустил, страшился и болел за тебя. Я уж и досадовал, что уехал из Москвы; ругал Скюдери (да простит он мне) и верно бы остался ухаживать за тобою, если бы знал, что ты без меня окушаешься. Завтра и Муханову (Александру Алексеевичу) дам знать о твоём здоровье. Он сокрушался со мною по тебе вчера.

Теперь к делу. Эльнерт отыскивается, но только не в Инженерном корпусе, а еще не знаю где. Целую ручки у княгини. Спасибо за службу тебе верой, правдой и любовью. Авось, и ты ее потешишь воздержностью, хотя до Страстной недели, мой кормилец. Спасибо и за каламбур, во-время сказанный. Закажу стихи на твое выздоровление, да не знаю еще кому заказать. Разве Хвостову? – да ты вперед не выздоровеешь. Ивану Ивановичу посылаю портрет Вольтера в честь твоего здоровья. Хочется писать к Давыдову и Велеурскому и выразить им, как умею, мою благодарность за добрую весть. Но я теперь сам в горячке и прошу их подождать, а между тем прочесть сии строки в доказательство, что я никак не могу писать к ним. Надеюсь, что Давыдов уже выспался.

Детей обнимаю от всего сердца, за них трепетавшего.

667.

Тургенев князю Вяземскому.

11-го марта. [Петербург].

Скажу тебе только два слова: мы счастливы твоим выздоровлением и еще не нарадуемся каждым о тебе добрым известием. И здесь, как у вас в доброй Москве, участие было сердечное и общее. Строки о тебе графини Велеурской в письме к Вилламову меня утешили. Спасибо Жихареву за ежедневное уведомление.

Приезжай, когда хочешь, но укрепившись совершенно. Жить будешь у меня покойно в большой комнате, но заставленной книгами. Если и Жихарев будет, то разделю вас в той же комнате шкафами. Приемная будет у нас общая, и будем принимать всех, кроме журналистов. Кстати: я читал твою статью в четвертом «Телеграфе» и посмеялся до сыта. Спасибо и за Жуковского. Он тронут твоим вниманием; но говорит, что не надобно было связываться. На сей раз я не совсем так думаю. Карамзины здоровы, но все еще желают получать о тебе верные и ежедневные бюллетени. Обними княгиню; мы и за нее страдали. Скажи Ивану Ивановичу Дмитриеву, что сегодня везет к нему Вольтера от меня московский профессор Давыдов. Брат не пишет, потому что давно страдает сильным флюсом; но больше страдал за тебя.

Петр Новос[ильцов], которого опять видел у Карамзина, с чувством велел мне благодарить тебя за доставленное знакомство с Карамзиным; *il en est enchanté et cela lui fait honneur.*

668.

Тургенев князю Вяземскому.

[Первая половина марта. Петербург],

Скажи Дмитрию Дав[ыдову], что дело его поступило; что производитель находит его правым по существу дела; что он полагает также и С. неправым, что задумал ему делать выговор, но что ничто еще и нигде не рассмотрено. Я поручил его особенному вниманию производителя и после займусь им сам. Изорви это непременно, а В[асилию] Л[ьвовичу] отдай росписку в шали. Я получил мерзкое письмо со вложением от племянника. Прости! Писал к тебе рано по-утру. Прости! Все изорви непременно. Княгине низко кланяюсь.

На обороте: Его сиятельству князю П. А. Вяземскому.

669.

Тургенев княгине и князю Вяземским.

15-го марта, то-есть, воскресенье. [Петербург].

Письмо ваше и незаслуженный выговор получил; но на радостях выздоровления и развеселения все вам прощаю и позволяю и впредь журить меня, сколько душе угодно. Спасибо и за ваше горе, и за ваш страх. То же и нам скажите.

Присылайте сюда Вяземского, по не иного, как совершенно выздоровевшего и укрепившагося. Спешить теперь не для чего. До отъезда государя говорить уже не будут иметь случая, да и не должно, а почему – скажу при свидании; а к началу июня успеем все обдумать, обговорить и решиться. Мысли и проекты у нас *за вас* разные. Сам Вяземский должен решить, хотя мы и не очень надеемся на его решительность. Я и сам собираюсь с братом в Москву и далее, то-есть, в Нижний летом. Здесь оставаться не для чего. Плетью обуха – не переломишь, а лучше ловить жизнь там, где она приятнее, то-есть, с вами и на большой дороге. привезу к вам Вяземского отсюда в целости. Так мечтаю: не знаю, сбудется ли?

Северин женится на графине Мольтке. Маленькая, пригожая немочка, с умом и с любезностью, живущая во дворце в категории фрейлин и приехавшая сюда с Еленой Павловной. Жаль, что не богата; но Северин прокормит и ее, и себя, и потомство, если будет. Сестра его выходит за Лелли, чиновника цареградской миссии, сына бывшего нашего контр-адмирала из греков, с небольшим достатком.

Граф Шувалов, гусар, женится на княжне Софье Ал[ександровне] Салтыковой. Сейчас входит офицер Сабуров. Нет, не офицер, а полковник, брат московского франта. Ушел.

Князю:

Читал ли «Некрологию» Уварова, Бехтеевым сочиненную? Прелесть! Автор теперь в Коллегии иностранных дел и, сказывают, находит перевод грамот Блудова неисправным. Мы читали твою пиесу в 4-м «Телеграфе». И Карамзину очень поправились. Англичанку отыщу сегодня и передам твое поручение.

Сережа все еще не выходит из комнаты от бывшего флюса. Тебя обнимает. Скажи Велеурскому, что вчера восхищал нас Ромберг, и дочь его пела арию графа Михаила. Его оглушили рукоплесканиями. Скажи Дмитрию Давыдову, что письмо и приложения его получил. Дело еще не рассмотрено, хотя и поступило. Я уже просил, кого надобно, а объяснения его завтра доставлю. Отвечать буду после.

Скоро вышлем к вам «Черпеца», сочинение Козлова, который издаем по подписке. Гнедич отпущен на Кавказ на четыре месяца.

Пожалуйста, уйми «Телеграфа» и запрети печатать имя или буквы из имени Бор[атынского]. Как им не совестно губить его из одного любостязания! Я уже писал об этом. Ни в скобках, ни под пиесой, ни под титлами, ни *in-extenso* имени его подписывать не должно. Скоро может решиться его участь.

Возвратился ли Американец? Получил ли Иван Иванович Вольтера с Давыдовым. Жуковский обнимает тебя. Он, право, сделался великим педагогом. Сколько прочел детских и учебных книг! Сколько написал планов и сам обдумал некоторые! Выучился географии, истории и даже арифметике. Шутки в сторону: он вложил свою душу даже в грамматику и свое небо перенес в систему мира, которую объясняет своему малютке. Он сделал из себя какого-то детского Аристотеля и знает теперь все, чему *прежде* учился; по знает по-своему и передает сии знания также по особенным, им изобретенным или найденным в других, методам. Я собираюсь учиться у него, между прочим, астрономии.

16-го марта.

У нас снова зима. Простите! Пора в Совет. От брата Николая не пьем ни слова из Сицилии. Последнее известие о нем получил еще в Москве, и то только об отъезде его в Сицилию. Сию минуту получил письмо от Ивана Ивановича с прелестно-карикатурным описанием заседания Общества любителей словесности.

670. Князь Вяземский Тургеневу.

17-го [марта. Москва].

В самом пылу болезни моей получил я от тебя какие-то стихи, кажется, твоего Козлова и, кажется, для моего «Телеграфа»; теперь их не отыщу: пришли же новый список и пришли еще что-нибудь Боратынского, Языкова. Сейчас нашел балладу «Разбойник» и отдам в «Телеграф». Не так ли? А не то беру на свою совесть разбойничий или Воейковский грех. Ради Бога, упроси его, чтобы он моего старья не перепечатывал. Ведь, право, терпенья нет!

Мне лучше, но все еще нехорошо; только, чтобы не сбылась поговорка: «Le mieux est l'ennemi du bien». У меня три горячки были на шее; вот новое доказательство, что Бог Троицу любит. Обнимаю вас всех, немногих.

Что скажешь ты о том, как в Москве проводят и убивают время? Неужели и это злодейство будет утешено ради некоторых уважений? Неужели у нас одни Катенины и Пушкины будут служить неминуемыми целями для ударов карающей власти? Вообрази, что здешние бабы обоего пола впутали в эту историю и в анекдот Лавалья и Толстого, который в оба эти похода был в Могилеве. Немудрено, чтобы эти слухи дошли и до Петербурга, то сделай одолжение, зажимая рот клеветникам вольным и невольным. По многим вероятным соображениям должно полагать, что губка начальства смочит кровавые пятна этого душегубства. Но по крайней мере общественное мнение. сильно вопиет о мести. Я замечал во время болезни, что ни одно радостное, сердцуутешительное, благорастворяющее известие не доходило до моего слуха, а все одни вести о сумасбродствах, подлостях и преступлениях собратий моих по Адаму или Иисусу Христу и, право, с унынием и совершенным упадком духа смотрел на возвращение свое к жизни. Это чувство меня тяготило.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Maman vous demande excuse de son indiscretion: elle a décacheté votre lettre pour savoir un peu plus de détails que ceux que Wiasemsky nous donne. Comment va la santé de m-r votre frère? Dites-nous, je vous prie, quelques mots là-dessus. C. Karamsine.

На обороте: А. И. Тургеневу.

671.
Тургенев князю Вяземскому.

21-го марта, суббота. [Петербург].

Сию минуту получил твое письмо. Не помню, для «Телеграфа» ли прислал я тебе стихи Козлова. Справлюсь сегодня и после завтра напишу к тебе. Подожди отдавать в журнал.

О деле графа Федора Толстого спроси у него самого. Он все подробно знает, что здесь о нем происходило, но, ради Бога, никому более не рассказывай: можешь повредить. Скажи ему, что и к тебе я не писал о сем, но что ты спросил у меня, и я тебе сослался на него. Игроков уймут.

Муханов, адъютант Закревского, у меня. Дело Бор[атынского] еще не совсем удалось. Очень тяжело и грустно, но впрочем авось! Отдай письмо Жихареву. Завтра крестины великой княжны. Прости! Должен спешить. Брат все еще болен, но Николай пишет из Неаполя, что ему гораздо лучше.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Чернышевом переулке, в собственном доме, в Москве.

672.

Князь Вяземский Тургеневу.

23-го марта. [Москва].

Сделай одолжение, доставь это нужное письмо служащему при английской миссии Bankhead; а если он уже уехал, то поручи судьбу письма кому-нибудь из его товарищей. Мне лучше. Я начинаю по утрам прокатываться. Обними Карамзиных и всех немногих. Каков твой брат? Писать опоздал. Да пиши же чаще!

673. Князь Вяземский Тургеневу.

25-го [марта. Москва].

Прошу вручить Жуковскому прилагаемое. Ты, говорят, на воды едешь. Не верю! Как тебе расстаться с Черною Речкою, с Булгариным и прочим? В «Дамском Журнале» напечатаны стихи:

Хвостов на Пинде – соловей,
В Сенате – истины блюститель
В семействе – гений-покровитель
И нежный всюду друг ушей.

Вот как я их вчера переделал при Дмитриеве:

Хвостов на Пинде – соловей,
Но только соловей-разбойник,
В Сенате он живой покойник,
И дух нечистый средь людей,

то-есть, вонючий.

Что сказала княгиня Софья Волконская о газетах? Потерял ли я несколько номеров или пет? Lisez-moi la chose au clair. Сегодня получил я твое письмо и отослал приложенное Жихареву, который каждый вечер говорит у меня по целым часам Хвостовскими стихами. Дай Бог успеху Закревскому!

Прости, простите!

Алексею Михайловичу лучше, но Скюдери все еще не уверен в будущем.

674.

Князь Вяземский Тургеневу.

Четверг на Фоминой. [9-го апреля. Москва].

«Pends-toi, brave Crillou!» Сегодня был у тетки Викентьевой; и я туда зван, вероятно, потому, что ты за нею волочился. Ты знаешь или не знаешь, что обер-прокурор Лобанов женат на Киндяковой, но что она, говорят, не замужем. На днях он получил 3-го Владимира и посылает теще своей сказать: «Поздравьте меня: я кавалер!» «Слава Богу», восклицает она, «стало и дочь моя будет дама!» C'est un mot charmant! Я перенес бы еще пять горячек, чтобы быть творцом этой прелести! Алексей Пушкин, когда сказали ему, что Сонцов дородству своему обязан за ключ, сказал: «Он взял его брюхом», а Неелов положил эту мысль на стихи:

Чрез деда, брата или друга
Иной по службе даст прыжок;
Иного вытащит сестра или подруга,
А он так камергер чрез собственный пушок.

Я, говоря, что Сонцову ключ очень к лицу, прибавил, что он не только сановит, но и слоновит. Но венец всему есть Анна Гедеоновская. Нашли способ воскресить ее. Она так была затаскана, что уже никто и не говорил об Анне: теперь только и речей, что об ней. Два раза нашли случай обратить на нее общее внимание: в первый, когда надели ее на Карамзина, во второй – на Гедеонова. Довольно ли с тебя кумовства? Перейдем к другому.

Выписка из письма: «По молодости и малому росту забракован в академики и даже не удостоен экзамена Михайло Доримедонтович Быковский», который к тебе явится от моего лица. Рекомендуй его Оленину или кому следует. Он сведущ в архитектуре а лучший ученик лучшего московского архитектора Жиларди. Если ты с Олениным не очень нежен, то попроси Карамзина или Гнедича, или Крылова, или кого хочешь, только не упустить случая сделать доброе дело.

Скажи Жуковскому, что я получил его грозное письмо и, несмотря на его христоманию, буду бить его именем и всяким другим, когда придет охота, Булгарина и всех, на кого рука зачешется. Я вовсе не рыцарствовал из дружбы, а говорил о нем, потому что автор.

Как – , в том спора нет, есть общее именье.

Утешь его однако же тем, что отвечать не буду на обещанный ответ Булгарина и в спор связываться не буду, а просто буду бить от времени до времени. Ударю, да и полно, а они мне в след пускай мечут ругательства.

Прости! Обедаю сегодня с Дашковым у подагрика Пушкина. Обними Карамзиных. Поезжай со мною в Ревель, или пожалуй я поеду с тобою в Карлсбад. Пришли мне конвертов четвероугольных. Что же стихов Козлова для «Телеграфа»?

675.

Тургенев князю Вяземскому.

10-го апреля. [Петербург.].

Вчера ввечеру только принес ко мне Барбери письмо твое и 1125 рублей, которые отослал сегодня Жуковскому. Вот и записка его. Княгиня Софья Григорьевна ничего не говорила мне о номерах газеты, следовательно и потери пет.

На водах Черной Речки я в это лето не буду: или в Москве, или в дороге проведу его. Я точно еду в водам, по еще не знаю когда. Мое путешествие зависит от увольнения Сергея, а его просьба доложится в Варшаве. Он просится к водам. Если бы мы оба вдруг просились, то почли бы за стачку, и моя просьба повредила бы Сережиной. Так как ни ему, ни мне нельзя выехать, не устроив дел в Москве, то я и решился отложить просьбу об увольнении до возвращения государя, а там подам непременно, и если не пустят или сделают новую неприятность, то и в чистую. Мы надеялись до приезда государя побывать в Москве, по болезнь моя да и брата помешала. После того узнали мы о предложении брату Николаю директорства по высочайшему повелению и о том, что далее поздней осени Канкрин ждать его не будет, и это опять привело нас в раздумье на счет времени отъезда. Николай собирался еще два лета провести у вод, а мы к нему собирались; по если он сюда будет осенью, что еще весьма неверно, то может быть надобно подождать его. Но твердое намерение Сергея – не быть здесь ни осенью, ни зимою, а мое – и никогда, если можно. Мне также надобно пополюскать себя. И Реман то же советует. Вот тебе моя исповедь. Брату Николаю предлагают быть директором мануфактур и торговли с тем, чтобы и по особым поручениям министра финансов заниматься, а государь потребовал, чтобы он оставался и в Совете. Министр сам писал к нему, и мы послали письмо. Это не секрет, но я бы не желал, чтобы от моего имени о сем разглашали. Мы получили от него письмо из Палермо и Неаполя. Он объехал Сицилию и чувствует себя совершенно здоровым, как во время оно. Давно он нас так не радовал. Тем страшнее принять место, которое снова закабалит его на сидячую жизнь и не позволит довершить третьего курса.

Алексей Перовский получил место куратора Харькова, как, узнаем после. Вчера был у меня кандидат на все места Лаваль и брызжет негодованием.

Жаль, что я не догадался послать к тебе и нашу переделку того же катрена графа Хвостова. Мы втроем с Жуковским, прочитав Дамский Журнал», переделали тоже.

Я привожу теперь в порядок или только еще разбираю на досуге старые бумаги мои. Сколько сокровищ, сколько для меня воспоминаний! Какая наука жить и ценить людей и вещи! Сколько приятелей, друзей, коих почерки забыты! Какая очистка совести! Сколько стихов, прозы и особливо посланий! Какая бы покормка для тебя! Если будешь здесь, то попотчиваю тебя несколькими кипами, но только *oculis, non manibus*.

Вообрази себе, что по сию пору не имею никакого сведения об успехе дела Бор[атынского], Муханов, адъютант Закр[евского], также болен. Дибич уехал, а я уже три недели не выезжаю. Многому повредила моя сидячая трехнедельная жизнь. После 25-го я ни строки от тебя не получил.

Брат вчера в первый раз выехал к княгине Зенеиде и к графу Воронцову. Первая скоро собирается выехать отсюда; по я не думаю, чтобы дело её скоро могло кончиться.

Хочется мне послать вместо красного яичка Ивану Ивановичу Дмитриеву красного Тальму в одном слепке с Наполеоном. Оба похожи, но еще жаль расстаться. Что княгиня? Что дети? Поздравь Жихарева с превосходительством.

676.

Тургенев князю Вяземскому.

15-го апреля. [Петербург].

Любезную твою грамотку получил вчера и что мог вчера же сообщил Карамзиным, у которых провел вечер, и Жуковскому, который провел у меня пол вечера. Но выезды мои еще не далее Карамзиных: возвращаюсь, как расслабленный. Шутишь или нет Редюлем? И когда, и чрез Петербург ли едешь? Девушки Карамзины не велят мне ездить за тобою, а тебя зовут скорее сюда. Сделай же так, чтобы мы не разъехались. Вероятно, к половине мая мне можно будет выехать в Москву; прежде не смогу, а после не могу; ибо к половине июня должно быть здесь, чтобы проситься в большой отпуск; но и не устроив дел в Москве и не поклонившись праху прошедшего и вам всем настоящим и прошедшим, также грустно будет уехать надолго. Разочти и скажи, что сделаешь.

Быковского еще не получал; вероятно, он не больше президента и, следовательно, не должен бы огорчать его своим ростом. Примусь за него, как за брошюру. Буду всех просить за него, кого надобно, не исключая и Оленина, ибо мы с ним ни дурно, ни хорошо. Дам ему слова два и к академическому унтер-штабу. Жуковский не советует тебе отбраниваться, разве эпиграммами и письмами, например, ко мне или к нему; но в печать не отдавайся.

Был ли у тетушки на бале? Замолвил ли за меня слово? Ах, болезнь! Давно бы таскался с тобою по Москве! Подари племяннице от меня, «Чернеца», экземпляр, Козлова.

Вы нашутите мне шутку брюхом Сонцова. Он подумает, что я разгласил об условии его камергерства, и что было ключом к ключу его.

Жуковский прислал мне для тебя 50 экземпляров «Чернеца». Не знаю, сколько пошлю сегодня; вероятно, не больше десяти и одиннадцатый, от меня, В[икентьевой]. Предисловие – Жуковского, и сам же себя он и цитует. Не худо бы в «Телеграфе» порядочно разобрать, то-есть, похвалить поэта. Она – после Светланы, – княгиня Голицына, урожденная Суворова, которая пела и утешала певца некогда, когда еще он был в моде только у Жуковского и у меня. Теперь он бывает у графа Строганова, часто у Муравьева И[вана] Матв[еевича], у Оленина, и рой литераторов около его постели кружится». Прости, моя радость, прежняя и настоящая; не знаю, надолго ли и будущая. Слышал ли о французском издании Крылова 82-мя славнейшими литераторами Франции и с портретом? И для Библии Птолемеи нашли только 70 толковников. Каков граф Орлов! Каков некогда Гриша, ныне автор, меценат, издатель и писатель, но все ли едва ли и читатель! Он, слышно, у вас? Поклонись ему от меня в таком случае, если обещает экземпляр французского Крылова; а должен он мне за то, что я был пересыльщиком листов его «Неапольской истории», некогда из Мобёжа в Петербург посылавшейся.

Совестно послать более шести экземпляров; то-есть, для тебя только пять.

677.

Князь Вяземский Тургеневу.

22-го [апреля. Москва].

Я восхищаюсь «Чернецом»: в нем красоты глубокия, и скажу тебе на ухо – более чувства, более размышления, чем в поэмах Пушкина. С удовольствием написал я о нем журнальную статью для «Телеграфа», которая выйдет в восьмом номере. Викентиевой отослал, но не имею еще ответа. Присылай скорее поболее экземпляров для подписчиков: со всех сторон просят.

И, разумеется, не буду отвечать Булгарину. Что за ералаш он намолол! Денису Давыдову говорят, *que le prince André Gortschakoff a maigri*; «Non», dit-il, «mais il s'est rabougri».

Сделай милость, возьми у Полетики записки *Genlis* и *Ségur*, привезенные Ломоносовым, и доставь их мне. Ос просит их для меня. А Байрона английского, принадлежащего Полетике, отдал я Ломоносову для доставления. Жена внесла Жихареву 1500 рублей, должны Сергею Ивановичу. Она поехала в сестре Четвертинской, которая родила десятого.

Прости! Обнимаю вас малую толику. Дмитриев ждет Тальма без ума. Обойми Карамзиных. Сейчас собирался к ним писать, и навязалось дело.

678. Тургенев князю Вяземскому.

23-го апреля. [Петербург].

Отдай приложенную табатерку Мерзлякову. Ты замолчал, и моя арфа не бренчит или только вполголоса. Будешь ли сюда? Мы собираемся к половине мая быть у вас, но не знаем еще, как это устроить. К половине июня должны возвратиться сюда или даже еще к десятому. Где же встретимся?

Сергей уже отпущен в чужие края. Я ожидаю возвращения государя, чтобы просить увольнения в отпуск. Хочется успеть в августе напиться вод или закупаться и прокатиться по Рейну; в туманную Швейцарию будет уже поздно на этот год. Поберемся в местечко Париж или в Италию, а там опять или к водам, или прежде в Швейцарию.

Вчера кончил разбор твоих писем, стихов, прозы; нагрузил ими три портфеля, кроме того, что хранится в тихвинском уезде; там главное. Лучшее твоё бессмертие в моих руках. В печати ты сам себя не стоишь. Портфель с письмами Карамзина, Дмитриева, Батюшкова, Жуковского также *vaut son pesant d'or*. Со временем издам «*Manuel du style épistolaire*». Жаль, что нельзя взять этого с собою! Боюсь зажитья там, а грустно без дружбы и любви скитаться по земли.

Напиши похвалу старости: вчера видел в первый раз князя Лопухина, и следов горести не осталось: и её, как дочери, как будто не бывало.

679. Тургенев князю Вяземскому.

26-го апреля. [Петербург].

Письмецо твое получил и Козлову твое мнение сообщил. Он в восхищении от успеха «Чернеца». И денег Жуковский собрал кучу. Перстень, табатерку, по 500 рублей от государыни и великих князей получил, и даже Уваров подписался на сто экземпляров. Я сколько посещений дамских! И даже святой отец Магницкий пришел, но с критикою на смерть Чернеца. Желая отомстить ему, Козлов начал хвалить меня, но не тут-то было. Магницкий перецеголял его дружбу в похвалах: и он не знает ничего в сравнении со мною! Между тем, сказывают, уезжает в Казань. Экземпляров нет уже ни одного: довольствуйся тем, что имеешь. У Полетики возьму книги, если отдаст. От брата получил еще письмо из Неаполя: он переменил вегетабильную диету на другую, и здоровье опять несколько переменилось на худшее, и он опять принялся за зелень. Вот как неверно выздоровление, и, следовательно, скорое его возвращение сюда. Нет, скорее «Dahin, dahin, wo die Citronen und die (Josimdheit blühen»! Выедем отсюда, вероятно, 5-го мая, но может быть и позже. Прости, до завтра! Отдай Ивану Ивановичу приложение и полюбуйся скромностью директора Ассигнационного банка на конце диссертации. Дрянь и в душе, да и в уме. Получили ли письмо брата к Ломоносову?

680.

Тургенев князю Вяземскому.

28-го апреля. [Петербург],

«Waesemsky has the force of proverbe in most of his compositions. He has had the boldness to create, and the success to introduce many new words and new forms of language» («The Westminster Review», № 1, 1824 г., стр. 98). Вот что о тебе, благодаря «Полярной Звезде» прошедшего года, пишут в Англии.

Мы собираемся отсюда к вам 5-го или 6-го мая, но это еще не так верно, как то, что Булгарин – паяц литературы. Видел ли ты, чего он требует от историографа? Вынь да положи великих людей в старой России! Карамзин не сердится и не может на него сердиться, но за публику нашу огорчается; по поляк этого знать не должен. Ему то и на руку.

Я читаю пять или шесть английских Review. Много о России, но все *прадтствуют*, все страшат нами; один только догадался и хотя много врет в суждениях, но заключение о могуществе России довольно справедливо.

Очень ты меня обрадовал строками о стихах Козлова, и тотчас ему их передал; но с тобой несогласен. В них, конечно, много глубокого чувства, но разве это не трое в одном, то-есть, Жуковский, Пушкин и Байрон в Козлове, или лучше он из них, а те самостоятельны. Замечание сие не мешает Козлову иметь гораздо больше истинной чувствительности и души, нежели в Пушкине, но воображения меньше. Те творят; он кроит из готового, то-есть, из них, хотя с примесом, и большим, своего. Похвалив талант Пушкина, я не меньше, особливо с некоторого времени, чувствую омерзение к лицу его. В нем нет никакого благородства. По душе он для меня хуже Булгарина. Этот поляк безмозглый, да и только; чего от него требовать, и почему Карамзин должен быть для него священ? Чем более возвышает он собою Россию, тем более должен бесить польского паяца. Но Пушкин учился читать по страницам Карамзина, но Пушкин плакал, и не раз, за столом его, но Карамзин за него рыцарствовал. Я ни слова не сказал о Карамзине, просветителе России в некотором смысле; ибо Пушкин щеголяет не русским чувством и думает, что сердце у него не лежит к России. Ему хочется быть и в этом Байроном, но и Байрон имел друзей в Англии; он любил Мура, а Пушкин поднял руку на отца по крови и на отца Карамзина. Все это между нами совершенно: вырвалось из души, которой не вижу ни в стихах, ни в душе Пушкина.

Хотелось бы вырваться поскорее к вам, но *думу* думаю, а какую? – Вашу и нашу, и сим заключу законодательное мое поприще, устроив *огромную, по распахнувшуюся храмину* купечества, как сказал Петр I о своем городском положении.

К Полетике напишу сейчас о книгах. Прости! Получил ли с Волконским табатерку для Мерзлякова?

Вот заглавие рукописи, которое я нашел в каталоге рукописей графа Воронцова, в Одессе находящихся: «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» («Без подписи, но по содержанию видно, что Фонвизина, без конца»). Это замечание сделано тем, кто делал каталог; кажется, Туманским молодым, что при графе Воронцове. Можешь чрез графиню выпросить рукопись, то-есть, копию. О Боратынском Дибич взял доклад в Варшаву. Вот ответ Полетики.

Сию минуту узнаю о гневе на нас княгини и придумать не можем, чем его заслужили. Пожалуйста, объясни. Какою-то сухостию брата Сергея? Да он никогда и ни с кем иначе не бывает по наружности, а в душе не менее моего любит княгиню; а я, право, люблю ее и даже в мыслях не думал ее оскорблять. Пусть оправдывается Сережа, а мне и грустно, и смешно, и некогда оправдываться. *L'amitié que je lui porte rend mes torts imaginaires, impossibles*. Не кумовство ли уж какое? Оно меня и от Москвы отучит.

681. Князь Вяземский Тургеневу.

29-го [апреля, Москва].

Начнем с важнейшего: Викентьева велела поблагодарить тебя за «Чернеца», бо благодарность её была словесная, и потому доношу о ней только письменно, а не фактом. Теперь, как нашему Гримму, сообщаю тебе наши московские редкости – ордера Степана Степановича Апраксина. Я люблю, что глупость никогда не оставляет нас в торжественных случаях. Апраксин не что иное в настоящем деле, как дворецкий Благородного собрания, избранный членами для домашнего порядка, понукает сенаторами и прочее.

Что же «Чернеца»? Меня, наконец, почтут за черняка, потому что я со многих взял деньги, а книги не даю. В следующем «Телеграфе» будет моя рецензия, а между тем и объявления, что книга у меня продается: со всех сторон нахлынут, а у меня ничего нет. Поторопитесь! Да что же Козлов ничего не присылает в «Телеграф»? А ты не вытащишь ли чего-нибудь из котомки своей годного для журнала? Давай!

Прощай, душа! Поедем в Ревель, в Либаву, куда-нибудь, где есть соленая вода; ты скажешь: «Зачем? Нам и здесь солоно». Это так, не спорю, по все поедem. Сергею Ивановичу мой дружеский поклон. Он отпущен?

Непременно благоволи (апраксинский слог) попросить сенатора Полетику, чтобы он непременно благоволил мне прислать для прочтения книги, привезенные Ломоносыком. У меня его, то-есть, Полетики, «Разговоры» Байрона в целости и возвращены ему будут исправно. Александр Пушкин пишет мне, что он велел Льву-брату выслать стихи ко мне; благоволи непременно напомнить ему о том и сказать, что жду не дождусь.

682. Тургенев князю Вяземскому.

2-го мая. [Петербург].

Читал твое письмо к Карамзину, вчера полученное, и старо-французское к княгине Софье Григорьевне. Перестань переписываться с Пушкиным: и себе, и ему повредить можешь. Он не унимается: и сродникам и приятелям – всем достается от него. Прислал вторую часть «Онегина». Говорят, лучше первой.

Вот что пишет о тебе Боратынский в письме к -:². «Всего досаднее Вяземский. Он образовался в беспокойные времена междоусобий Карамзина с Шишковым, и военный дух не покидает его и ныне.

Войной журнальною бесчестит без причины
Он дарования свои.
Не так ли славный вождь и друг Екатерины –
Орлов еще любил кулачные бои?

Это – impromptu. «Чернеца» нет, Объявили о втором издании, но не спросясь автора и издателей.

Надеемся выехать после завтра в ночь или во вторник. Вчера в Сенате судили Попова; граф Хвостов пристал к мнению Сумарокова, исчадию невежества, глупости, подлости, и у нас неслыханных. К Муравьеву пристало большинство.

Если княгиня перестала на нас гневаться, то поцелуй у ней нежно ручку; если же нет, то прости.

² Фамилии не означено.

683. Князь Вяземский Тургеневу.

2-го мая. [Москва].

Хороши вы будете, если оставите меня без «Чернеца». Ведь я писал Жуковскому, чтобы он доставил мне сто экземпляров, по крайней мере. У меня на столько есть подписчиков, да и часть денег уже у меня. Как хотите, выводите меня скорее из беды. Например, Уваров подписался, как ты говоришь, на сто экземпляров: дайте ему теперь пятьдесят, а остальные мне; таким образом отберите и у других. Мне непременно нужно экземпляров до шестидесяти. Не стыдно ли Жуковскому так ветренничать! Поди, после связывайся с ним! Благодарю Сергея Ивановича за письмо: все сделано.

Вся Москва на ногах, а многие из бояр и на брюхе; нашлись бы и женщины, которые уж мысленно – . Вчера утром на Пресненских прудах князь татарский давал принцу праздник *в нашем роде*: цыганки восплясывали и воспевали. Гулянье вечером было пыльное и холодное, но многочисленное, потому что

Герой от русских чресл во век не оскудеет.

Сегодня музыкальная вечеринка у княгини Зенеиды. Получила ли княгиня Софья мое письмо? Обними Карамзиных и спроси у него, получил ли он письмо от Набокова от 2-го марта? Мне нужно это знать. Табатерку отдал Мерзлякову. Зачем не кубок? Он табаку не нюхает. Пришли мне пакетов покроя поболее.

684.

Тургенев князю Вяземскому.

4-го мая. [Петербург].

Боратынский – офицер: вчера получил варшавский приказ от 21-го апреля. Давно так счастлив не был. С ним и Абаза. В том же приказе и князь Голицын за *непристойный отзыв* корпусному генералу отставлен. Письмо и афиши получил. Полетике выписку о книгах сообщил. Жуковский печатает второе издание «Чернеца» и тебе экземпляры доставит.

Пушкин написал вторую часть «Онегина», которую сегодня буду слушать. Гнев мой на него смягчился, ибо я узнал, что стихи, за кои я на него сердился, написаны за пять или шесть лет пред сим, если не прежде. Пришло его сравнение в стихах Байрона с графом Хвостовым: прелесть! Льву скажу сегодня твое поручение, Козлов пришлет отрывок из «Абидосской невесты» для «Телеграфа». Вчера был на освящении дома и церкви в Женском патриотическом обществе. Государыни Елизавета была с нами, ласкала детей и угостила нас завтраком. Давно я не видел ее и был поражен худобою лица её, между тем, как другие радовались, что ей лучше с некоторого времени. Что же было, думал я. На лице осталась только прежняя ангельская улыбка доброты; остальное изменилось. В душе моей осталось впечатление от этой перемены. Она подарила нам запрестольную картину «Снятия со креста», Егорова. Лицо юного Иоанна, смотрящего на своего Друга-Наставника, прозрачно умилением и горестию; Мария падает в обморок; другие не плачут, но поражены страдальческим сокрушением. Вдали город, в котором скоро камни рассядутся и завесы церковные раздерутся. Дом наш отделан просто, но удобно и с наблюдением всей роскоши благотворения. Он обязан бытием своим славным бедствиям отечества. и я всегда называл его учреждением 1813-го года. В нем нашли приют наши круглые сироты, которых судьба в то время из разоренных провинций забросила к нам. Княгиня Репнина прежде всех вздумала призреть их.

Я все еще не знаю, когда еду и даже еду ли? Дело за делом и хлопоты отнимают время и сокращают дни, назначенные московским приятелям. Пиши ко мне сюда. Если и без меня получится, то коллекции писем твоих не минет. И твой приезд сюда погружает меня в раздумье. Прости!

Сию минуту получаю письма от И. И. Дмитриева и Алексея Михайловича Пушкина. Отвечать сегодня не успею. Скажи последнему, что справлюсь и попрошу.

685. Тургенев князю Вяземскому.

6-го мая, вторник. [Петербург].

Увы, я в Москве не буду! Приезжай сюда скорее утешать меня. Грустно и досадно! Но тронуться отсюда не могу по разным причинам. Брат едет в субботу в дилижансе. Карамзины переезжают через неделю, то-есть, во вторник; но ты должен приехать прямо ко мне и жить в комнате брата. Будем ездить, сколько угодно, в Царское Село. Сию минуту получаю твое письмо от 2-го мая. Посылаю пакетов, а к Карамзину за ответом о письме Набокова. Мы давно о нем здесь хлопотали, и Булг[аков] писал к Рушк[овскому], и получен ответ, и Карамзин, кажется, отвечал ему или писал к Руш[ковскому]; но вряд ли и Набоков знает, о чем мы хлопочем.

«Чернеца» нового скоро пришлю, но вряд ли до твоего отъезда. Поручи другому и приезжай ко мне, Грустно, тошно по Москве! Уваров подписался на сто, но получил только десять экземпляров.

Пушкину о стихах, тебе принадлежащих, говорил. Он все тебя сюда дожидался; я сказал, чтобы непременно прислал к тебе. Но кто принудит эту невзнузданную молодежь!

О письме кн[ягине] Вол[конской] я писал к тебе. Мы обедали у Воронцова. Глаза его худо поправляются, но стол и вино от этого не хуже. Он отправляется в воскресенье, если глаза позволят. Кланяйся Зенеиде и скажи, что люблю ее очень.

686.

Тургенев князю Вяземскому.

8-го мая. [Петербург].

Завтра, то-есть, в субботу, брат отправляется к вам. Грустно, что и я не с ним! Здесь душно. Приезжай скорее! Вторую часть «Онегина» хотел Дельвиг и Лев Пушкин послать к тебе с братом. Не знаю, успеют ли? Лучше первой. Тут же получишь и оду на графа Хв[остова], и Бейрона с примечаниями. «Чернеца» печатают. Через две недели будет готов»

Вчера слушал у княгини Голицыной (Измайловой) комедию Грибоедова. Всем вам досталось. Много остроты в некоторых стихах, особливо в негодовании Чацкого, но пьеса нехороша и интрига подлая. Есть сатирические черты и верные портреты московских оригиналов, но нет комедии. Княгиня бесила меня вздорными замечаниями своими на пьесу и на стихи, коих не понимала. Небесная физика совсем исказила ум её и даже небесное её личико. Все говорит о точке, о протяжении, о движении, а ум при ней и от её слушателей ни с места. Не только тяжело, но и грустно ее слышать. С мужем была бы она иначе.

Волконская писала к тебе. Приезжай же! Лаваль в деревне застрелился. Скажи Жихареву об отъезде Сергея.

687.

Князь Вяземский Тургеневу.

Понедельник. [11-го мая. Москва].

Спасибо за Хвостовщину; все передал Ивану Ивановичу, яко великому канцлеру подобных грамот. пришли какие-нибудь стихи. Спасибо за «Чернеца». Буду писать тебе более завтра или после завтра и Карамзиным: теперь нет времени. В течение мая, то-есть, к концу, буду в Петербурге и поеду в Ревель купаться в море, чтобы посолить в прок свои нервы: дураки на них имеют бедственное влияние. Вчера обедал я у Жихарева с нашим губернатором и должен был поздравить его с звездою.

688.

Тургенев князю Вяземскому.

13-го мая. [Петербург].

Накуралесил ты мне стихами Козлова в «Телеграфе»! Они им отданы были Дельвигу, а напечатаны не только без его позволения, но и не смотря на запрещение. Я тебе писал, что он пришлет другое; вымарал в твоей копии посвящение и указал двусмысленность смешную, а тебе все надобно было отдать их «Телеграфу». Вперед буду осторожнее.

Видел вчера графа Лаваля: глубоко грустен, но не без рассеяния. Мать больше убита, как рассказывают. Бабка не знает, как умер.

Я получил письмо от Боратынского, и до слез прошибла меня его радость и выражение этой радости. Совесть послать письмо, по не совестно похвалить себя за другое/ Вчера ввечеру Карамзин рассказывает мне, что граф Федор Анд[реевич] Толстой был у него, и что он делает спой портрет в 4000 руб» лей, с мехом; но просил совета, не в мундире ли написать?

Я на это отвечал ему: «Все-таки портрет будет *смехом*». Каков? Сообщи это племянничку при моем поклоне.

Статьи твоей еще не читал. Прочту сегодня. Карамзины переезжают после завтра, и я останусь круглым сиротою. приезжай скорее. Скажи княгине, что я читал её ответ Сереже. Он похож на нашу весну: холоден, особливо для меня. Пора к Совет, на обед и на биржу. Прости! Речи польские – в нашей французской газете.

Потешить ли тебя двумя строфами из второй части «Онегина»? Но вся песнь тебе принадлежит, а добиться не мог. Если же получил, то пришли сюда: у меня нет. И ода гр[афу] Хвос[тову] + лорд Бейрон для тебя же им списаны.

689.

Тургенев князю Вяземскому.

18-го мая. [Петербург].

Два письма твои получил. Княгиня Голицына велела тебе сказать (ибо от твоего имени было послано), что ей немного лучше. О Ревеле расспрашивал Ал[ексея] Ал[ексеевича] Оленина, который там был и купался. Надобно ехать в начале июня, но можно и позже, хотя чем ранее начнешь, тем лучше, ибо надобно выгадать шесть недель на купанье; в последних числах августа уже поздно, хотя и можно еще купаться. Располагай по сему и выезжай скорее. Впрочем, можно и позже. Булг[аков] писал, что ты едешь скоро с Вел[гурским] и князем Щербатовым. Правда ли?

Гоголя знаю и просить буду или сам, или чрез других. К выпуску назначены были многие, но Дибич при докладе переменял и убавил число офицеров. Многие лишились чрез сего чинов, коих надеялись, и сшили уже мундиры. Вероятно, и граф Вас[ильев] подпал сей же участи. Впрочем, узнаю и уведомлю.

Козлов доволен твоим рассмотрением, исключая одного замечания, о котором после: теперь некогда. Приехал поздно от французского посла, где бал был блистательный освещением, туалетами и цветами. У каждой дамы по букету у куверта. Жаль, что не накануне бала: они могли бы на сих цветах уронить слезки три, зевая, слушая молебн.

Письмо Вол[конской] отдал. Вчера был и на гулянье. Многих не было, известных по экипажам своим; например, Ал[ексей] Орлов с графиней Орловой – на освящении храма при штабе военных поселений; там же: Татищев, Левашов, Сперанский и еще некоторые приглашенные. Освящал Фотий.

690. Тургенев князю Вяземскому.

21-го мая. [Петербург].

Я справлялся о пажах у директора Бибикова лично, и вот ответ его: никто не виноват, что мало выпущено. Сам государь отмечал и назначил только тех, которые имели *не меньше* шаров против самого меньшего количества выпущенных в прошлом году; но те, кто имели равное с выпущенными, имевшими самое меньшее число шаров, выпущены. Даже родственник Дибича остался в корпусе. Государь сам расчисляет. И это сущая правда, да и справедливо; так было и при князе Голицыне; я это помню.

Возвратился сегодня из Царского Села, где все цветет. Соврал: липы и дубы черны как...³ Прости! Спешу обедать к Воронцову. Скажи графу Толстому, что завтра буду писать о швейцарке для его дочери.

22-го мая.

Не успел отправить вчера письма. «Чернец» дни через четыре будет готов. На твое ли имя присылать экземпляры для Москвы и сколько? От кого получать деньги? Жуковский требует ответа на сии пункты. Французская статья о «Чернце» в «Gazette de Pétersbourg» – Улыбышева.

Сегодня надеюсь выправиться в самом корпусе о графе Васил[ьеве]. Но, без сомнения, до следующего года нельзя думать о производстве. Впрочем, узнаю подробно и тебя уведомлю. Кутузов в Варшаве.

На обороте: Князю Вяземскому.

³ Точки в подлиннике.

691. Тургенев князю Вяземскому.

22-го мая. [Петербург].

Я узнал себя в Бабослужкине, и этим почетным ругательством обязан тебе, вот почему: получив от тебя поручение вытолкать в письмо Булгарина, я не мог этого исполнить, ибо он у меня не был; но, встретив его на Полицейском мосту и обесчещенный в присутствии брата его дружескими ласками, я вспомнил на ту минуту похвалы его Шишкову и ругательства Карамзину и сказал ему, что он подлец, что он обесчестил и Греча своим товариществом (все это он сам после пересказал Жуковскому), и что я удивляюсь его бесстыдству и храбрости Греча. Я часто говаривал ему подобное, но на этот раз он разгорячился и с жаром отвечал: «Вы мне этого в другой раз не скажете», а я ему: «Будет и одного» – и уехал. Прочитав статью его и вспомнив его поступок, и сказал: «Конечно, я Бабослужкин; я и тебе, подлец, служил.» Не в укор будь мне сказано, было время, что Булгарин надоедал мне своим ласкательством письменно и словесно и душил меня письмами, записками и комплиментами. Например, говоря об нас, он беспрестанно повторял: «Это прекрасная книга в трех частях» и пр. Я служил ему по сенатскому делу и прочим и, следовательно, заслужил имя его, но не заслуживаю быть в одной категории с Карамзиным и Жуковским. И Булгарин прав, и мне по-делом! Но как Иван Иванович Дмитриев может тешиться, как слышу, мерзкою эпиграммою на чистого и чувствительного Жуковского! Зачем доставляет он торжество врагам всего прекрасного, изящного и высокого! К чему довела его страсть ко всему мелкому! Желая, чтобы слышанное мною здесь было неправда. Иначе, хоть с горем пополам, но расстанусь с насмешником над Жуковским. У нас немного ему подобных, и если друзья Карамзина будут радоваться мнимым поруганиям Жуковского, то что же останется для Воейкова, который также с торжеством поспешил первый прочесть эту эпиграмму Жуковскому за то, что он первый упросил Карамзина сохранить ему «Инвалида» и следовательно кусок хлеба. Но если слухи ложные, то и я не перестану любить и уважать Дмитриева: *si non-non*.

Сен-Флоран прислал ко мне две части, tome 6-me et 7-me, с картинами особо, des «Mille et une nuits». Я не помню, для кого я их брал. Кажется, для тебя. Деньги давно уже заплачены и за сии части. Если же не для тебя, то спроси у брата, для кого? Пришлю, как скоро уведомишь. Алина получила от отца кое-что новое, например, Мартиновы стихи о Бейроне, но отдала по рукам, и ко мне дойдет разве завтра. Козлов собирается писать к тебе и благодарить за рецензию; французская – Улыбышева. Мы предлагаем ему, по желанию посла, перевести самому на французский; напечатали бы в Париже в его пользу. Дельвиг обещал послать стихи: напомним ему. Он сегодня возвратился только из Царского Села.

С нежностью целую ручку у милой *сестры милосердия* и жалею, что был в водяной прежде, нежели знаком с нею.

692.

Князь Вяземский Тургеневу.

27-го [мая. Москва].

Благодарю тебя, усердный исполнитель, за пажеские сведения; ожидаю дальнейших и индивидуальных.

Можете прислать смело сто экземпляров «Чернеца» в мой дом, на имя комиссионера моего Андрея Иванова. Деньги привезу с собою, а если соберу, то и прежде. Бояться нечего.

Добрый и любезный наш Пушкин скончался третьего дня вечером тихо и без страдания. По настоящему, умер он за десять дней до кончины своей. Сердечно его жаль и за него лично, и за окружающих. В тот же день умер и муж сестры Клены Григорьевны, Бибиков, который из бедности был исправником и оставил семь детей.

Что же стихи Пушкина? книгу Полетике отправил я с полярным Бестужевым. Обнимаю! Дашков здесь.

693.

Тургенев князю Вяземскому.

28-го мая. [Петербург].

Записку мною получил и письмо Bankhead'у доставил: вот и росписка. Курьер, полагая, что письмо от Карамзина, назвал его вместо тебя. Сам я не видел его, ибо не выезжаю за болезнь и только поздний вечер провожу у Карамзина. Брат также все еще с подвязкой ходит, то-есть, с флюсом. Не услышу завтра и громкого: «Христос воскрес» во дворце. Вчера обедал у нас Жуковский, и мы выпили за мое почти сорокалетнее здоровье, которое однако же нездорово.

Теперь уже верно ты получил «Полярную Звезду?» Каков Бестужев? Смешнее прошлого года. Строки о Грибоедове прелестны. И, описав наше ничтожество, уверяет, что вряд ли журналы наши уступают иностранным, и что немцы живут одним Ольдекопом: далее нельзя. Из французских журналов назвал он сносным только один, и именно несносный своею мелочною литературою, своими бездушными исчислениями всех мелкотравчатых авторов во всех языках. Но наши звездочеты и литераторы-журналисты знают кому повадить. Здесь скажет словцо-другое Булгарин, там «Revue» впишет в число светил северных. И я должен был прочесть этот приговор немцам в такую минуту, когда предо мною лежат классические их журналы с глубокомысленными и блистательными рассуждениями о всех предметах словесности и просвещения вообще.

Не успеваю выписывать то, что поражает меня истиною, тонкостью и смелостью замечаний, и радуюсь заранее, что подышу скоро тамошней атмосферой. Я бы мог указать ему на любую журнальную немецкую статью, в которой больше ума и даже вкуса, нежели во всех отечественных наших бреднях и хвастовствах. Приговор, который Бестужев делает Полевому, можно справедливее отнести к приговаривающему: «Неровный слог, самоуверенность в суждениях» и пр., и пр. Но разве слог его, то-есть, Бестужева только неровен? Это галиматья двойная, в которой, однако же, иногда есть что-то похожее на мысль или даже на правду. Впрочем, нельзя не сказать и спасибо вообще за эту книжку: в стихах и в прозе много есть прекрасного. Номенклатура участников блистательная: отрывки Пушкина, несколько страниц Жуковского, твой третий куплет из стихов «Гр[афиня] Черныш[евым]», Боратынский, Глинка, проза другого Бестужева, анекдот о Петре I, стихи Козлова и Нечаева – украсили бы и европейский журнал, и, наконец, – басни наших ветеранов! Я очень доволен стихами Нечаева: они полны мыслей и чувства. Язык чистый и благозвучный, как говорят наши профессора. Сколько из благодарности за письмо издателей, столько и за экземпляры подаренные, я отвечал им похвалою вообще за издание, сказав что «Звезда» их становится с каждым годом блистательнее; что надобно желать, чтобы она долго еще разливала приятный свет свой на горизонте нашей словесности и что немерцающая слава *трех звездочек* (И. И. Дмитриев) и некоторых других светил верною порукою в успехе и прочее. Личных комплиментов не мог послать; хотя уважаю Рылеева, как автора и человека, по пиесе Бестужева сковала мне руки, взорвав досадою за немцев и даже за французских журналистов.

Каков Булгарин в новой выходке на Карамзина! Мы читали эту статью вместе, то-есть, с Карамзиным, а не с Булгариным, ибо я исполнил слишком верно твое завещание на счет последнего, и Карамзин радуется его критикою, особливо там, где он сомневается в чистой нравственности историографа. Неужели и Ивана Ивановича это не потешит?

Дашков уже в дороге; поклонись ему от нас; я извинил его пред Карамзиным.

Аренда, данная Северину в 1000 рублей серебром, но могущая приносить 2500 рублей серебром, оставлена у Северина с тем, что до получения оной он будет получать 2500 рублей

серебром из Казначейства. Он надеется иметь всего до 25000 годового дохода. Матусевичу – 2-го Владимира.

Шуми же ты, шуми, огромный океан!
Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран,
Но море чем себе присвоит!
Трудися, созидай громады кораблей...

Вот отрывок из стихов Батюшкова, который сохранился в памяти Блудова. Батюшков опять стал исправно лечиться, и есть надежда к улучшению.

694. Тургенев князю Вяземскому.

7-го июля. Вторник. С.-Петербург.

Третьего дня ввечеру поехал я с Жуковским в Царское Село, ночевал там и вчера провел весь день. Павлуша здоров, мил и весел. К тебе ничего не хотел. приказать, потому что ты не в Петербурге. Все тебе кланяются. Катенька вчера учила чему-то Павлушу. Я расстался с Карамзиными, как с родными, самыми близкими сердцу. Не могу думать о них без грусти и благодарности. В *них* нашел я верную дружбу за последние минуты.

Я получил записку от княгини о бедном мальчике, которого ей хотелось бы поместить в гимназию на казенное содержание; но этого содержания там нет, и теперь уже князь

Голицын ничего не может. К отцу вашей дамы посылал и писал к нему; просил, чтобы дал о себе знать дочери; но еще ответа не имею.

Завтра выезжаем. Надеемся в Риг найти от тебя письмо. Все тебя обнимают. Прости!

695.
Тургенев князю Вяземскому.

12-го июля. Рига.

Сегодня, в четвертом часу утра, мы сюда приехали. Чиним коляску, устраиваем денежные дела и пишем в Петербург, а во втором часу отправляемся в путь. Из Мемеля в Кенигсберг поедем водою, во здесь запаслись вином. Письмо твое развеселило на минуту грусть мою. Спасибо! Авось, где-нибудь свидимся. Я давно так не грустил по тебе, как проводив из Петербурга. Пиши к Жуковскому и к жене и скажи им все, что бог дружбы тебе на сердце положит. Был сегодня у двух русских и у немецкой обедни. Брат обнимает тебя. Книг пришлю, если случай будет. Из Дрездена напишу.

696.

Тургенев князю Вяземскому.

10-го ноября/29-го октября 1825 г. Париж.

Сию минуту узнал от посла об отъезде курьера, но не фельдъегеря, в Петербург и смешу хоть несколькими строками напомнить вам о себе, молчаливые друзья мои, и послать тебе, некогда велеречивый друг мой, новейшее сочинение в прозе и новейшее в стихах. Последнее для тебя очень кстати. Ив. Ив. Дмитриеву посылаю листок, сорванный вчера с могилы Лафонтена, а графу Федору Толстому – карту обедов и завтраков за два и за полтора франка, то-есть, менее двух рублей с персоны. *Summ cuique!* Больше ничего послать нельзя, ибо этот курьер везти не возьмется. Книги сии посылаю чрез Карамзина. Два раза отыскивал князя Федора Гагарина и не отыскал; наконец, вчера встретил его в Palais Royal с другим князем, Ник[олаем] Гагариным и узнал номер дома (улицу давно знал). Обещали друг другу видеться. Я пойду к нему; не знаю, сдержит ли он слово? Его напугали моими ранними выходами. В этом есть и правда: вот месяц ровно, как я в Париже, и еще не успел образумиться.

Я описывал Карамзиным мои похождения по тюрьмам, богадельням и больницам, прибавлю – и по бойням Парижа, ибо вчера видел первую бойню в свете, первым мясником в мире, блаженным Наполеоном, устроенную: 1200 быков, 250 коров, 4, 500 овец и пр., и пр. в неделю! Обществ здешних, кроме Гизо и Cuvier, еще не знаю. Едва успеваю два или три раза в неделю к Тальме и в итальянскую оперу, и то усталый. Из русских бываю иногда у графини Бобринской и княгини Гагариной. С последней ездил к обеду церемониальному короля и видел все великолепие здешнего двора, уступающее нашему; но народный праздник шумнее и многолюднее нашего подновинского, хотя в сем году в день св. Карла и мало оказывали веселья и любви к королю, который угащивал народ колбасами и хлебом, и вином, из двенадцати домиков лившимся в Елисейских полях и, наконец, всеми театрами Парижа, куда безденежно пускали всю публику. Я шатался целый день по гуляньям и во дворце; везде видел толпы народа; но даже и при появлении короля у окна в Тюльери едва слабый «Vive le roi» слышали мы в разных пунктах сада, вероятно, наемными радующимися уставленного. В письме к Карамзину описал я мое здешнее житье-бытье: вытребуй, если желаешь, и прочти; повторять не хочется. Мы, то-есть, брат Николай и я осматриваем все и проводим все утро большею частию в местах ужаса и страдания. Редко удается отдохнуть, например, на кладбище Лашеза, где возвышаются кипарисы и памятники маршалам или скромные урны над современниками Лудвига XIV и славы его. Население кладбища не уступает парижскому; все усеяно гробами, а гробы – цветами и гирляндами: прекрасный обычай, который нам перенять трудно. На сих днях начну ходить в Palais de Justice слушать адвокатов и судей и учиться практической юриспруденции. Сегодня был там в первый раз, но не пустили в Уголовный суд, ибо судили за прелюбодеяние и, следовательно, не публично; но я видел отправляемых в загородные тюрьмы преступников: их сажают в фуры на рессорах и запирают, без цепей, с одним проводником. Тюрьмы, впрочем, немного лучше наших: богадельни и больницы под смлтрением орденских женщин («*Soeur de la charité*», «*Les visitandines*», «*Les filles de St.-Thomas*») прекрасны. Все чисто и человеколюбиво. Часто, очень часто думаю о тебе и желаю, чтобы ты попал сюда, то-есть, не в тюрьму, а в Париж, хотя, впрочем, невероятная рассеянность вряд ли бы даже и тебе понравилась. Без плана занятий здесь ничего не увидишь порядочно и не узнаешь Парижа. Это – малый мир, и одна часть света часто не знает о другой. Тальма, Тальма! Вот твое наслаждение! Но и он часто слишком играет в пьесах Soumet и Arnault; сегодня – в «*Fille d'honneur*»; но я зван к переводчику Шекспира – Гизо, коего и жена автор, на вечер и увижу там в хозяине дома бедность и благородство души.

Русских мало вижу; с С. П. Свечиной, уехавшей до января в деревню, переписываюсь. Она приезжала сюда для меня недели на две и возвратилась к *madame Ségur*. Вероятно, вместо Англии, с братом Николаем я поеду в Италию к Сергею, ибо чувствую, что я еще не созрел для Англии, а в Италии нужны только глаза, воспоминания и Винкельман. Григорий Гагарин приглашает меня жить с себе (жена его уехала в Сизенну), но я буду жить с братом Сергеем, на сих днях из Лозанны в Париж отправившимся- Из Италии – опять сюда и потом, уже соединившись в южной Франции с обоими братьями, в Англию.

697.

Тургенев князю Вяземскому.

20/8-го ноября 1825 г., после обеда. [Париж].

По приглашению Жюльена, мы были в годичном собрании Филотехнического общества. Секретарь оногo, Villeneuve, прочел историю прошедшего года, которая могла бы быть короче. С утомительною подробностью исчислял он труды каждого члена Общества, между коими есть уже и умершие, не только труды но и надежды; например, желая уколоть Монморанси, который занял, вопреки справедливости, академические кресла, над чем все газеты смеются, секретарь сказал об одном из синих сочленов: «Он бы занял место в Академии, если бы Монморанси не предупредил его»; объявил о путешествии в Италию Лавинья и об издании графом Орловым басен Крылова и пр. Я почти ничего не удержал из его отчета, кроме того, что он сказал о моральном характере Гельвеция. «Ses actions avaient refuté son livre», и стихи Жюльена:

Le pouvoir absolu n'est jamais légitime.

Febré читал три басни: «La girouette et le paratonnerre», «Le menteur et le faux monnayeur» и «L'ignorance conduite par l'habitude, ou Les deux vieilles». Две последние очень замысловаты и хорошо написаны. Японский самодержец из двух преступников, из коих он может простить только одному, прощает не лгуну, а делателю фальшивой монеты; ибо лгун-ласкатель искажает нравственность людей и особенно царей, между тем, как другой лишает их только того, что легко приобрести можно. Мысль напоминает басню Крылова о Вольтере.

Courtisans, n'allez pas à la cour de Japon,

кончит автор. Басня о кривой и слепой старухе – самая либеральная; и кривая представляет собою тех, кто преследует всякое новое открытие, новое усовершенствование старых методов, как она мешает слепой старухе прозреть с помощью искусного оператора. Французы на словах иногда очень либеральничают, но хвастают еще больше. Не раз слышали мы в этом заседании, что Франция à la tête de la civilisation! Где же Англия? Lenoir, gardien des tombeaux de St.-Dénis, où les pierres sont des souvenirs et le marbre de l'histoire, читал описание египетских древностей, недавно привезенных сюда par m-r Passalaqua. Я еще не успел видеть сии древности, хотя они, как уверяют, очень примечательны. Naudet читал элегию «Le dissipateur mourant», гладкими, но не резкими стихами писанную, и один только я запомнил:

Sur cette terre de passage je fus riche un moment;

виноват, вспомнил и другой:

Seul au monde – il est temps d'en sortir.

Президент общества, de-Ladoucette, хотел прочесть две басни, но не успел. За то Naudet прочел свой «Le Cerf aux abois et le Juge du village». Деревенскому судье предлагают наказать того, который смеется над его глупостью, а он возражает: «Если мы так строги будем к тем,

qui dénoncent nos sottises,
Nous, comment nous punira-t-on?

Bouilly, автор детских сказок, которого книги и в Москве во всех лавках, прочел длинную сказку о царевиче Богдане (Dieudonné), которого он воспитывает. Длина и плоскость сказки напомнили мне чтение в некотором царстве, к некотором государстве и в некоторой Императорской Публичной Библиотеке. Она войдет во вторую часть, то-есть, сказка, а не библиотека, des «Contes aux enfants de France». Баюкает он славно. Villeneuve прочел заключение похвального слова его недавно от оспы умершему Ласепеду, которое также напомнило мне некоторую Российскую Академию. Примечательнейшее в жизни и в смерти его то, что, когда Ласепед был академиком, у него было три рубашки; а когда его сделали президентом, то он сшил себе еще три. Сим заключил автор панегирик и доказал, что предок его был родственник славному другу бедных, St.-Vincent de Paul. M-r Vienuet прочел песнь из «Филиппиды», поэмы в стихах. Ни хорошо, ни худо, но есть описание сражений и пожара блистательное. Сбирались читать главу из романа, но время не позволило, и принялись за музыку, от которой я, однако ж ушел в Palais Royal обедать.

Спросите у Ив. Ив. Дмитриева, какой портрет ему нужен? Я бы постарался прислать, хотя возможность отправления и редко случается. Здесь беспрестанно выходят новые портреты: теперь в моде гантского депутата. Поздравьте вдовушку-невесту, если дело уже в шляпе, да, пожалуйста, пишите ко мне чаще. Если случай будет, то пришлю вам и продолжение процесса contre le «Constitutionnel» и другой contre le «Courrier», который, как полагают, не так легко отшутится. Я сдружился с адвокатами, подписался на их газету. Между ними есть возникающие таланты; но они дети в сравнении с английскими говорунами.

1826.

698.

Тургенев князю Вяземскому

29-го марта. С.-Петербург.

Не думая еще ехать из Лондона, я получил от Шимановской для доставления в тебе письмо; до отъезда моего не мог отправить и взял с собою, но забыл в первые дни отправить его отсюда. Благодарю за твои три письма. Я все получил и на одно постараюсь отвечать при случае.

Карамзины едут в чужие края, но *как* – еще неизвестно. Жуковский, вероятно, также поедет к водам. По моему мнению, это для него необходимо. Я останусь круглою сиротою в Петербурге. Две книги послал к тебе с Воейковым, сыном того, что живет в доме князя Долгорукова, игрока: справься! Прости, мой милый! У княгини целую ручки.

Ни другой день приезда моего сюда узнал я, что Сев[ерин] послал князю Вас[илию] 3000; о четвертой тысяче не слыхал. В Париже трудно найти денег; я нашел 4000 на приезд сюда, но и то с трудом, посредством одного приятеля, в которому писать теперь *не должен* и ответа не получу. Один князь Ник[олай] Гагарин с деньгами; напишите к нему, объяснив средства и срок платежа: иначе вряд ли даст. Я не решился к нему обратиться, хотя он и хотел за меня поручиться. Князь Василий Гагарин, кажется, не мотает, да и нельзя: ему не до мотовства. Я уговаривал его и меньше книг посылать тебе, и не дорогих; например, на что тебе описание Парижа в 18-ти томах? Если обстоятельства наши поправятся, то я со временем куплю у тебя эту книгу. Еще мысль: напишите к графине Бобринской. Повторяю: я писать не должен, хотя они и они все ожидают моих писем о своих. Из Парижа не успел ничего почти взять с собою, кроме того, что попало в день отъезда в Palais-Royal. Оставил множество материалов там и в Лондоне. Но куда с ними? И здесь нашел библиотеку в подвале. Жаль мне себя! Путешествие могло сделать меня путным человеком. В первый раз вспомнил о себе и то думая о том, о котором еще и плакать не могу. Обнимаю нежно Жихарева. Письма, чай и деньги получил. Сюда вы не должны ездить. Простите, малые!

699.

Тургенев князю Вяземскому.

3-го мая. [Петербург]. № 1.

Письмо твое получил и отдал Карамзиным, которые также твое получили. Я писал уже к тебе чрез Жихарева, что Николай Михайлович едет на фрегате «Елена», который готов будет к 15-му мая или немного позже. Назначить времени отъезда нельзя; но им бы хотелось в конце мая или в начале июня, если тепло установится, и силы его несколько утвердятся. Но по сию пору он не подает большой надежды, чтобы так скоро силы его возвратились: какой-то род лихорадочки продолжается, и с кашлем выходит материя. Ему лучше с тех пор, как начал выезжать в карете, но в сем положении он не может еще пуститься в путь дальний, и Мюллер не говорит еще решительно, когда можно будет выехать из Петербурга. Май должен решить срок отъезда и самый отъезд, хотя Карамзины и не сомневаются в выезде и все продают, и все готовят. Не пишу к ним о моих сомнениях. Дети обрадовались твоему намерению провожать их, но Катерина Андреевна не сказала почти ни слова, когда я намекал ей об этом от себя, и думает, кажется, что тебе не надобно оставлять своих. Жуковский, так же, как и я, одобряет мысль твою, тем более, что им нужен бы был кто-нибудь в пути на всякий случай и кроме Тибо. Но этого без тебя решить нельзя. Приезжай сюда сам и реши. Приезжай, если можешь приехать, не расстраивая дел твоих. Сегодня переезжают они в Тавриду. Если Сергей мой не приедет, то ты можешь жить у меня; если приедет, то у них. Комнат во дворце множество. Здесь удобнее будет решить, можно ли тебе провожать их. На фрегате места довольно, и из Бордо он возвратится прямо сюда. Можно дать чувствовать другим (что и справедливо будет), что ты едешь для Карамзиных, как необходимый провожатый их. Все это устроится, когда здесь сам будешь. Жуковский уедет прежде. День отъезда его неизвестен. Сейчас иду к Штиглицу хлопотать об американском корабле для него. Завтра уведомлю, что. сделаю. О себе не говорю: я стараюсь поддерживать себя и забываться; но есть ночь и минуты, в которые невозможно рассеяние. Прости! О Сереже справься у Жихарева. Я не виноват, что он не получил бумаг Н[иколая]. Он переменил маршрут. Князь Ал[ексей] Щербатов давно уехал отсюда. Когда брат его приедет из Парижа, то скажи ему, что не отвечал потому, что *не мог*, а хлопотал по делам его.

700. Тургенев князю Вяземскому.

3-го мая. [Петербург]. № 2,

Воспользовавшись светлым утром и телесною крепостью Николая Михайловича, я говорил с ним о твоём желании провожать его. Он с удовольствием принял это. Мы рассуждали о средствах приступить к исполнению. Он думает, что ему надобно переговорить с капитаном корабля Епанчиным, который должен снестись с Моллером, а сей с государем. Опасается затруднения в последней инстанции; но я сказал Николаю Михайловичу, что надобно тебя предложить к поездке, как о необходимом провожатом для него и семейства. Эта мысль ему понравилась, и он исполнит ее. Катерина Андреевна также не противоречит. После того я виделся с чиновником Морского министерства, объяснил ему дело; он думает, что сам Моллер может разрешить твою поездку; обещал обо всем справиться и меня уведомить, а я письмо его покажу Николаю Михайловичу для убеждения. Во всяком случае тебе нужно объявить себя в газетах; но это можно будет сделать здесь, ибо только нужно полторы недели на публикацию. Прости! сегодня переедут в Тавриду, ибо погода хотя и свежая, но солнце блестит и греет.

На обороте: Его сиятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. В Москве, в Чернышевом переулке, в собственном доме.

701. Тургенев князю Вяземскому.

13-го мая. Утро. [Петербург].

Вчера получил письмо твое и читал его Карамзиным. Они с нетерпением тебя ожидают; да и я также и советую и прошу *спешить*, если это не расстроит снова твоего здоровья. Ты будешь жить у них во дворце, в большой комнате, с частию детей, окнами в сад. Пожалуйста, поспеши! И для меня здесь ты нужен будешь. Я получил и от Жуковского из Кронштадта несколько строк с завещанием; между прочим говорит и он: «Напиши от меня и от себя к Вяземскому, чтобы спешил в Петербург». Он вчера же, рано поутру, в девять часов, пустился из Кронштадта в открытое море. Калмык его, у меня служащий, провожал его глазами. Ветер был попутный. Провожая его на пароходе, я смотрел на него и на спасительное море с чувством неизъяснимым, но понятным. Не одного Жуковского вверил я ему.

Статью 52-го номера давно читал, и сердце отлегло несколько. Но каково находить в этом утешение!

Сейчас возвратился от Карамзина о был у него в спальней, в минуту его вставания с постели и одевания с помощью твердой, но беспокойной Катерины Андреевны. Потом виделся с Мюллером. Что сказать тебе? Приезжай! О средствах ехать с ними подумаем здесь: тут поспешность не нужна. В настоящем положении он выехать не может. От Бога зависит будущее. Прости, мой милый! Надеюсь скоро обнять тебя.

Кончина императрицы более тронула, нежели поразила его. Он говорил о ней с чувством умиления, по слабость спасла его от сильного потрясения. Прости!

702. Тургенев князю Вяземскому.

Суббота. [Конец мая. Петербург].

В записках же Сергея черновых о том, что прислать ему, стоит и твой портрет. Желал бы показать тебе все это, но когда и как? Что из русских книг взять с собою? Запиши и пришли записку. Если Бог устроит судьбу нашу, то мы долго не воротимся, а на чужбине и дым отечества приятен. Получил милое письмо от Свечиной. Молодая Бобринская умирает. Мать графа Бобринского ездила с ней из Парижа в Женеву.

Если будешь писать к брату в*ь Дрезден, то пиши о себе, о Карамзиных и дай ему подробное описание, как они переносят свое несчастье и как умирал незабвенный. Успокой его и насчет брата Николая, сказав, что не так дурно кончится, как предполагали; в общих выражениях, что надобно еще лучшего ожидать от будущего, в коем слабеют предубеждения, и виновность уменьшается. Нужно, чтобы его душа была спокойнее. Опасаюсь действия печатных бумаг и окончания суда.

703.

Тургенев княгине В. Ф. Вяземской.

Le 14 juin. St.-Pétersbourg.

Je vous envoie une lettre de Wiazemsky. Il est parti avec les Karâmsine hier à quatre heures après midi. Je les ai accompagné jusqu'à la porte de la ville. Mercredi ils pourront être à Reval. Je suis resté seul ici, et Pétersbourg pour moi est pire qu'un désert, car on ne voit personne sans un deuil et je vois ici tant de monde qui me rappelle mou malheur.

Je vous enverrai les étoffes par la première poste et par la première occasion sûre. Adieu! Que Dieu vous conserve ainsi seule.

Votre A. T.

На обороте: еѣ сиятельству княгине Вере Федоровне Вяземской.

704. Князь Вяземский Тургеневу.

10-го июля. [Москва].

Твои вчерашния письма сильно огорчили нас, любезный друг. Не разгадываю их тайны, но догадываюсь. Повторяю одно: в жизни должно ценить и хорошее, и худое по сравнению. В самом горе найдешь ты побуждения к утешению, и многие должны еще завидовать тебе. Не романизируй в своей печали. Мы все изгнанники и на родине. Кто из нас более или менее не пария? А лучше же быть парией под солнцем, чем под дождем и снегом.

Жаль мне, что на такую разлуку не удастся мне проститься с тобою, и не мог я быть при тебе. Был сердцем и помышлениями, а иногда и досадою, что ты на прозаическую беду смотришь поэтическими глазами. Надобно иметь для всего свое мерило, а не общее. Как наш академик – не академик. и так далее, так и то, что сокрушает тебя, было бы истинным бедствием не у нас, а где-нибудь в иде. Успокойся духом; радоваться нечему, но цени, я сказал бы, свое неудовольствие, но ты скажешь: свое несчастье, по цене его существенной, а не вымышленной, не придаточной. Такое несчастье – ассигнация: оно имеет ход дома, но за границами теряет всю свою цену и делается белою бумагою.

Пуще всего, застань брата Сергея здоровым; соединитесь вместе, и жизнь может вам принести еще несколько вкусных плодов. Плодов волшебных ждать уже нечего: пора их прошла. Драконы существенности поели все гесперидские яблоки нашей старины, и мы остаемся при одном яблоке, початом Евою, и, которого по сию пору не переварил еще желудок человеческого рода.

Встретишься ли ты где-нибудь с Жуковским? Обойми его сердечно за меня. Как и куда писать ему? Я все поджидаю письма, которое он, вероятно, напишет к Карамзиным. Надолго ли он поехал?

Соберемся ли опять когда-нибудь вместе до общего сборного места? Но и тут радость встречи помрачится печалью поминок. Уж, я думаю, лучше не встречаться! Как мало единства, полноты во всех наших жизнях по одиночке и в товариществе! Мы все прожили и живем кое-как, клочками, урывками: нет общего центра. Посмотришь, в других землях в другие времена все были лучи одного светлого круга. Мы все разбросаны, и как жиды держимся только одною внутреннею верою, темными преданиями и каким-то чужестранством, чужезычием в толпе, которая нас только что терпит; впрочем, вероятно, от того, что мы ее терпеть не можем.

Прощай, мой странствующий жид и брат по обрезанию! Желал бы где-нибудь и когда-нибудь встретить тебя, хотя прежде и отказывался от встречи, хотя и не на иорданских берегах, а где поближе: на берегах Сены или Темзы. Обними братьев за меня, когда соединишься. Я не писал, потому что писать было нечего, да и не на чем. при случае и в добрый или нужный час не откажусь. Прощай, любезный друг! Пускай целебный воздух, спокойствие и время замечать раны твоего сердца.

Люби и помни навсегда и всею душою тебе преданного Вяземского,

Притиска Е. Н. Карамзиной.

C'est du fond de mon coeur que je répète les vœux, que mon oncle forme ici, et quand tant de coeurs, pleins de vive et de sincère affection pour vous les adressent au ciel, cher monsieur Tourgueneff, espérant qu'ils seront exaucés, et qu'après toutes les épreuves que vous avez subies pendant votre séjour a Paris, vous goûterez encore de bien douces jouissances: une fois réuni à vos frères, éloignez le passé, ne fut ce que pour quelques instants, et donnez-vous tout entier au bonheur du revoir sur cette terre! C'en est un bien grand! Nous qui l'avons perdu, nous pouvons vous le dire.

Adieu, cher et bon monsieur Tourgueneff, en oubliant vos peines (si vous le pouvez) pensez toujours à celles qui les partagent sincèrement et qui sont impatientes de vous savoir plus tranquille, plus heureux. C. Karamsin.

705.
Тургенев князю Вяземскому.

26-го июля. [Петербург].

Не могу найти Норова; и сундук, и пакетец твои еще у меня. Где он? О колясках сегодня велю выправиться. Журналов оставить у тебя не могу. В них документы для моего журнала, в котором беспрестанные на них ссылки; ибо они заключают все время моего пребывания в Париже и Лондоне. Отошли их к Жихареву. Может быть возьму их и с собою, ибо собрать их и в Париже невозможно. А кто знает, может быть и я еще оживу для прошедшего. Пожалуйста, не затеряй! Прочти и скорее пришли!

Прости! Что-то не можется и писать нет духа. Пусть Жихарев сам пишет к тебе о деле твоём касательно выдачи денег на строение дома в Москве. Пиши к Сереже и к Николаю. Я в последнему не писал ровно месяц.

1827.

706.

Тургенев князю Вяземскому.

10-го марта 1827 г. Дрезден.

Письмо твое от 6-го января получил, но без приложений; они пришлются после. Я давно начал к тебе письмо, которое могло служить оправданием на твой, впрочем справедливый, упрек в безмолвии нашем о Карамзине. Я написал защиту его, против лейпцигского рецензента восьми частей немецкого перевода «Истории Государства Российского», в котором переводчик сделал анахронизм восьми столетий. Рецензент приписал оный автору. Я доказал по оригиналу, что соврал переводчик, но что историограф не только не мог ошибиться так грубо, но и с величайшею подробностью объяснил эпоху, в незнании коей его обвиняют. Отвечал и на некоторые другие замечания рецензента. Хотел дослать все в немецкую «Литературную газету», но, получив твое письмо, передумал, желая напечатать ответ мой прежде у тебя. С тех пор – горе и хлопоты и беспокойство от неполучения ни строки от Жихарева, о коем не знаю даже приехал ли в Петербург, ибо только от Федора Дмитриевича получил письмо о его выезде из Москвы. Сережино положение лишает меня духа заниматься серьезно чем либо иным, кроме моего несчастья. Беспокойство мое менее за Сережу, нежели за Николая, который, в счастии, ни о чем не знает. Недель через пять отсюда выедем, вероятно вместе с Жуковским, на Лейпциг в Париж; оттуда еще не знаю куда, но постараемся укрыться от жаров и не быть в уединении, которое без Жуковского будет опасно. Его присутствие для нас благотельно; без него одному мне тяжело будет. Поблагодари милую княгиню за письмо её к Пушкиной. Я всегда знал и чувствовал, что вы меня любите; по новое уверение всегда как-то приятно, а в моем положении и утешительно. Напрасно пеняет за письма: разве то, что пишу и посылаю к Жихареву не для вас так же, как и для него? У меня давно и для княгини книжки, но посылаю только возможное. И теперь разделил на два пакетца: в одном это письмо и две тетрадки, в другом два тома Огинского, из коего много можно взять для журнала. С твоею оказиею пришлю для детей того же автора, что послал к Жихареву.

Близь Голицын получил вчера письмо от князя Василия Гагарина из Италии. Мое письмо везет граф Хвостов. Не знаю, все ли возьмет и не смею и не могу теперь послать, ибо *вчера* написано, с попутчиком, хотя бы и кстати было, письма на рецензию немецкую; пришлю после, выкинув ученость, неуместную для русского журнала; для немецкого – иное дело! Но имени нигде не должно быть.

Сию минуту прочел в «Morning Chronicle», от 27-го февраля, статью, которую бы желал целиком перенести для тебя. Выписываю существенное; употреби в дело, если не поздно будет. Наконец Вальтер Скотт объявил себя автором своих сочинений, единственным – «total and undivided author» – в статье «Утренней Хроники»: «Interesting theatrical diuner», под особым заглавием: «Public avowal by sir Walter Scott of being author of the Waverley Novels». Известие сие взято сокращенным образом из «Эдинбургской Газеты», но и в сокращении оно занимает полторы колонны длинной английской газеты. Все происходило за первым годичным обедом эдинбургского театрального фонда, то-есть, вероятно, суммы, на которую содержится эдинбургский театр. Walter Scott председательствовал за обедом, то-есть, был Chairman, который обыкновенно для возглашения тостов (здоровья) выбирается на весь обед. Это называется быть на кафедре, to be in the chaire. The cloth being removed, то-есть,

когда скатерть со стола снята, и дамы удаляются, а остается на столе одно вино и рюмки, и за *самою полною* чашею, так как предложил Walter Scott, восхвалял он драматическое искусство. По словам Walter Scott'a оно было первым наслаждением его детства, и любовь к сему искусству росла вместе с ним, and even in the decline of life, nothing amused so much as when a common tale is well told. Walter Scott пробежал вкратце в речи своей историю драматического искусства у древних и новейших народов; осуждал века, в которые оно было презираемо и в гонении, даже и от законодателей; но это, по его мнению, было тогда же, когда и духовенству запрещено было жениться, а мирянам читать Библию. Упомянул о каждой блистательной для театра эпохе, в особенности и о том, чем и кем каждая отличалась, и кончил тостом за «theatrical found». Гости (convives) отвечали троекратным и трижды повторенным криком: «With three times three!» Когда присутствовавший за сим же обедом лорд Meadowbank, желая отплатить Вальтер Скотту за тост в честь театральной компании, провозгласил здоровье «of the great unknown», как обыкновенно Свотта называют, он сказал в речи своей между прочим, что он предлагает тост «for the great unknown, the mighty magician, the minstrel of our country (в сию минуту восклицания и ашлийское ура огласили всю залу) who had conjured up not the fancies of departed ages, but realities», и кто «now stands revealed before the eyes and affections of his country». Вальтер Скотт отвечал ему и между прочим сказал:

«He was now before the bar of his country, and might lie understood to be on trial before lord Meadowbank as an offender; yet he was sure, that every impartial jury would bring in a verdict of not proven. He did not now necessary to enter into the reasons of his long silence. Perhaps he might have acted from caprice. He had now to say, however, that the merits of these works, if they had any, and their faults, were entirely imputable to himself (long and loud cheering). He was afraid to think on what he had done; «Look on't again, I dare not».

«He had thus far unburdened himself, and he knew that it would be reported to the public. He meant, when he said, that he was the author, that he was the total and undivided author. With the exception of quotations, there was not a single word that was not derived from himself, or suggested in the course of his reading. The wand was now broken, and the rod buried», – все это слова Вальтер Скотта. Теперь будут его называть и провозгласили: *The great known*. Вели себе изъяснить выражения: trial (допрос пред судом), not proven и т. п., и цитату: *Look on't* и т. д. и переведи хорошенько. Жалею, что не успел более выписать.

Узнав, что граф Хвостов поедет отсюда на долгих или, по крайней мере, долго пробудет в дорогах, пошлю письмо по почте, а книжки с ним. Жаль, что не вместе, ибо брошюра о Тальме и афишка и билет, приглашающий тебя в благотворительный здешний спектакль, было бы кстати к обеду театральной компании.

У меня было много проектов писем к тебе; например, о лекции Гассе, с посылкою целой лекции о следствиях христианской религии и о вступлении из древней в новую историю. Перепишу и пришлю с оказией; но ответ на рецензию занял меня, а горе и беспокойство отвлекли и от него. На свет Божий, который у нас опять расцвел, смотреть не хочется. Описал бы и пари здешних модников. Один бился об заклад, что проедет час по улицам в саних (NB у нас лето или весна) с помпою зимнею, но пробил. Другой, первый дрезденский fashionable, барон Мальцан, бился за сто луидоров, что один месяц и один день будет ходить *всюду* в розовом платье, в розовых сапогах и в розовой шляпе или какого другого цвета по назначению противной стороны. Завтра выезжает в свет в сем наряде, но жена его, англичанка, не очень довольна сим нарядом. Будет на всех вечеринках и у себя всех принимать в сем наряде, и даже шлафрок розовый. Все наряды его на счет другой партии, если он условленное время выносит, не надевая ни платка другого цвета.

Сережа хотел написать для тебя статью о Вальтер Скотте; начал, но не успел кончить и приложит к книгам. Голова его еще слаба. Не могу смотреть и думать о нем без тяжелой

грусти. Один он меня беспокоит за будущее; в другом отношении спокоен, как- *праведник*. Верьте мне, я спокоен, и вы бы были на моем месте. Но чем возвратят нам здоровье?

Уведомьте поскорее о Жихареве. Для дел это великую разницу нам составляет; но об этом я не думаю, лишь бы он был здоров. Не постигаю его молчания. Дай ему знать о моем беспокойстве и скажи, что и от княгини Репниной ни слова, а деньги её нужны тому, у кого она заняла их и в какое время: неаккуратность!

Книги вытребуй от Булгакова. Я все посылаю на твое имя, надписав твое имя на книгах, а на пакете его адрес. Напиши я к Карамзиным. Почему не пишу к ним? Грустно, но думаю о них беспрестанно. Пусть прочтут мою любовь с ним и к незабвенному в моем ответе на рецензию. В какие минуты я думал о его исторической безгрешности: когда вся душа паполнена была страхом, и я трепетал не за себя, не получая долго ни откуда писем и по сию пору от Жихарева. Простите! Кланяйся И. И. Дмитриеву.

Брат не посылает своей статьи, ибо не успел кончить ее. Жуковский здоров, но теперь занят, Батюшкову не лучше. В морозы наши было ему хуже. Пушкина будет отвечать сама. Попроси Карамзиных, чтобы писали ко мне. Обнимаю тебя, княгиню и детей. Дайте знать обо мне Жихареву и о моем мучительном беспокойстве, а чрез них и Нефедьевой. Давно ни от кого ни слова; только парижские приятельницы не забывают меня. Дайте знать Жихареву, когда выезжаем из Дрездена: через пять недель. Напишу ему о присылке денег может быть прямо в Париж, если прежде ничего не получу от него. Граф Хвостов не взял Огинского, а только брошюры.

Выпишу еще, что успею, из статьи о Вальтер Скотте. После тоста первого, в честь короля и второго, герцогу Кларенскому, the chairman Walter Scott предложил тост оплакиваемому всеми Йоркскому герцогу, «which he wished to be drank in solemn silence»; он уделял досуг свой театру; в память его выпито в торжественном молчании. Потом уже Walter Scott предложил: «That gentleman would fill a bumper as full as it would hold», и тут говорил о театре во все времена. Pendant к сей речи можно разве найти в прологе Шиллера, напечатанном перед «Валленштейном», об искусстве мимики и в предисловии Тальмы к Левеню. Лорд Meadowbank, в исчислении заслуг «Walter Scott'a, сказал: «It has been left for him by his writings to give his country an imperishable name. He had done more for his country by illuminating his aims, by illustrating the deeds of its warriors and statesmen, than any man that ever existed or was produced, within its territory. He has opened up the peculiar beauties of this country to the eyes of foreigners. He has exhibited the deeds of those patriots and statesmen, to whom we owe» etc.

Не знаю, разберешь ли все, что я в заключении письма выписал о Вальтер Скотте в пополнение статьи; но все это русские могут, должны сказать о Карамзине, и я сказал.

На обороте: A monsieur, monsieur le prince Pierre Wiazemsky, à Moscou (Russie). Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. В Москве, в Чернышевом переулке, в собственном доме.

707.

Тургенев князю Вяземскому.

[Конец марта] 1827 г. Дрезден.

«Наконец и ты прав, Вяземский, и негодование твоё справедливо. Вот уже скоро год, как не стало Карамзина, и никто не напомнил русским, чем он был для них. Журналисты наши, исчислив кратко, впрочем не безошибочно, труды его и лета жизни, возвестив России, что наставника, деписателя, мудреца её не стало, исполнили долг современных неврологов, но не умели или не хотели воспользоваться правом своим возбуждать народное внимание, народное чувство к важным событиям в государстве. Конечно, в числе особенностей нашей словесности можно поставить и судьбу её преобразователя, единственного полного представителя не нашего, как ты полагаешь, но европейского просвещения в России, соединенного в нем с познанием всего отечественного, с познанием, коему можно уподобить только одну любовь его к отечеству. И сей великий сын России, любивший судьбу её и в первом мерцании нашей славы воинской при Игоре и Святославе, и в годину искушения при Ольговичах и татарах, и в эпоху внутренних преобразований при Годунове и Петре, и в лучезарный век Екатерины и Александра, и, наконец, умиравший с любовью в сердце и с верою в будущее постепенное возрождение империи, Карамзин не имеет еще ценителя ни главного труда его, ни других, бессмертных его заслуг, оказанных России и языку её. По сию пору один государь, представитель народной благодарности, указал Карамзину место его в храме славы и бессмертия. Между тем как во Франции часть населения Парижа подвиглась на погребение генерала-оратора; в Англии, в журналах оппозиции и министерских, ежедневно извещают публику (письмо сие писано во время болезни Каннинга) об успехах выздоровления министра, у нас кто толпился за гробом Карамзина по пустынным улицам Петербурга? Кто по сию пору прервал гробовое о нем молчание? Кто из нас положил цветок на уединенную могилу его? Мы, жившие его жизнью, страдавшие его страданиями, мы, одолженные ему лучшими благами души и сердца, что мы сделали? Опустили его в могилу, бросили горсть земли на землю его и смолили, как умершие. Ты обвинял меня в бездействии в самое то время, когда я собирался послать в немецкия ученые ведомости написанное мною возражение на одну рецензию, в «Лейпцигской ученой газете» напечатанную, в которой Карамзина хвалили за его «Историю» и хулили за *чужия* ошибки. Жалею о Карамзине и о друзьях славы его, что не им, а мне досталось защищать его. Уступил бы им охотно и *суму крохобора* и остался бы при единственном сокровище, которого у меня, как у Карамзина славы, никто не отнимет: остался бы при моей любви к его памяти, при моей к нему благодарности, при воспоминании о последней, тихой минуте его жизни...»

5-го мая. Лейпциг.

По сии точки ты можешь напечатать письмо мое, которое написано давно, в Дрездене, в минуты, в которые я в силах был опомниться в моем положении. Самую рецензию или ответ на рецензию и пришлю тебе с Скуратовым, а если не успею, то из Парижа. Теперь не в силах и не имею минуты свободной. И душа, и сердце страдают при виде Сережи и при мысли о другом. Но пришлю непременно, и тогда напечатай все с письмом моим к тебе. Часть моего возражения переводится теперь на немецкий и, вероятно, здесь напечатается. И письмо, и рецензия были пространны, но Жуковский в письме вымарал все выпалки на лужницких выходцов и все Карамзина недостойное. Да святится память его и в каждом движении пагаего сердца, и в каждой строке о нем! Чем иным можем доказать нашу любовь к нему, как не жизнью, его достойною, как не чувствами, подобными тем, кои сам питал он и к друзьям, и к недругам, ненавидя порок, но любя и прощая всех.

Жуковский, прочитав эти строки, велел тебе сказать, что он написал бы к тебе то же и просит принять это мнение от нас обоих. Это товарищество легко поможет забыть злобные насмешки и критику, которые отбросил я, по желанию товарища в любви к Карамзину и в дружбе к тебе, в счастии и в несчастьи моей жизни, товарища в нежных попечениях о брате, который теперь сидит подле меня, но без участия в излияниях сердца, ибо всякое движение души ему опасно. Мы все почти должны скрывать от него, даже и то, что могло бы его живо обрадовать. Прости! Я не могу ни о чем ином ни думать, ни писать. Обними жену и детей и кланяйся всем, кто нас вспомнит.

Сказывают или, лучше сказать, писали в Дрезден, что ты много пустого, незначащего напечатал из писем моих и поставил: Э. А. Из Петербурга писали, что это значит «Эолова Арфа». Печатай только то, что достойно печати, а не всякий вздор.

Если бы Уваров, вопреки моему совету, не употребил во зло некогда эпитафия к его брошюре о Моро: *Intaminatis fulget, honoribus*, то хорошо бы его поставить к жизни Карамзина. О Моро именно нельзя и неловко сказать *intaminatis*, ибо он запятнал себя своею кровью, французским ядром пролитою, а Карамзин жил чистою, единственною в России жизнью и умер, как жил.

7-го мая. Лейпциг.

Выписываю для тебя совет, который мне писали из Лейпцига, когда я сообщил твое требование от меня записок о Карамзине. Может употребить его в пользу, ибо я, в заботах дорожных и в хлопотах о братьях, не могу им теперь воспользоваться, хотя бы и хотел. Знаю книгу Босвелля о Джонсоне и точно думаю, что в сем роде и о Карамзине *нам* написать можно.

«Знаете ли вы книгу Босвелля (Bosswell) о Джонсоне? Это весьма известная книга, и, конечно, самая лучшая из всех биографий, Босвелль был несколько лет приятелем Джонсона; записывал все, что он говорил о различных предметах, так что книга представляет теперь, кроме множества, весьма умных, замечательных рассуждений, разговоров, кроме полного изображения характера Джонсона, также и характер времени, в которое они жили. Эту книгу желал бы я дать теперь в руки всем приятелям Карамзина. Едва ли кто-либо вел постоянный журнал разговоров Карамзина, но многое может быть сохранено: один вспомнит одно, другой другое. Память Блудова будет тут очень полезна. Я не вижу иного средства передать потомству что-либо о Карамзине, достойное Карамзина. Биографии порядочной никто у нас написать не в состоянии; да и что лучше такой Босвеллевской, живой биографии? Не знаю, почему Вяземский называет Карамзина представителем нашего времени в России?..» Пользуйся советом, но не печатай его.

Вчера получено здесь известие о кончине короля Саксонского. Здесь начинается ярмарка. Все в движении, и я ни на одном лице и ни на одном кафтане не заметил траура. Все гуляет и толкует о торговле по прежнему. Читают холодный манифест нового короля Антона и отходят, не почтив ни вздохом, ни словом память усопшего, 58 лет управлявшего мудро Саксонией и в бурное время Семилетней войны ее сохранившего, и утраты 1814 года перенесшего с христианскою твердостью. Старший из королей, и пример царственной мудрости! Не смотря на строгий католицизм свой, он духом и делом наблюдал терпимость, и его *Schwanusgesang* было постановление о правах взаимных католического и протестантского исповеданий, изданное в прошедшем месяце, как бы в предчувствие близкой смерти и опасаясь, может быть, что фанатизм брата его Антона и духовника его не позволит обеспечить протестантов государственным актом в правах их, коих равенство с правами католиков утверждено окончательно Венским конгрессом. Прежде протестанты имели гораздо более прав, и католическая придворная церковь, не смотря на исповедание королем католической религии, не имела колоколов до 1807 или 1808 года. Я читал акт, в прошедшем месяце изданный, и нашел в нем постановление, единственное в своем роде в европейских законодатель-

ствах. вероятно, и другие государства последуют оному. Честь и королю, и венец бессмертия в том мире, и честь министру его, графу Эйнзиделю и моему безногому приятелю, редактору Титману. Мне грустно видеть равнодушие здешних немцев к смерти короля их. Директор театра поскакал вчера в Дрезден хлопотать о позволении продолжать спектакль, ибо с каждым вечером, по случаю ярмарки, ему от закрытия театра 800 талеров убытка. Горные или заводские музыканты и другие ходячие кудесники и разносчики народных увеселений приуныли и без куска хлеба. Музыка везде и за столом в трактирах, и у африканских пришельцов: львов, тигров, обезьян и прочих смолкла. Один *Fido-savant*, собака, продолжает играть в карты и читать по складам немецким и итальянским, но народ гуляет по валу, и купцы торгуют по прежнему.

Манифест мне не понравился. Антон ни слова не сказал о 58-летнем благотворительном царствовании брата своего и ни слова о горести народной; не обещает царствовать в духе брата – по правилам мудрой терпимости и строгой экономии государственной. Это бы утешило или успокоило народ. Новый король говорит, что впредь до усмотрения остается все по прежнему в присутственных местах и во всем управлении, как бы намекая, что после предпримет перемены и нововведения. А мудрость усопшего в том более и состояла, что он хранил старые уставы, приступал к переменам осторожно и не спешил коверкать старое, а исправлял, совершенствовал. И в самом законодательстве, чувствуя нужду в исправлении, в пополнении оно, шел осторожно; покупал законодателей и поручал рассмотрение новых проектов людям испытанного благоразумия и просвещенным. Два законника, Стюбель и Титман, с коими я в Дрездене коротко познакомился, трудящиеся над проектами уголовных законов, весьма несовершенных и устаревших в Саксонии, уверяли меня, что нельзя быть благоразумнее, благонамереннее и более готову на все доброе и полезное, как был король. Ave, sancta anima! Девизом его была невинность и надежда, и символом *надежды в невинности* избрал он два цвета для герба государственного: белый в зеленом, после раздробления 1815 года. Кстати о гербе. Единственный акт, коим король Антон ознаменовал первый день правления в своем манифесте, есть объявление в оном, что государственная печать остается та же, пока новая не сделается.

Посылаю тебе *листик из здешней газеты*, вчера вышедшей. Каково приноровление черной розы на платьях к розам садовым! Если бы и дочь короля, от чего, Боже, сохрани, скончалась, то и тогда. о росе думать не время. А король? Er ist schon längst eutblättert... и годами, и Венским конгрессом! Говорят, что непосредственный по закону наследник Антона, второй брат короля умершего, Максимилиан, откажется от престола в пользу сына своего Фридриха. Мы познакомились с обоими сыновьями его, Фридрихом и Иоанном, и обедали у последнего в Дрездене. Оба нам очень понравились умом и образованностью своею. Оба служат в важных государственных местах и деятельно, и занятия государственной службы не мешают им заниматься литературой, сочинять стихи и искусствами. Супруга Иоанна – милая, умная женщина, сестра умного короля Баварского. Престол не без надежды, ибо скипетр должен перейти к Фридриху, и братья очень дружны. Я знал профессора, который занимался с ними юриспруденциею и прошел полный курс оной. Кстати о королях. Мне не удалось видеть полковника Густавсона, живущего здесь в бедном загородном трактире «Die golden Sage» («Золотая Пила») и ежедневно там же и обедающим за шесть грошей в день, в бедном платье и без слуги, но с усами и с физиогномией Карла XII. Северный король приехал сюда на козлах дилижанса и отморозил себе пальцы. Жуковский видел его читающего. «Лейпцигскую газету». Желая войти с ним в разговор, он попросил у него газету. Отставной король подал ему ее, но Жуковский спросил его, не нужна ли ему она? Он отвечал сухо: «Если бы она мне нужна была, то я бы вам ее не дал», и этим прекратил разговор. У него остался капитал, составляющий все его достояние, с коего получает он 700 или 800 талеров в год, и в том весь доход его. Он никого не видит, кроме живущих в трактире, за столом. Во

время ярмарки редко сходит в общую комнату из своей, во втором этаже, и иногда встречаются его на валу городском. Странно, что там, где решилась судьба Густава-Адольфа и Германии, там пришлось влачить жизнь другому Шведскому королю, и как! Не знаю, бывает ли он близ Люцена?

Сегодня Сережа спал ночь хорошо. Сердце отлегло, и я расписался, по прошу не печатать меня, а если хочешь, то составляй свои статьи о том, что пишу.

Я посылаю отсюда чрез Скуратова первое замечание на объявление о переводе Карамзинской «Истории». Других не успею послать. Напечатай, если желаешь, с чернового моего brouillon. Поправьте в слог, что хотите. Посылаю и немецкую газету, на которую пишу. Другие примечания будут на замечания рецензента о Винете. Сущность в том, что Карамзин не мог знать сомнений немецких критиков об историческом бытии Винеты, ибо сии сомнения начались с Румором, в 1816 году изданном, когда и Карамзин писал и печатал свою «Историю». Прежде никто не сомневался в существовании Винеты, и Иоанн Миллер блистательно описал её падение и поглощение развалин её волнами морскими. Постарайся, чтобы не знали автора сих замечаний, ибо мне не до авторской славы, и если бы я печатал с именем, то писал бы иначе. Посылаю тебе еще несколько номеров «Blätter für litterarische Unterhaltung». Отсюда можешь брать многое для журнала, а меня щади. Я хотел послать к тебе два тома Мартенса (молодого), печатающихся у Брокгаузена, актов дипломатических: «Causes célèbres du droit des gens», rédigées par le baron Charles de Martens, 2 vol., gr. 8®, Leipzig, но еще не отпечатано. Я видел в листах, в типографии Брокгаузена, и нашел то, что ожидал, то-есть, редкое и любопытное собрание актов дипломатических дяди его, бывшего нашего профессора Мартенса в Гёттингене и раштадтского негоциатора. Постарайся достать эту книгу, ибо, вероятно, запрещена не будет, и выбери из неё все, что относится до России, например, акты о Матвееве в Лондоне и прочее. Ты первый можешь познакомить и нашу публику, и наших молодых дипломатов, а может быть и старых, с сею полезною компиляциею. Племянник Мартенс щетится оборышами после дяди, но собрание его любопытно по многим отношениям.

Переписка Гёте с Шиллером, объявленная в лейпцигском каталоге, еще не вышла, а переписка германского Платона-Якоби, в двух частях, с первыми литераторами и философами Германии, слишком толста для посылки. Не худо из неё выбирать письма для журнала: есть прелестные. Вся жизнь, нравственная и умственная, немцев отражается в сих двух томах. В Париже вышли «Les veillées russes», новый сбор и переводы отрывками из вас всех.

С вами ли Карамзины или еще в дороге или в деревне? Мысленно и всею душою обнимаю их. Скажите им все, что о нас знаете. Прошу их писать со мне в Париж или в Эмс. Жуковский везет им цветов Арнольда, а в Париже отыщет и краски. Не проходит дня, в который я бы о них не думал. Вчера оно приснились мне, и мне не хотелось расстаться с мечтою, но ни они, ни сон, не возвратились, и я удовольствовался снова одним воспоминанием страшного прошедшего года. Страшусь подумать об эпохе свидания! Где, как найду их, когда? Андрюшу и всю малую братию целую нежно и братски. Милую твою княгиню благодарю за воспоминание, а княжен ваших и богатыря Павла прошу не забывать их старого друга. Жалею о Веневитинове. Из тетрадей и книжек твоих еще ничего не получал. Может быть, в Париж легче будет прислать из Петербурга. Знайте, что в конце июня, нового стиля, мы уже в Эмсе. Здесь удалось услышать, хоть по-гречески, «Христос воскрес». Сегодня приезжают сюда русские из Дрездена: граф Головкин, княгиня Голицына (Суворова), которая все просит тебе о чем-то напомнить. Офросимовы были и, нагруженные товарами, возвратились родить в Дрезден, а оттуда в Карлсбад.

И дым отечества приятен!

Пушкина пишет нам, что Батюшкову гораздо лучше, и он спокойнее. Кланяйся И. И. Дмитриеву и скажи, что я вспомнил его в жилище Геллерта и гуляя по цветущим садам Лейпцига и его окрестностей. Мы живем в саду Рейхеля, окруженные более нежели шестью тысячами вишневых деревьев, яблонями, грушами, и все в цвету и благоухает! Не будучи эгоистом, для меня плодовые деревья нравятся и... надеждою.

Un parterre me plaît lorsque mon oeil surpris
Y peut entre les fleurs découvrir-quelques fruits.

При случае пошлите это письмо Козлову одному. Не успею отвечать ему.

8-го мая.

Может быть, удастся послать тебе и манифест нового и биографическую статью о старом короле, но короли на ум не идут: брат опять провел худо ночь. Я послал вчера в Дрезден к Скуратову книги и начало замечаний о Карамзине. Не успел ни выправить, ни сократить. Не знаю, разберете ли. Остальные пришлю из Парижа, если болезнь брата позволит.

Милый Жихарев, отошли книги отмеченные к Дяд.; остальные сохрани для меня и отдай нужные Вяземскому; книжки Линднера сохрани: это истинный мудрец в христианстве, глубокого ума и глубоких сведений с простотою евангельскою; не скрывает света, по действует, им озаряемый, как педагог и профессор; за то здешние книжники и фарисеи лишили его кафедры в гимназии и привязались к тому, что он проповедывал любящим его детям слово Христа: «Оставьте отца и мать и по мне идите». Это не понравилось. Вы видите, что и в просвещенной Саксонии не без греха! Я был некогда, по должности, в сношении с Линднером, но и не подозревал в нем того мудреца-христианина, которого нашел и беседою коего наслаждался в уютном садике, где он окружен цветами и ульями. Улыбка его значительная, и вся физиономия выражает добродушие с глубокомыслием и тонкою проницательностью. Ясность в идеях и в выражении оных необыкновенная; оттого и дети его любят и понимают, и профессора, философы, разумеется беспристрастные, находят его глубоко-мысленным. Это человек по моему сердцу: скромн, но говорит охотно и свободно.

Сию минуту получил письмо от Пушкиной. Крейсиг, наш доктор, ухаживая за королем и осиротевшею королевою, и сам занемог опасно и не может отвечать мне на здешнюю консультацию. Что будет – не знаю.

708. Князь Вяземский Тургеневу.

10-го мая. [Москва].

Посылаю вам, милые мои парижане, русского и турецкого гостинца: «Ces deux mots ne hurlent pas de se trouver ensemble»; хотел послать и китайского кстати, но боялся обременить мою коммиссионерку. На днях послал я вам через наше министерство и «Цыганов» при письме. Получили ли вы? Получаете ли исправно журналы? Я вчера получил от вас листов «Conversations-Lexicon» и воспользуюсь им с благодарностью. Не грешно ли тебе, Арфа, ленивая Марфа, не прислать мне ответа немецкому журналисту? Долго ли переписать, а для меня клад.

Булгарин издал свои творения с посвящением *читающей русской публике в знак уважения и признательности*. Какая глупость и наглость! Для кого же пишет автор, как не для читающей публики? К чему же эта особенность для Булгарина? Что за книга Ancelot? Пускай поколотит его Жуковский. Простите, некогда более писать. Обнимаю вас всех, моих милых. Мое сердечное почтение Светиной. Посылаю два фунта.

На обороте: Жуковскому или Александру Тургеневу, в местечке Париже.

709.

Князь Вяземский Тургеневу.

6-го июня 1827 г., Остафьево.

Давно ли ты в переписке с Булгариным? А то кто, кроме его, мог написать тебе, что *я много пустого, незначащего напечатал из твоих писем*. Правда, что я под извлечениями подписываю Э. А., как и я сам под некоторыми своими статьями подписываю Ас. Но кто же не узнал бы тебя и без подписи из знающих тебя и русскую грамоту? А прочий генералитет и с этими буквами не разгадает. Извлечения из твоих писем всеми приемлются с отменным одобрением. Привожу тебе свидетельство «Московского Вестника», который назвал их *истинно европейскими*, Дмитриева, Александра Пушкина. Вот что Плетнев писал мне на днях о том: «Поверите ли, что, взявши новый номер «Телеграфа», я стараюсь остаться долее один и, перебирая листы, чувствую, будто я по старому провожу вечер то у Жуковского, то у Козлова, где всегда встречал дрезденскую Эолову Арфу. Как занимательны его к вам письма! Вот, кто бы у нас мог быть истинно европейским литератором!» Да за что же и меня считаешь ты уже таким пошлым дураком или бессовестным Воейковым? Пойду ли я кормить журнал твоею *пудретою*! Уж не криво ли ты перетолковал слова Жихарева, который просил тебя ему особенно писать по делам вашим, а мне особенно по делам европейским, а не все перемешивая одно с другим, так что мы хоть драться за твои письма, как за чересполосное владение. Сделай милость, верь мне и не слушайся петербургских сплетней. Говорю искренно, а не из журнальных барышей: письма твои были бы замечательны везде, а не только у нас, где понятия, литература с компанией, все еще азбучно. Нет мне счастья с твоими присылками. Только письмо твое по губам помажет, да и полно. Нет ни католика, ни Огинского, ни многого кое-чего и кое-кого. Одна надежда была на Василья Перовского, да и тот что-то притаился. Да и вы не получаете моих посылок «Телеграфа*» и «Московского Вестника», а я уже всего послал вам около двадцати книжек. А прежде еще прошлогодного «Телеграфа» послал много статей, своих особенно. Уж так и быть, пропадало бы мое, к вам отправляемое, но больно мне за ваше. На днях получил я из Парижа от Гагариной книгу Ancelot. Пишу ей благодарное письмо, но и ты за меня поблагодари ее. Я написал кое-какие замечания на книгу и доставлю их, когда отпечатаются. Книга просто глупая, а не злая. Напротив, есть какое-то добродушие, но вовсе нет головы.

Мы в Остафьево поджидаем Карамзиных, которые должны были выехать из Ревеля 25-го; в Петербурге станут искать дом на зиму. Сердце замирает за первые впечатления его при виде Остафьева, Каподистрия в Петербурге. Я читал его прекрасное письмо к Александру Булгакову: он, кажется, душевно доволен своим приездом и приветствием. Что делает Жуковский в Париже? Вот русского судьба! Были в Париже Авдотья Сильвестровна Небольсина, Василий Петрович Титов, Василий Андреевич Жуковский, а меня не было, да и верно не будет; а не то не было бы у нас морозов летом, оттепелей зимою, пословицы: «Не суйся, среда, прежде четверга», Петра Великого и Михаила Трофимовича Каченовского, роговой музыки и фишетки Бартеновой и того, и другого, и третьего, и десятого. Будь я в Париже, и не бывай в нем Небольсяпа и Жуковский, и вся Россия сделалась бы *андер-фигур наона комедия*. Я, не видавший Парижа и умерший, как Моисей, не зревший обетованной земли, — одна из необходимостей старого завета нашего. А продолжения впредь мне не дожидаться и Парижа не видать, вот те Христос: я в этом уверен, Жуковский, посмотри на него за меня хорошенько вдоль и поперек, спереди и сзади. — Сохрани свято и ненарушимо натуральный запах парижский и окури меня им, мой благодетель! — Тургенев, сделай милость, если это письмо застанет тебя еще в Париже, прочти ее *morceau écrit de veuve* графине Бобринской и Гагариной и переведи, чего они не поймут, по-русски: это потешит их.

Простите, мои милые! Пишите ко мне, ради самого Создателя: и годному, и негодному для печати буду доволен. Мой дружеский поклон брату. Каков он? Ломоносика не холмогорской породы выдери за меня за виски: он ничего ко мне не присылает. Свечиной мое сердечное почтение. Не забудьте мне сыскать корреспондента парижского для «Телеграфа», разумеется, за деньги: Геро, или кого другого. Я писал тебе в двух письмах об этом и довольно подробно. Надеюсь, что ты получил их, также табак и чай, посланные на имя Ломоносика через m-me Latreille. Александр Пушкин поехал в Петербург, Кажется, сам еще не знает, что из себя сделает. Я и рецензии твоей или ответа на рецензию не получал. Написанное тобою мне о Карамзине и биография Козлова будет напечатано на днях. Простите, друзья, дальние и близкие!

Приписка С. П. Жихарева.

7-го июня.

Я писал к вам, мои милые: писал о неудачной посылке денег, об их возвращении, о приказании моем отдать их без умничанья Стиглицу и отправить таким же образом, как и первые. Не сердитесь на меня за жесткость письма моего: оно писано в минуту самую для меня неприятную, в пылу справедливого гнева и негодования. К счастью моему, что все поправить можно без дальних убытков или, лучше, с выигрышем, ибо курс далеко лучше, нежели был.

Жена живет в деревне; очень слаба, похудела, нервы совсем расстроены. Надеюсь на свежий воздух, купанье и тихую, беззаботную от домашних попечений жизнь. Я езжу к ней два и три раза в неделю; субботу и воскресенье целые дни провожу вместе. Дети, благодарение Богу, здоровы, но у Вареньки шея изуродована золотухой.

Говорят, что по времени останутся только малые знаки, но это еще не решено; доктора утешают иногда без основания: им надобны деньги. Домом своим мы очень довольны, ибо это чистый капитал; будем жить в нем до времени: дадут хороший барыш, отдадим, пожалуй. Только грустно будет расстаться с надеждою жить в нем всем вместе, а комнаты для вас прекрасные; в них теперь живет Иона сторожем вашего добра. Не знаю, когда Бог принесет вас сюда: мне хотелось бы расположить все ваши вещи для вас споручнее. Я не раскрывал наших ящиков: вы сделаете это сами. С каким-то отрадным чувством думаем о вашем возвращении, добрые, милые. Жить вам надобно в Москве, в одной только Москве, особенно Сергею. Надеемся, что покамест он не сыщет себе подруги, не оставит нашего крова, который будет собственным его. Уживется ли Алексаш на одном месте, это еще Бог знает. У него есть и еще обязанности: он здоров и должен жить для двух. Но Сергея нам, нам непременно, до тех пор, покамест окрепнут душа и тело, и покамест не повеет на него прежним счастьем. Пусть пройдут годы испытаний в нашей семье; когда же Фортуна обернется к нему лицом, мы сами толкнем его в её объятия. Простите, милые! Александра Ильинишна довольно здорова и думает сделать пелеринаж в Ростов. Бог с ней! Ей нужно необходимо рассеяние.

На обороте: A son excellence monsieur Alexandre de Tourgueneff, à Ems. Poste restante. Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу, в Эмсе.

710. Тургенев князю Вяземскому.

20-го августа 1827 г. Дрезден.

Пробежал сегодня акафист Иванчина-Писарева нашему историографу: и за намерение отдать справедливость спасибо. Но долго ли нам умничать и в словах, и полумыслями? Жаль, что не могу сообщить несколько строк сравнения Карамзина с историей Вальтер Скотта и изъяснение преимуществ пред последним. Они перевесили бы многословие оратора. Но спасибо издателю за золотые строки Карамзина о дружбе, а Ивану Ивановичу – за выдачу письма его. Я как будто слышу его, вижу его говорящего: «Чтобы чувствовать всю сладость жизни» и прочее. Одно чувство и нами исключительно владеет: нетерпение смерти. Кажется, только у могилы Сережиной может умериться это нетерпение, этот беспрестанный порыв с нему. Ожидать, и ожидать одному, в разлуке с другим, тяжело и почти нестерпимо. Ищу рассеяния, на минуту нахожу его, но тщета всего беспрерывно от всего отводит, ко всему делает равнодушным. Одно желание смерти, то-есть, свидание, все поглощает. Вижу то же и в письмах другого, но еще сильнее, безотраднее. Приглашение Екатерины Андреевны возвратиться огорчило, почти оскорбило меня. Или вы меня не знаете, или вы ничего не знаете? И отдаленный вас о том же просит. Теперь у него только часы его. Он смотрит на них и ждет. Недавно писал, что больно будет расстаться с ними умирая. Вот слова его из письма его в Париже к графини Разумовской: «C'est ma douleur, c'est mon découragement qui vous ont fait prendre la résolution de venir. Eh bien! avez-vous vu quelquefois dans les petites maisons de ces gens, qui, ayant l'esprit dérangé, sont accablés de mélancolie, restent toujours seuls, ne veulent voir personne, ne veulent parler à personne. Les médecins pour les guérir, font-ils venir leurs parents, leurs amis? Non, on les laisse comme ils sont, seuls avec leur maladies.» Это не удержало, а решило ее ехать к нему.

711.

Князь Вяземский Тургеневу.

12-го ноября 1827 г. Остафьево.

Видно, любезный друг, с письмами моими к тебе та же участь, что с твоими посылками ко мне: посылаются, да не доходят. Я читал у Жихарева два письма твои из Парижа и вижу, что ты удивляешься моему молчанию. Надеюсь, ты по нем не разгадываешь дружбы моей к тебе. Горесть твоя, отражающаяся в твоих письмах, сокрушает друзей твоих. Тяжелее всего, что нечем утешить и нечего присоветовать. По крайней мере, признаюсь за себя: решительно не знаю, какой дать бы тебе совет. Следуй внушениям сердца, но, между тем, не отвергай и благоразумия, а как поступать, куда ехать – того со стороны подсказать тебе нельзя. Время свое возьмет, а пока ничего не придумаешь.

Я все еще в Москве по скучным делам с Гражданскою палатою или, как назвал я, с гражданским вертепом. Между тем другое дело: с Сутерланда хотел полицмейстер Рылеев содрать кожу и набить чучелу; с меня казна, но какой-то претензии Сутерланда на отца моем, после сорока лет спохватилась и также хочет содрать кожу, или и того дороже – 8000 рублей. Где топко, тут и рвется. Здесь же, в Остафьеве, узнал я из письма жены из пензенской деревни, что Павлуша в кори; ему лучше, но теперь, вероятно, и другие дети занемогли тем же. И страшно за них, и больно за бедную жену, которая одна измучится за себя, детей и меня. Грустно и тошно!

Карамзины обживаются в Петербурге. Впрочем, они верно к тебе пишут, и мне нечего тебе говорить о них. Ты спрашиваешь о «Телеграфе»: я еще недавно послал его книжек двенадцать на имя Hégeau с молодым Lebour; узнай о нем у Ломоносика. Пока ты в Париже, если ты решительно не хочешь переломить себя и заняться журнализмом, то заставляй Толстого писать, под руководством своим или надзором, письма для «Телеграфа». Редакция «Телеграфа» охотно даст ему то, что просил Hégeau, то-есть, франков по сто за полновесное письмо. Только надоумь его, как составлять эти письма, чем наполнять их; а ты от себя придавай им европейский колорит, который наведет твой ум и твой слог. Я хотел бы, кроме журнала, издавать «Современник» по третям года, соединяющий качества «Quarterly Review» и «Annuaire historique». Я пустил это предложение в Петербург к Жуковскому, Пушкину, Дашкову. Не знаю, что будет; дальнейшие толки об этом отложены до приезда моего в Петербург в январе. Но вряд пойдет дело на лад: у нас, в цехе авторском, или деятельные дураки, или бездейственные умники. Жуковский решительно отказывается от пера. Не понимаю, отчего обязанности его настоящего звания кажутся ему несовместными с литературными занятиями в круге возвышенном и на европейскую статью. Я на днях написал ему длинное письмо об этом и, по обыкновению своему, немного поругался. Уговариваю его, если он почитает, что при месте его, как в папской капелле, нужно непременно быть авторским кастрато, чтобы, по крайней мере, стал он главою какого-нибудь обширного литературного предприятия; например, завести фабрику переводов всех лучших иностранных творений, новых и старых, и издать их à l'usage du Залуский. Правда ли, что мысль хороша и совершенно по исполнению подлежит ведомству его? Как такое предприятие обогатило бы вдруг наш книжный неурожай! Сколько рук занялось бы с пользою! И никто, кроме Жуковского, не может осуществить *se rêve d'un homme de bien*. Но я уверен, что он из предложения моего ничего не сделает. А правительство наше ныне подалось бы на такое предложение. Тут есть что-то Петровское.

Здесь Шимановска, и альбом её, исписанный руками Benjamin Constant, Humboldt, Томаса Мура, Гёте, – пуще прежнего растравил тоску мою по чужбине. Я – европейское растение: мне в Азии смертельно. В Азии и лучше меня живут – не спорю, да я жить не могу: черви меня заедают.

18-го. Москва.

Возвратившись в Москву, нашел я от жены успокоительное письмо о детях. Скажи Толстому, что я только на днях получил письмо его от 31-го августа и, в роде предварительного, письмо от Геро, совсем не геройское. Мало уповаю на следующее и пуще прежнего желаю, чтобы Толстой, под твоим руководством, а не Геро, был корреспондентом «Телеграфа». Геро отказать решительно не нужно: пускай и напишет он одно письмо, за которое заплатят ему; но он, по видимому, ленив и неаккуратен, следовательно сам собою отстанет и избавит нас от неприятности сказать человеку: «Поди вон!» Сделай одолжение, негосыруй это дело с Толстым и уговори его получать деньги за труды, тем более, что тут предстоят ему и расходи на покупку книг, подписку на журналы и прочее. Более всего нужны нам факты, выписки из новых книг; более материальности, чем рассуждений. Толстой, кажется, из патриотизма вдается в какой-то антигаллицизм, неуместный и не в пору. Все это хорошо было прежде, а теперь отцвело. К тому же, ругая французов, невольно задеваешь и дело образованности; тем более у нас, где не дают обнажить всю мысль наголо. Для избежания кривых толков, лучше не вдаваться в эту народную и политическую полемику. Впрочем, слог Толстого исправен; попроси у него разрешения на некоторые перемены в письмах его, смотря по обстоятельствам.

Я хлопочу о журнале, а между тем, вероятно, мое журналистическое и авторское поприще кончится с нынешним годом. Здесь дан нам в цензоры Аксаков, который воевал против меня под знаменами Каченовского, а ныне греется под театральными юбками Кокошкина, Загоскина и всей кулиспой сволочи, явно восстающей против меня и «Телеграфа». Если не заставят Аксакова образумиться, то положу перо: делать нечего. Lebourg, с которым я послал «Телеграф» на имя Négeau, живет Hôtel Richelieu.

Пишу Жуковскому, чтобы он послал тебе стихотворения Боратынского и третью часть «Онегина». Скажи Толстому, что «Борис Годунов» еще не напечатан, а что рукописи он из рук не выпускает. Отрывки из старого письма Толстого о Villemain и о записках современницы напечатаны в «Телеграфе.»

Мне сказывали, что князь Григорий Гагарин желает иметь при детях своих русского наставника, и что это место предлагали Раичу. Сделай одолжение, напиши от себя и от меня князю в Рим, что он лучше человека этого не найдет: знаю его с весьма хорошей стороны и по нравственным, и по литературным отношениям. Он несколько лет жил в этой должности у Рахмановой-Волковой, и они были отлично им довольны. Для Гагарина и тем он хорош, что знает итальянский язык и преимущественно занимается латинскою и итальянскою литературами. Он известен переводом «Георгик» и ныне печатающимся «Освобожденным Иерусалимом». Теперь занимает он место при Пансиогe университетском; но любовь к Италии все превозмогает, и он охотно желал бы приняться к князю. Возьмись за это дело: оно будет добром и для Гагарина, и для Раича.

Прости, мой милый друг! Обнимаю тебя от всей души. Скажи мое нежное почтение Свечиной и благодари Гагарину за обещанную посылку.

712. Князь Вяземский Тургеневу.

11-го декабря 1827 г. Москва.

Вижу из писем твоих к другим, что ты моих не получаешь. Это меня сокрушает. Я писал к тебе через Жихарева и через Жуковского. Неужели можешь подозревать меня в холодности или небрежении? Я этому не верю, но не менее того досажую на судьбу моих писем. После двухмесячного ежедневного отъезда еду сегодня в ночь к жене в Пензенскую губернию. В конце января думаю быть в Петербурге; дай Бог узнать там что-нибудь о тебе хорошего. Повторяю одно: боюсь за тебя петербургского многолюдства, но боюсь и континентального одиночества. Сердце не знает, что придумать за тебя, чего пожелать тебе в настоящем положении! Оно только желает и пламенно за тебя молит, оставляя Провидению надписать желание, куда следует. Поблагодари Гагарину за микроскопический гостинец, а еще более за письмо её и дружеское внимание. Буду отвечать ей из пензенских степей для большего контраста, тем более, что Москва начинает немного походить на Париж с тех пор, как стреляли на улице из пистолета в Сергея Корсакова, меньшего сына Марии Ивановны, и что немецкий актер играет на театре нашем «Жоко» и, за неимением у нас *Jardin des plantes*, учится роже физиономии обезьяны по лицу Кокошкина. К тебе также буду писать из Пензы, а теперь утопаю и вязну в сборах. Кланяйся от меня нашему литературному генеральному консулу Толстому. Всей душою и всем помышлением обнимаю тебя, друг любезный.

Жуковский, обнимаю тебя перед отъездом и прошу тебя отправить это письмо к Александру Тургеневу.

713.

Тургенев князю Вяземскому.

[Конец 1827 г. Париж].

Вот план мой, если не перемену его до января месяца. Чувствую, что и в Париже должно мне пробыть долее и поучиться, ибо я едва мимоходом успел взглянуть на сокровища Королевской библиотеки и на рукописи Вольтера, Корнеля, Расина, Монтескье, Февелова, Боссюэта и прочих и только один раз ходил с Гумбольдтом (может быть, первым ученым писателем и, конечно, первым путешественником в Европе) в Академию наук; но в этот день читали о чуме и о желтой лихорадке, следовательно, не для меня. В других академиях не был еще. Вильмень, автор посылаемой тебе книги, болен глазами, и книга его слаба, хотя историческая половина и не без интереса для нас. Познакомился с переводчиком Платона и издателем Декарта, Cousin, но все превосходные таланты здесь в загоне: господствует варварство в лице Фресиноса. Даже и святой аббат Николь, наш одесский, в числе либералов и потому удален от ректорства, а остался просто Лавалем здешнего главного училищ правления. Я был у него в Сорбонне, где ему, в память учредителя Ришелье, оставили квартиру, и мы, *comme deux grands débris*, утешали друг друга. Кто бы подумал, что иезуиты, за коих я с ним вечно ссорился, выгонят его из златной Сорбонны! Но он еще действует по части издания классических книг и ездит во дворец, наполненный духовными. Публичные курсы в академиях на сей неделе начнутся; но я не знаю, куда попаду. Много хлопот и без них; я же и по-англински учусь. А пророс: книгопродавец сказал мне, что князь Федор взял вторую часть Belloc, почему я и оставил ее у себя. От него получишь. Впрочем, уведомя. Многое желал бы переслать в Москву, по нет okazji. Первого курьера завалил произведениями *tr. Vatou*. Попутчики ничего не берут, да и редки. Я еще не принимался закупать книги, ибо возвращусь сюда летом и главное закуплю пред отъездом. Можно хорошее и дешево купить, но некогда об этом думать. Редко удается мне бродить без цели, а это всего приятнее. Ты и Ив. Ив. Дмитриев жили бы здесь припеваючи: сколько букинистов, картинных и гравюрных продавцов; но не надобно спешить. Писем из Петербурга я не получаю; одно, где ты писал, от Кар[амзиных], да от Бул[акова] – вот и все. По Москве часто тоскую; скажи это княгине, Жихаревым, хотя я и пишу к ним, и всем, кто вспомнит. Карту Richard отдай графу Ф. Толстому; я часто у него обедаю, по часто и у лучшего, драгоценнейшего Rivet. Все чисто и хорошо, и везде ежедневно все набито. Я иногда удивляюсь памяти *des garçons*: помнят, какие блюда кто спросил, и не ошибаются. Был два раза у графа Брея; у нашего посла обедал раз с доктором Галлем и раз со всеми русскими. Грустно! Буду представлен *duchesse Duras*, *Récamier* и княгине Багратион. Ломоносовым очень доволен и прошу извинения у княгини. Он ведет себя хорошо и здесь почти в моде в некоторых салонах. Прости! Пора кончить письма к другим и одеваться к Гизо. Расцелуй ручки у княгини и у детей. Пиши ко мне хоть через Северина и говори больше о себе и о своих. Кланяйся Ив. Ив. Дмитриеву. Будь осторожнее с книгою Вильмения: иначе и тебе, и мне достанется. Отошли тотчас письмо к Жихареву.

1828.

714.

Князь Вяземский Тургеневу.

1-го января 1828 г. Мещерское.

D'autres flattent le grand, c'est à toi que j'écris.

В тот день, в который кадят новым счастливым, и суета сует мучит в городах лошадей, лакеев и совести, посылаю тебе, любезный друг, сердечное приветствие из саратовской степи в Париж. Впрочем, хвастать мне нечем: здесь ни вельмож, ни счастливых нет, и мое великодушное смирение не очень назидательно. Шутки в сторону: сердцу моему нужно было побеседовать с тобою в этот день. Вчера или сегодня, когда двенадцать часов пробили рождение нового года, за рюмкою шампанского, выпитую в кругу семейном, сердечною мыслью помянул я тебя и то, что тебе всего дороже. Повторяю: не знаю, что пожелать тебе, кроме главного, вероятно, несбыточного, и потому желанием ненареченным молюсь о тебе Промыслу. Подаю Провидению просьбу бланкетную. Я уже дней двадцать оставил МосЕву и с той поры ничего о тебе не знаю. Перед самым отъездом писал я к тебе через Жуковского. Ты, надеюсь, получил письмо мое и несколько прежних моих писем. Мне больно было видеть из твоих к Жихареву, что ты удивляешься моему молчанию. Неужели ты сомневался в моем сердечном участии? Я тебя любил счастливого: каково же должен я любить несчастного? За одним только могуществом и торжеством волочиться я и умею: несчастья. Прошусь к нему в службу охотою и тем более должен служить ему верою и правдою там, где записан к нему дружбою. Жаль только, что не могу сказать по пословице о молитве и службе моей, что они не пропадают. Слава Богу, нашел я здесь своих хорошо пристроенными, но с самого приезда моего припадки простуды у жены и детей не давали мне вполне наслаждаться сближением с ними. Теперь все приходит в прежний порядок, да за то я скоро уеду. В конце месяца думаю быть в Петербурге и провести там месяц поболее, а весною опять буду здесь и посвящу летнее время на разъезды по окрестным сторонам. Побываю в Сарепте, в Астрахани. Может быть, поеду из Нижнего в Астрахань на пароходе. Мне хотелось весною прокатиться на пароходе в Англию, но отложу свое намерение до будущего года, если, впрочем, судьба не отложит оное в длинный ящик или, может быть, и меня в короткий. Поездка в Лондон теперь соблазнительна. В два месяца можно легко съездить обратно и побывать еще в Париже недели на две. Был бы товарищ, я и нынешним годом пустился бы на эту проказу. Жена мне дает свое благословение. Нынешним годом издам свои сочинения и что выручу, то и проезжу. Мне в таком случае можно будет сказать, что выезжаю на Хвостове, на Булгарине и на других дураках, которых я запряг в свои рифмы. Как мне любить цензуру? Она отпрягает у меня моих лошадей. Нынешний год отпускаю лошадей в поле на траву, и журнальной гоньбы у меня не будет: я отказался от деятельного участия в «Телеграфе» и только иногда прокатываться буду на вольных. Между тем я все-таки остаюсь патроном «Телеграфа», и если что у тебя будет под рукою, то доставляй мне с Толстым или Геро, которого героида или гемороида многого не обещают; условие остается ненарушимо. Полевой просил меня о продолжении посредничества моего между ним и ими. Скажи о том нашему генеральному консулу по русской литературе. Неужели нельзя узнать решительно, кто русский барич, который Бальби дал бабьи толки про нас? В Москве готовится французский журнал, в котором хотят выводить на свежую воду нелепость иностранцев в их суждениях и известиях о России. Мысль хорошая, но исполнение, вероятно, не будет ей

соответствовать. Французские писатели Кузнецкого моста очень ненадежны. Князь Дмитрий Владимирович – один из основателей сего журнала, то-есть, дает деньги на первоначальные издержки. Невежество французов во всем, что до России касается, всеобъемлющее. Faïn в своем «Манускрипте 1812 года» называет Кутузова Римникским или Италийским, не помню. В словаре Boiste, dans le «Vocabulaire des personnes remarquables» находится «Iwan, princesse russe». За то спасибо про Чернышева. Что это сказано и у Walter Scott? Когда была Неаполитанская королева в Петербурге в царствование Павла? Я никогда не слышал о том. И кто этот «Lewinshoff, grand veneur de Russie, qui fut hargé des négociations en faveur de la cour de Naples»? Я не всего Вальтера Скотта прочел, но первая половина творения его не в равновесии с предметом только вопреки законам физическим. Она гораздо ниже, хотя и гораздо маловеснее. Видно, что он не писал из души и даже не из ума, а разве из денег. Нельзя сказать, чтобы в его обозрениях, суждениях было пристрастие, неприязненное предубеждение против Наполеона; нет, тут есть что-то Херасковское, похожее на

Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость низложенну.

Он пишет, как Херасков пел: без лихорадки. В его обозрении французской революции нет ни одного нового указания, ни одной новой гипотезы для разгадания событий. Уж если в жизни Наполеона нет составов эпических и драматических, так где же их искать? Он писал, описывал хладнокровно: и читаешь, и смотришь хладнокровно. Жизнеописателю Наполеона нужно было увлечься предметом и не бояться энтузиазма; а после, в заключение всего, оценить всю его жизнь, все деяния и подвергнуть его строгому приговору человечества, которое он предал, ибо не хотел посвятить огромные, единственные средства свои на его благо. А он, то-есть, Вальтер Скотт, нигде не ободряется Наполеоном. Сперва опиши он его, как любовник в упоении страсти, и уже после суди о нем, как муж протрезвившийся. А у него везде трезвость или, лучше сказать, везде тошнота похмелья. В его книге не видать того Бонапарта, который окрилил мир за собою. Была же поэзия в нем: одною прозою и арпеметикою ума не вывел бы он такого итога. Были же когда-нибудь эти глаза, зажигающие столько страстей в толпе поклонников, без синих полос под ними; были щеки без морщин, грудь без рыхлости. А ты, холодный и сонный живописец, представил нам изображение красавицы, которая всех с ума сводила в свое время; занимаешь краски у существенности, когда время красоты уже прошло. Вальтер Скотт в своем последнем творении похож на волшебника, коего прут волшебный был разочарован враждебным и более могучим чародеем. Он тот же, но в явлениях его уже нет волшебства. В прежних романах он делал из истории какую-то живую фантазмагорию; здесь он не оживил праха, а напротив, остудил живое. Я не нашел у него еще ни одной страницы пламенной, яркой. Лучше дал бы он разгуляться более своей национальной желчи и писал при пламеннике ненависти: а то он писал водицей при каких-то сумерках, «entre chien et loup»; j'aurais mieux aimé qu'il fut chien et loup et qu'il eut déchiré en lambeaux l'objet de sa haine. Il y aurai eu plus de vie dans ce spectacle. Mais c'est qu'il n'était pas de force a attaquer le tigre. Еще не читав книги, написал я о ней заочное суждение и вижу теперь, что гадательное мое заключение о ней было во многих отношениях справедливо. Глупец Аксаков, le Philoctète est-ce vous, не пропустил моей статьи. Я пришлю ее тебе при случае. Она любопытна и особенно же может быть любопытною в Париже, потому что я за глаза описываю в ней осажей, жирафу, Вальтер Скоттово творение и основание английского театра в Париже. Ну, может ли быть тут место злонамеренности и чему-нибудь противного ценсурному уставу? Если можно, сделай одолжение. собери все рецензии, написанные на историю Наполеона, французские, английские и немецкия, и побереги их для меня. Хотя я уже и недействительный журналист, а при случае награждай меня литературными новин-

ками. Господь с ним, куда скучен ваш Viennet! Он должен быть честный и весьма благомыслящий человек; и будь я французский избиратель, я охотно предложил бы его в депутаты, но, между тем, отсоветовал бы ему и мыслить о стихах. Он в нашем мешерском эрмитаже заступает должность в роде Третьяковского. Когда жена моя грустит, что я на такое короткое время к пей приехал, я отучаю ее от себя, читая ей вслух «Les épitres» de Viennet, и тогда она рада меня прогнать тут же с места. Хорош он, мой голубчик, когда по примеру Вольтера начнет писать к королям, которые его не читают, et pour cause: не те времена. Теперь почты неисправны, и письма по надписям не доходят; боюсь, что и мое не дойдет, хотя ты не король и, слава Богу, я не Viennet. Обнимаю тебя, любезный друг! Напиши мне в Петербург. Скажи мое нежное почтение графине Бобринской, Гагариной, которой будем писать, и Свечиной. Получил ли ты письмо мое, в котором говорю тебе о Раиче для Гагариных римских. Устрой это доброе дело. Обнимаю тебя.

Переписка княгини В. Ф. Вяземской.

Quoique je n'aie pour le renouvellement de l'année que de stériles vœux a vous offrir, recevez les avec amitié: ils partent d'un cœur qui vous est tendrement et sincèrement attaché; nous vous aimons comme un frère chéri et gémissent souvent en pensant à la distance qui nous sépare et au peu d'espoir que nous avons de vous revoir. Pensez toujours à nous comme à des amis qui vous sont dévoués de cœur et d'âme. Adieu, très cher, que le bon Dieu veille sur vous et tout ce qui vous est cher!

715.

Князь Вяземский Тургеневу.

[Первая половина октября. Село Мещерское].

Я очень обрадован был, любезный друг, твоею мертвою граматой, а еще более живую – Эльфинстоном, которая была полнее первой и удовлетворительнее в ответах на вопросы участия и дружбы о твоём здоровье, житье-бытье и прочем; только по несчастию и живая-то грамота не очень расевает рот. Ос, кажется, молодой человек с познаниями и образованностью, но не свободно изъясняется на французском языке. Тебе хорошо! Ты, говорят, так и режешь на английском диалекте: то ли дело сидеть на рост-бифе. Эльфинстон нечаянно застал меня в Москве. Вперед рекомандуй мне своих европейцев в степи: высылай мне их в Тамбов, в Пензу, в Саратов. Разве ты забыл, что я живу в тех краях, в деревне у Кологриновых? Я здесь теперь по делам на короткое время. Собирался было уже ехать, обратно, но со второй станции должен был возвратиться, переломив два экипажа, потому что по нашим дорогам нет человеческой езды. Ты видишь, что на святой Руси все по старому: святость неизменная, мощи нетленные. Я твоим англичанам не показывал шапки Мономаховой, а показывал цыганок: это более по моей части. Впрочем, они все видели здесь, что можно видеть.

Что сказать тебе об нас закадышного? Все вяло, холодно, бледно. И война, которая могла придать жизни и поэзии нашему быту, обратилась в довольно гнусную прозу. Она наводит на всех большое уныние: удачи что-то неудачны, а неудачи действительны. Россия не нуждается в военной славе; могут нуждаться в ней некоторые лица, но народу и отечеству прибыли от того не будет. У нас нет взаимности и между массою и верхушками. А между тем и этой славы нет: Румянцевы и Суворовы не так дрались с турками; теперь только что нас не бьют наповал, а баснословных успехов нет. Вот что говорят единогласно, и я никогда, едва ли даже и в 1812 год, видел такое общее уныние, остудение, как ныне. Замечательно также, что, кроме Хвостова и Шаликова, нет певцов на газетные победы. Будущий Иоанн Миллер должен будет означить это в истории нашего времени.

Об отдаленных также ничего утешительного не слыхать, кроме того, что некоторые, выслужив свои каторжные года, переведены на поселение: например, Чернышев, Кривцов, о места поселения назначены им невыгодные. Пущину, Коковницину, разжалованным в солдаты, возвращены офицерские чины в армии Паскевича. Кстати: мне давно Е. Ф. Муравьева дала поручение для тебя; со слезами на глазах просила она меня уведомить тебя, что Никита, уже после суда, клялся ей, что он никогда ничего не доносил на брата твоего, как о том сказано в отчете Следственной комиссии. Ее душила эта ложь, и несколько раз умоляла она меня обнаружить ее тебе при первой возможности.

Несчастный Батюшков здесь, и все в том-же положении. Я хотел его видеть и, с согласия его доктора, написал ему предварительно записку; но он кинул ее на пол и сказал, что он никакого Вяземского не знает и никого не знает, потому что он сто лет уже умер. Он и на доктора своего сердит и не говорит с ним. Екатерина Федоровна присылала к нему на днях священника: он прогнал его и проклинал. Говорят, что в Петербурге заводится на Петергофской дороге дом для сумасшедших под ведомством вдовствующей государыни. Должно надеяться, что это заведение получит хорошее образование, и тогда думают поместить Батюшкова туда. Доктор, который теперь при нем и привез его из Дрездена, вероятно, далее года оставаться не захочет. Кому же тогда поручить его? Из хороших врачей здесь никто не пойдет в караульщики, а дюжинному доверить нельзя. Из числа несчастных сибиряков помешался князь Федор Шаховской, поселенный.

Получил ли ты мое письмо, писанное весною в Петербурге, с французским содержанием по французскому журналу? Нельзя ли как-нибудь прислать сюда этот журнал? Ведь он, кажется, не политический; следовательно, вероятно, пропустят. Теперь цензура и внутренняя, и внешняя немного поотошла. О Дашкове, главном создателе ценсурного устава, ничего не слыхать. Он все при главной квартире, по существованию его нигде не пробивается. Официальные бумаги им не пахнут, и его имя нигде не упоминается.

15-го октября.

Вчера пришедшее известие о занятии Варны нашими войсками немного поуспокоило умы; подробности еще неизвестны. Много лент, награждений; но может ли быть что-нибудь для русского честолюбия в Андреевской ленте Дибича или в Владимирской Бенкендорфа? *Ce sont les Suisses de Louis XVI*. Единодушно жалеют о ране Меншикова, которая не дозволила ему доварить Варны и передала ее Воронцову. О Воронцове скандальное известие: он жаловался государю на Александра Раевского, сына Николая Николаевича, – и Раевского вывезли из Одессы с жандармом в Полтаву для прожития под присмотром. Подробности не достоверны, но сущность дела несомнительна. – Так ли поступают у вас в Англии? Тимковский, бывший губернатором в Бессарабии, говорил, что он так уважает графа, что всегда жалеет, зачем нет его в английском парламенте.

О литературе сказать нечего. Она вся заключается в двух или трех журналах и в альманахах. Пушкин, сказывают, поехал в деревню; теперь самое время случки его с музою: глубокая осень. Целое лето кружился он в вихре петербургской жизни, воспевал Закревскую; вот четыре стиха, которые дошли до меня:

И мимо всех условий света Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета В кругу
рассчисленном светил.

Еще написал он народную балладу «Утопленник», где много силы:

И в опухнувшее тело
Раки черные впились.

Вероятно, все это будет в «Северных Цветах»; будет много и моего и прекрасно рассказанная сказка Боратынского, который кончил также и свой «Бальный вечер». Чем более вижусь с Боратынским, тем более люблю его за чувства, за ум, удивительно тонкий и глубокий, раздробительный. Возьми его врасплох, как хочешь: везде и всегда найдешь его с новою своею мыслью, с собственным воззрением на предмет. Сегодня разговорились мы с ним о Филарете, к которому возит его тесть Энгельгардт. Он говорит, что ему Филарет и вообще наши монахи сановные напоминают всегда что-то женское: рясы, как юбка, и в обращении какое-то кокетство, игра затверженной роли и прочее. Мне кажется, это замечание удивительно верно. Филарет критиковал в «Борисе Годунове» сцену кельи отца Пимена, в которой лежит на полу Гришка Отрепьев, во-первых, потому, что в монастырях монахи не спят по двое; положим, это так; но далее: зачем заставлял Отрепьева валяться на полу? «Взойдите», говорит он, «в любой монастырь, в любую келью: вы найдете у каждого монаха какую ни есть постелитку, не богатую, но по крайней мере чистую». Каково это тебе покажется, господин филофиларет? И не правду ли отгадал я в своем поэте, когда заставил его сказать:

И что я в умники попал –
Не знаю, как случилось.

Наконец, Безобразова кончила свои вдовьи похождения, и неделю тому обвенчали мы ее с Тимирязевым, тебе знакомым. Он снова вступил в службу в Варшаву, и недели через две

они туда отправятся. Кривцовы живут в деревне на неопределенные времена, в нашем соседстве, то-есть, по степному, верст около ста; по мы видимся изредка: это все таки хорошо, чтобы выполоскать себе рот свежими речами, а то засохнет во рту от домашних разговоров. Я называю свой край «la Saratovie pétérée», от Петра Александровича Кологривова, и говорю, que je m'y suis emprêtré, по той же этимологии. Впрочем, думаю, что у нас теперь в провинции можно жить: материальные материалы существуют, а интеллектуальных немногим менее, чем в Москве. В России – один Петербург, где можно найти все удобства жизни; но как там жить, не продав души, подобно Громобою? Надобно непременно приписать душу свою в крепость, а не то – в крепость...

Денис Давыдов называет победы Паскевича: «des pasquinades». Врасплох заставляют меня кончить письмо. Я в него напичкал все, что мог, кроме ума, потому что ума, право, нет. Я, очевидно, здесь деревенею. Шутки в сторону: мне этого интеллектуального заточения не выдержать, и того смотри, что экспатрируюсь. А твой брат о том горюет. Я его не понимаю. Неужели можно честному русскому быть русским в России? Разумеется, нельзя; так о чем же жалеть? Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти России, такой, как она нам представляется. Этот патриотизм весьма переносчик. Другой любви к отечеству у нас не понимаю. Скажи это брату и обними его за меня. Он может быть еще хорошим русским: пускай пишет о России без желчи, по с строгою истиною. Я не люблю малодушие, которое он показывает: любовь к России, заключающаяся в желании жить в России, есть химера, недостойная возвышенного человека. Россию можно любить как – , которую любишь со всеми её недостатками, проказами, но нельзя любить, как жену, потому что в любви к жене должна быть примесь уважения, а настоящую Россию уважать нельзя. Dixi. Обнимаю тебя нежно.

716.

Князь Вяземский Тургеневу.

14-го ноября 1828 г. Москва.

Недавно писал я, тебе с твоим англичанином, теперь пишу с своим Charnier, морским капитаном; он прожил с нами несколько недель и расскажет тебе о Москве. Смерть императрицы захватила все веселия в самую минуту их распускания. Она очень всех огорчила; и в самом деле, потеря важная по многим отношениям. Она была наш лучший администратор, и места, ей подведомственные, расстроятся без неё. Она была и последнею связью с прошедшим. Теперь новая эра, новое поколение: как ни говори, *elle conservait les traditions d'un meilleur temps*, по крайней мере в формах вежливости, которая также род цивилизации. Теперь что-то холодно, мороз по коже подирает. Как бы мне хотелось прочь убраться лет на десять, пока Павлуше можно еще быть отлученным из России. Я для России уже пропал и мог бы экспатрироваться без большего огорчения; признаюсь, и за Павлушу не поморщилась бы душа, а за дочерей и говорить нечего. Я не понимаю романической любви к отечеству. Я не согласен на то, что где хорошо, там и отечество, но и на то не согласен: «*Vive la patrie quand même*», или по крайней мере: «*Vis dans ta patrie quand même!*» Сделай одолжение, отыщи мне родственников моих в Ирландии: моя мать была из фамилии O'Reilly. Она прежде была замужем за французом и развелась с ним, чтобы выйти замуж за моего отца, который тогда путешествовал. Сошлись они, кажется, во Франции и едва ли не в Бордо. Жаль мне, что переписка их, бумаги развода и другие теперь в Остафьеве, а то я мог бы дать тебе более подробностей. Может быть, и придется мне искать гражданского гостеприимства в Ирландии. Еще лучше, если бы нашелся богатый дядя или богатая тетка для моих детей. Вот славное приключение романическое! Будь Вальтер Скоттом нашего романа.

Пушкин, сказывают, написал поэму «Мазепа», в трех песнях, кончающуюся Полтавской битвой. Ему всегда было досадно, что Байрон взялся за него и не доделал. У нас довольно или очень странное явление» в литературе. Муравьев, статс-секретарь, издал свои сочинения под названием: «Некоторые из забав отдохновения Н. И. Муравьева, статс-секретаря е. и. и., тайного советника, сенатора и проч.» Этому статс-секретарю, государственному редактору, «Московский Вестник» доказывает, что он без логики, без грамматики и без человеческого смысла. Тут выводится заключение: если таково его отдохновение, то какова его работа? Жаль, что у меня нет книжки «Московского Вестника» для выписок. «Телеграф» говорит о книге или «Забавах»: «Читая их, видим, что автор создал себе особенный род сочинений, слога, мыслей и даже слов». У нас для развлечения скуки проскакивают явления довольно потешные. За то какая и мерзость в «Московском Вестнике»: ругательная критика Арцыбашева на «Историю» Карамзина! В глазах его и заглавие неправильно; «Надобно», говорит он, «сказать: История о государстве Российском, а «История государства Российского» не по-русски». Вся критика в этой силе. Я не утерпел и отпустил в «Телеграф» сказку на этих мерзавцев и дураков. Дмитриев точно растревожен гнусностью этих подлецов. В этом холодном человеке и, по многим приметам, эгоисте страстная дружба к Карамзину умилительна и совершенно с ним примирительна. Друзьям Карамзина нельзя не прилепиться к Дмитриеву: в нем горит петленное чувство.

Прости, любезный друг! На днях еду во-свояси, то есть, в саратовские степи. Когда увидимся? Да помолись же европейскому Богу, чтобы он призвал меня на свое лоно, на свой просвещенный континент! Я, право, здесь, как несчастный Робинзон, брошенный на острове, окруженном океаном варварства и скуки. Здесь у меня и есть Пятница, по беда в том,

что здесь семь пятниц на неделе, а воскресения нет. Обнимаю тебя от всей души. Скажи мое почтение и дружбу брату. Ради Бога, перетащите меня в Ирландию!

Я сейчас распечатал пакет Жихарева, чтобы вложить мое письмо, и узнаю, что он говорит тебе о том, что я ее хотел тебе говорить: мне не хотелось огорчить твою дружбу ко мне до времени. Дело в том, что по поводу какого-то журнала, о котором я понятия не имел, сказали государю, что я собираюсь издавать журнал под чужим именем, а он велел мне через князя Дмитрия Владимировича Голицына объявить, что запрещается мне издавать оную газету, потому что ему известна моя развратная жизнь, недостойная образованного человека, и многие фразы, подобные этой. Я прошу следствия и суда; не знаю, чем это кончится, но если не дадут мне полного и блестящего удовлетворения, то я покину Россию. Вот ключ к моим ирландским изысканиям. Я уверен, что удовлетворения мне не дадут, потому что и теперь уже слышно, что сбиваются на какое то письмо мое, которое должно было мне повредить. Эпиграмма – не преступление и не разврат. При первом случае постараюсь тебе доставить мою и обо мне официальную переписку.

1830.

717.

Тургенев князю Вяземскому.

Апрель. Париж.

Вот тебе первая лекция марсельского Вильменя – Ампера, моего приятеля, уважаемого и Нестором Германии – Гёте и, что всего лучше, обожателя милой вдовы Рекамье. Вероятно, вложу в пакет и речи Ламартина, Кювье и стихи Лебрена, в коих найдешь несколько стихов, напоминающих твои, не помню откуда. Я был на приеме Ламартина. Он кадил всем и каждому и не похвалил только Дарю, коего хвалить был обязан. Cuvier – гигант и в безделицах! Если бы сердце было на месте, то описал бы тебе его беседы субботняя и буйные вечеринки поэта-литератора, коего назвать тебе не смею, но вся эта мелочная литература только мимоходом занимает меня. Я живу в других идеях и полон иным чувством. Я бы должен был уступить тебе мои здешние знакомства и *отношения* к некоторым; ты бы лучше выжал из них сок, который не питает, не оживляет твоего Тургенева; увы, «где прежний я»? Где прежний Гримм? Обними Карамзиных. Встретимся ли в Европе? Даже и о них мало думаю, хотя и нередко.

Посылаю и несколько прелестных куплетов моего немецкого поэта. Прочти их Козлову, если ты читаешь по-немецки, и обними его и весь круг его милых ближних. Скажи ему, что я здесь вижу часто его приятельницу, графиню Шувалову. Все три сестры здесь, и я люблю эту милую троицу, особенно Потоцкую, которая не одним острым носиком и томными глазками здесь нравится.

Скоро будет новый прием в Академии – графа Сегюра, автора «Французской войны в России». Теперь еще ваканция, и кандидаты бессмертия, по обыкновению, разъезжают с визитами по 39-ти бессмертным в надежде избрания. «Фигаро» предлагал тринадцати кандидатам нанять для сих разъездов один omnibus, à six sols par immortel. Cousin, Ancelot, Pongerville – главные претенденты, но Cousin, по таланту и трудам, – достойнейший. Понжервиль – переводчик Лукреция: c'est tout dire. Да еще и какой: желая не одному чорту свечку ставить, он нашел в нем догмат бессмертия души! Кстати о бессмертии: Рекамье, за неделю перед сим овдовевшая, сблизила меня с Шатобрианом, и я имею право встречать его иногда у ней en tête à tête (моя голова не в суете) и наслаждаться их беседою. Скоро он выдает первые томы своей «Французской истории», которую депутат левой стороны – Гизо освещает теперь иным светом.

Сын бывшего подольского губернатора, ныне пэра Франции, St.-Priest, пишет историю Петра Великого. Он известен по сию пору только переводом русских трагиков и собственною трагедиею, которую только еще здесь слушают на вечеринках, а не читают, и статьею о Гишпании в «Revue française», где много оригинальных замечаний и новых о сей старой монархии. Что же ты ничего не прислал для «Revue»? Она – все лучшее периодическое издание; и новая жена Гизо – также писательница, и доставляет статьи в «Revue». Но лучшие, по моему мнению, – дюка Броглио, обнимающего не одну французскую ученость, но я немецкую философию, идеи метафизические германцев с практическою политикою Франции и Англии. Жена его – дочь madame Staël. Я люблю её милую и строгую рожицу и ум методический, и религиозность методистов. Есть я еще умная и некогда слабая и прелестная женщина – St.-Aulair, жена пэра-писателя, с милыми и умными дочерьми, с коими слушаю я курс истории естественных наук Cuvier и болтаю о немецкой и английской поэзии; а они

могли бы болтать и о греческой, если бы я звал по-гречески, как они. Все бы это для тебя по зубам, а еще более по душе и, конечно, не уступили бы в любезности твоим княжнам, фавориткам Чернышевского переулка.

Третьего дня Соболевский, который месяца четыре был здесь в числе *fashionables* и в туфлях ездил на вторники *madame Ancelot*, уехал чрез Брюссель и Голландию в Лондон. Он желал что-то послать к тебе, но не знаю, удалось ли?

Сверчкова, урожденная Гурьева, сказывала мне, что у ней есть остаток денег, тебе принадлежащий. Она точно не знала тогда сколько, но обещала счесть и сказать мне и просила спросить тебя, что с ними делать. Кажется, около или немного более ста франков, оставшихся по уплате долга за князя Федора Гагарина. Если хочешь, я получу с неё эти деньги и, по расчету, скажу Жихареву, чтобы он выдал тебе. Ожидаю разрешения. Прислать на них ничего нельзя, ибо ничего не берут курьеры, а других okazji нет. Не знаю, и речи примут ли? Пиши ко мне. Я желал победить тоску и беспокойство письмом к тебе, но в голове бродит иная, все поглощающая *мысль*, и мыслям посторонним места нет. Какая веселая зелень в Тюлери! Как все цветет на гробах Пэр-Лашеза, как тихо на могиле моего Сережи! И под нею шумный и туманный Париж. Разъезжал в блестящем экипаже и шатался пешком в *Longchamps*. Заметь, добрый повеса, что религии обязан народ не только великими утешениями за гробом, но и простыми увеселениями здешней жизни. Некогда таскались знатные в монастырь *Lougchamps* на поклонение; теперь гуляет там народ вместе с пэрами.

Дай знать Жихареву, что получил его краткое письмо, возвещающее длинное, с князем Щербатовым. Роздай книгопродавцам объявления о Балаеше и о «*Mercure des salons*». Первый – мой приятель и *penseur*, второго протезирует князь Долгоруков. Отошли письмо Полетике.

718.

Князь Вяземский Тургеневу.

1-го января 1830 г. [Москва].

Здравствуй и на 1830-й год, любезный друг! Чего тебе желать?

Покою, мой Капнист, покою,
Которого нельзя купить
Казной серебряной, златою,
Ни багряницей заменить.

Я хотел бы только заменить в этих стихах слово *Капнист*, потому что он в стихотворцах выше тебя, а в поэтах гораздо ниже, а для меня поэзия и бессловесная гораздо выше стихотворчества самого словесного. В тебе именно нет *покоя*, а он именно тебе необходим. Положение твое очень сносное; только, родившись белокурый или поседевший, не бейся головою в стену с досады, что ты не черноволос. Как ни умничай, как ни горячись духом, но нет в природе убедительного доказательства, что беда быть белокурый. Твои письма раздирают мое сердце, но вместе и досаждают. Чего ты ждешь? Чего ты можешь ждать? Ты для меня похож на людей, которые ожидают от Полевого историй лучшей истории Карамзина.

21-го апреля. [Петербург].

Вот, мой милый друг, что писал я к тебе из Москвы в самый новый год и что подтверждаю тебе по совести и по душе из Петербурга, около четырех месяцев спустя. Ничто не переменилось, а хуже всего то, что ты не переменился, не утих душою, все еще волнуешься волнением без цели. Ты жил между нами; ты нас знаешь и строишь на нас воздушные замки; говоришь о Кушникове, требуешь от Кушникова героизма, мученичества за истину, ему чуждую. Верю, что, по мягкости сердца своего, он с теплотою и живостью принимал впечатления, которые ты вдавал ему; но, по той же мягкости головы, правил, обычаев, он не в состоянии сохранить эти впечатления, перенести их сюда и отпечатывать на других. И какое средство у нас законным образом противодействовать тому, что законом уже решено и совершено, совершено кем же? Верховным судом, против коего нет апелляции, разве пред одним судом потомства и Бога. Можно ли нарядить новый суд для исследования *одного* осуждения? Где избрать судей? Не прежние ли явятся с новыми предубеждениями, с новым упрямством, ибо тут должно им будет судить и себя, судить свой прежний суд; положим и не свой, но суд двоюродных братьев, дядей, одним словом, своих. С того времени нет еще у нас нового поколения, новой эры: мы все при тех же и при том же. Как дотронуться до одного осуждения, не расшевелив всех осуждений, не подъяв со дна Сибири всего дела, не повернув мертвых без гробов, не поразив ста семейств, которые в праве были бы требовать: «Пересмотрите дела и наших: наши еще несчастливее!» Верно и между ними есть невинные, и много таких, которые наказаны не по мере преступления. Ты можешь желать помилования, по и помилование невозможно, ибо оно было бы несправедливостью для других; и если миловать, так миловать скорее из тех, которые наказаны *de fait*, которых жизнь – какая-то живая смерть, не политическая, не умозрительная, но положительная смерть, которая родит живую смерть, как у Муравьева, Трубецкого и других, наживших или приживших детей, для коих нет будущего. Да и захочет ли помилования тот, *qui est à la hauteur de son infortune*, который не захочет сойти с неё; перейти – дело другое, перейти на степень себя достойную; но этот переход у нас невозможен. У нас выражение: «требовать суда» – неологизм. Как мог ты так скоро отстать от православных обычаев языка нашего, забыть их и замещать новизнами! Вся беда от того,

что ты прицепился к ложному началу. Ты говоришь себе; «Был бы он в России, приезжай он в Россию в то время, и он был бы совершенно оправдан». Сбыточное ли это дело? Можно ли минуту сомневаться в неотразимой истине, что он был бы осужден наравне с другими? Не был бы он в первых категориях, охотно верю; но неминуемо был бы в одной из последних. Наказание нравственное – тоже политическая смерть. Но ведь мы не одно создание духовное, а судя о применении наказания, глядя на брата там, где он теперь и что он теперь, можешь ли не выплакать всех благодарных слез души своей за спасение его? Он бывал в Обществе, он знал о существовании Общества – у нас довольно: он государственный преступник; и, верно, брат твой не из тех, которых желали бы эскамотировать у суда. Ты знаешь предубеждения всех сильнее против него. Многие, без сомнения, не были виновнее его, а они там. И ты можешь быть в отчаянии! Неблагодарно и неблагоприятно! Да и положим несбыточное: он возвратился, и возвращены ему права его. Какое существование пересоздаст он себе из материалов прошедшего? А материалов этих уничтожить нельзя. Да и прежняя жизнь его, еще не омраченная грянувшего над нею грозою, была ли для него очень сладка? Чем она разразилась? Болезнями, вынудившими его искать другое небо. Теперь приедет он под старое, ждать чего? Новых болезней, чтобы снова иметь потребность ехать отдохнуть. И ты хлопчешь, ты рвешься – из чего? Чтобы кое-как, противоестественно, склотить ему из обломков новую жизнь на старый лад; жизнь, для него невозможную, которой сто раз предпочтительнее нынешняя смерть; жизнь, лишенную нравственного и физического охранения, одним словом, необходимого благосостояния. И все это почему? Потому, что ты не хочешь видеть непреложность, неотвратимость, неизменяемость в событии, которое облечено сими тремя свойствами. Тебе все кажется, что люди могут переменить то, что совершила судьба, и судьба не случай, *mais le destin*, в истинном смысле древнего, в смысле необходимости. Ты хочешь, чтобы душонки и душечки Кушниковские и другие пошли против души России, то-есть, против того, что составляет её нравственное бытие; то, чем она именно Россия, а не Англия, не Франция. Переделайся жребий брата твоего, и Россия не была бы Россиею; тут нет увеличения, а строгая истина. Это раскрыло бы в ней новые элементы, которых мы не видим, которые дали бы ей совершенно новый образ. Вот мои мысли; мне нужно было излить их пред тобою. они справедливы, следовательно, должны быть убедительны. Но есть нечто убедительнее самой справедливости: это скорбь прекрасной, чувствительной души, и потому не надеюсь пересилить ее в тебе. Но, во всяком случае, умоляю тебя: покорись, *résignez-vous!* Не трать сил своих в напрасном искательстве, в душевной хлопотливости; предавайся всей скорби своей, но в спокойствии духа, без этих, так сказать, телодвижений духа; не стучи цепями: ты ничего не пробьешь ими, никого не выкликаешь. Вокруг тебя, пред тобою судьба; тут людям нет доступа; они с священным ужасом, с холодным, болезненным стеснением души проходят мимо, чувствуя все бессилие свое, всю ничтожность упований своих. Карамзин писал к Дмитриеву о впечатлениях своих в 14-е декабря: «Для меня опасность существует вдали, вдали беспокоит; вблизи она уже – судьба: смиряюсь». Так сказал он или почти так, но таков смысл его слов. Понимаю, что твое беспокойство раздражается мученическим, верховным спокойствием жертвы: ты перенес бы вопли его, роптания, но не выносишь молчания; ты возмущаешься покорством его. Все это так, все это в свойстве души; во, уступая природе, надели законою частью и рассудок. Смотри в этом случае на Россию, как на кладбище: плачь на нем, но не требуй от него то, что оно возратить не в силах, Не ворочай надгробным камнем, не раздирай земли: ты только измучишься в насилиях безумной скорби, отроешь одни кости; но кладбище не возвратит жизни, которую оно пожрало; не возвратит минувшего, которое уже и не в нем, а в Боге. К тому же я убежден, что ты должен покоить себя не ради себя одного, а ради и его. Ты нарушаешь величие его несчастья своими житейскими волнениями; ты возмущаешь его перерождение, его успение, видами, надеждами, сожалениями, *qui pour lui ne sont plus de son monde*; ты не даешь ему закалить

себя в новой стихии его, обжиться в новом мире, потому что он на тебе видит отражение, видит зыблющиеся тени другого мира, от которого, верно, отказался бы он легко один, но который ему еще мерещится в тебе, тобою и твоими усилиями. Твоим спокойствием ли, по крайней мере, успокоением, еще более усовершенствуется, пополнится, отделится его спокойствие. Вот настоящее, единственное пожертвование, которое ты можешь привести ему. Братья по природе и по душе, вы теперь близнецы по обстоятельствам, ибо ты несчастием его прирос к нему. Скрывай же от него то, чем он поразил тебя; делись с ним бедою его, но учись у него переносить ее; ибо то, что ты у него займешь, ты же возвратишь ему с лихвою. Он же будет сильнее силою, которую сообщил тебе. Тебя беспокоит здоровье его и вредный для него климат Англии? Был ли он здоров в России, в климате Совета, когда, повидимому, был он один из счастливых мира сего, на чреде блестящей, в сфере деятельности и пользы? Был ли бы теперь он здоровее в Чите? Вот точка зрения, с которой должен ты смотреть на положение свое и его, если хочешь видеть истину, а не то, что бы тебе хотелось видеть.

Моя участь почти решена. Ты знаешь, что все это время был я целью доносов, предубеждений и прочего. Приехав сюда, увидел я, что никто не может помочь мне: один Бенкендорф имеет доступ, а этот Бенкендорф, по месту своему, именно источник и проточник, через который пробивался прилив и отлив неблагоприятных впечатлений для меня. Как же ожидать от него противодействия в собственном деле (и вот твое заблуждение)? Все, что мог я от него надеяться, это – прекращение враждебного действия, несколько слов слабых и неподсказанных внутренним убеждением, и все это до первого доноса Булгарина или другого нашего Видока. Ничего не мог основать я прочного на таких пособиях и решился написать прямо к государю письмо, в котором говорил, что я был оклеветан перед ним; что можно обвинить меня было в легкомыслии, даже в своеволии мнений, но не в поступках, и прочее. Государю мое письмо понравилось; он велел мне сказать что принимает меня в службу обеими руками и хотел, чтобы я определился по Министерству финансов. Таким образом я при Канкрине чиновником по особым поручениям; ибо я не захотел вице-губернаторского места, не осмотревшись прежде, не ознакомившись с делом и людьми. Я просился к Дашкову, то-есть, намекал Бенкендорфу, что если выбирать мне службу, то предпочитаю службу по Министерству юстиции. Дашков также просил меня сначала у государя, но без успеха. Увидим, что будет; но приходило так, что непременно должно было мне или в службу, или вон из России.

Спасибо за письмо и книжки. Ты бессовестен: присылаешь, Бог весть что, а между тем не присылаешь «Нерпани». Ты просишь от меня статьи о литературе нашей. Постараюсь доставить тебе мое введение к биографии Фонвизина. Вот все, что я знаю о русской литературе. Переведи и тисни. На деньги, приходящиеся мне от Сверчковой, возьми мне билеты лотерейные, только поумнее; например так, чтобы числа били в некотором соответствии с именами детей моих, с числом букв их имен: Маша, Пашенька, Павлуша, Наденька; на это употреби 75 франков, а остальное дай какой-нибудь бедной сироте. Лотерейные билеты запиши на имя каждого из детей моих.

Дельвиг сейчас был у меня и тебе кланяется и посылает свою «Газету». В ней найдешь статью Пушкина на Булгарина под именем Видока. Видок-Булгарин бранил его в своих журналах на чем свет стоит за то, что почитал рецензию «Дмитрия Самозванца» писанною им, а она Дельвига. Пушкин теперь в Москве; здесь все говорят, что он женится, но, вероятно, это вздор.

Прости, мой милый друг! Карамзины здоровы, Вяземские также; они теперь в Остафьеве. Не знаю еще, как устроить свое будущее: здесь дорого жить всем домом, а розно жить тяжело. Обнимаю тебя от всей души.

719.

Князь Вяземский Тургеневу.

25-го апреля. [Петербург].

Посылаю тебе, любезнейший друг, от Дельвига его «Газету» и седьмую песню «Онегина». В «Газете» означил я имена авторов над некоторыми статьями. Ты удивишься на странице 94-й стихам Пушкина к Филарету: он был задран стихами его преосвященства, который пародировал или, лучше сказать, палинодировал стихи Пушкина о жизни, которые нашел он у общей их приятельницы, Элизы Хитровой, пылающей к одному христианскою, а к другому языческою любовью. В статье о Видоке, на странице 162-й, ты узнаешь Видока-Булгарина. Она написана Пушкиным в ответ на пакостную статейку Булгарина в «Северной Пчеле», где Пушкин (под видом французского писателя, а Булгарин – Гофмана французского) назван картежником, пьяницею, вольнодумцем пред чернью и подлецом пред сильными. И все это потому, что Булгарин принял критику Дельвига на роман его за критику Пушкина и рассердился, что его называют поляком, а, вероятно, еще более за то, что обвиняют его в напрасной клевете на «Самозванца», которого он представляет шпионом. Вот еще ответ Пушкина:

Не то беда, что ты поляк:
Косцюшко – лях, Мицкевич – лях;
Пожалуй, будь себе татарин,
И тут не вижу я стыда;
Будь жид, и это не беда;
Беда, что ты Фаддей Булгарин.

Вот тебе литературные сплетни, тебе, некогда маленькому Гримму. Я читал «Hernani» и им довольно недоволен. Тут вижу я романтизм в одних ломаных стихах и в мокром плаще. Люблю Гюго, как лирика, и то, разумеется, не везде, а драматик он плохой. Более всего нравится мне 4-й акт, а любовь дон-Карлоса, Гомеза, Гернани и самой дона-Соль солон, то-есть, подсыпана солью французского остроумия. Эти *je te suivrai* хороши для игры актрисы, но в природе они приторны. Они хороши в собрании мозаических образцов du sublime на ряду с *moi qu'il mourut* и проч., но души в них нет. Я люблю французов в романтической прозе: «La conspiration de Mallet», из «Soirées de Neuilly» «Les états de Blois», виноват: даже и в «L'ane mort et la Femme guillotinée», в «Fragoletta», но в стихах их романтизм несносен. Как они ни делай, а Александрийский стих должен быть стих расиновский, плавный, звучный, полный.

Я писал к тебе на днях, то-есть, дописал старое письмо; Жуковский послал его, кажется, с Матушевичем. Теперь писать некогда: иду посмотреть наше романтическое представление: парад всей гвардии на Царицыном лугу. Прости. Обнимаю тебя от всей души. Пиши литературные письма для «Газеты» нашей и присылай ко мне; пиши, хотя не письма, а так, кидай на бумагу свои литературные впечатления и пересылай ко мне, а мы здесь это сошьем, надобно же оживлять «Газету», чтобы морить «Пчелу»-пиявку, чтобы поддержать хотя один честный журнал в России.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Avec quelle peine de coeur j'ai lu le peu de mots qui nous concernaient dans votre dernière lettre à Wiazemsky: «я и об них мало думаю». Tout ce que je puis vous assurer, mon cher m-r Tourgueneff, c'est que pour nous c'est tout le contraire par rapport à vous: combien souvent nous pensons, nous parlons de vous, et toujours avec l'accent de la plus vive amitié et du plus profond intérêt. Depuis quelque temps votre souvenir se présente plus égoïstement à mon esprit; pour vous

expliquer cette phrase, il faut que vous sachiez que dans un an j'ai le projet de conduire mes enfants, pour une couple d'années, dans une des universités d'Allemagne pour y finir et perfectionner leurs études, d'après les idées constantes de leur père à ce sujet, et c'est cette idée qui me fait penser que personne, mieux que vous, ne pourrait me guider dans cette entreprise très grave pour mes fils par ses résultats, bons ou mauvais pour eux, pénible pour moi, vu mon caractère apathique et qui dans la situation de mon Ame le devient toujours davantage. Vivre clans une position stationnaire et monotone est ce qui convient le mieux à mon coeur fatigué: mais ayant des devoirs sacrés à remplir, je tache de les faire de mon mieux, en y apportant tous les sacrifices nécessaires. Je compte donc sur vous, mon bon Tourgueneff) malgré votre froideur apparente: elle ne peut exister dans votre coeur pour les enfants de celui dont la mémoire vous est chère et sacrée et qui de là haut peut-être se réunit à sa malheureuse amie pour vous le demander! Venez donc à mon secours avec vos avis, vos connaissances des localités, vous mettant à même de savoir ce qu'il y a de mieux à choisir; en un mot, soyez ma providence visible, avec l'aide de la bénédiction céleste. Prenez encore des renseignements et envoyez-moi une petite note, par laquelle des universités faudrait-il commencer et par laquelle finir, pour que les enfants ne perdent pas un moment de ces deux années, consacrées uniquement à l'étude sans distraction. En cas que vous nie répondiez, je vous donnerai plus de détails sur mon plan et sur le résultat que j'en attend ou plutôt que je désire. Répondêz-moi par une occasion silre et non par la poste.

Nous allons encore passer l'été à Rêvai; là aussi j'ai attendu ime réponse à ma lettre et à l'envoi que je vous ai l'ait par Joukovvsky du 12-e volume: hélas! un an s'est écoulé, et je n'ai pas eu an mot do vous. Après de terribles maladies et inquiétudes, maintenant, grâce au ciel, nies enfants se portent assez bien, il n'y a que nia santé qui cette année s'est détraquée. Savez-vous que je suis grand'mère d'un charmant petit-fils Nicolas»? Adieu, mon cher et bon monsieur Tourgueneff, que la bonté du ciel veille sur vous et adoucisse votre existence: ce sont les voeux constants de celle qui vous aime et vous est dévouée de coeur. Les enfants vous présentent leurs tendres respects et vous embrassent connue ils savent- le faire.

Приписка княгини Е. И. Мещерской.

Et moi, cher et bon monsieur Tourgueneff, je ne sais pas résister à la tentation de vous dire, combien le souvenir que je vous conserve est tendre, combien les voeux que je forme pour votre bien-être personnel et relatif sont constants et sincères, et combien je saurais apprécier quelque expression nouvelle de cette amitié, sur laquelle j'ai appris à compter depuis que mon coeur a appris à sentir et à rendre les plus douces affections. Procurez-moi donc la satisfaction de me voir dire ce que je vous dis maintenant du fond de l'âme: c'est que vous n'avez pas d'amie plus sincère et plus dévouée que Catherine Mestcherski.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Moi aussi je vous en veux, notre bien cher ami, de n'avoir pas répondu un mot d'amitié à mes deux lettres, et cependant j'espère que l'impression seule a manqué à des sentiments trop vrais et trop affectueux de mon côté pour ne pas être payés de retour, quand vous trouvez-le loisir d'y penser. Que Dieu vous bénisse et vous console, c'est la prière fervente de votre dévouée de coeur Sophie Karamsine.

Продолжение письма князя Вяземского.

Сделай одолжение, переведи мое введение к биографии Фонвизина. Я не умею сказать ничего полнее о нашей литературе, которая полна отсутствием. Если встречаешь где-нибудь Benjamin Constant, скажи ему, что он скоро получит от меня перевод мой «Адольфа» его. Перевод кончен и переписывается. Извини меня перед m-me Récamier, что я адресую письмо к тебе на имя её. Je m'autoriserai de cette inconvenance pour me présenter à elle, si jamais

le bon Dieu m'amène à Paris. Алексей Михайлович Пушкин уверял, что лучшие стихи Василия Львовича те, которые он к ней написал. Василий Львович и рад похвале. «Какие-же это стихи», спрашивают его, и Алексей Михайлович отвечает:

Madame Récamier.
Que vous me semblez belle!
Que n'êtes – vous tourterelle
Et moi ramier!

Разумеется, и стихи сочинения Алексея Михайловича.

720.

Тургенев князю Вяземскому.

23-го мая 1830 г., Париж.

Письмо твое, милый Вяземский, было для меня истинным утешением, хотя я не раз улыбался, видя, как ты преувеличиваешь мое чувство, мои понятия о моем несчастье. Нет, с нашею совестью я не могу быть так несчастлив. С Жуковским, с тобою и еще с немногими я не могу и на людей роптать. Я желал суда и оправдания, хлопотал за брата, потому что почитал это своею обязанностью; но не я решил брата на поездку: он сам на нее решился к моему ужасному страху и беспокойству. Судьба решила иначе, и теперь я спокоен, ибо вижу ясно свое будущее, и оно решено навсегда. Послал брату все письмо твое: и его оно утешит и порадует. Он всегда любил тебя; но искренность твоего участия, душа, коею полны твои строки, должны и его порадовать. Жалею, что долго уже, может быть, не будет случая переслать к тебе то, что он ко мне на твое письмо ко мне напишет. Утешайся и ты, что в самую тяжелую минуту жизни ты умел пробудить во мне чувство старой, закаленной дружбы к тебе, хотя, впрочем, письма ваши не имели того действия, какого вы ожидали от них. Напротив, у меня гора с плеч свалилась; я точно дышу свободнее с тех пор: честь приложена, а от беды Бог избавил. Но полно: не услышишь о сем более ни слова.

Ты пеняешь, что я не прислал «Гернани»; именно его то и послать собрался, но нет возможности. Перед мною груды брошюр и книг для тебя и Козлова и даже для Гнедича за Гомера, нарядов для жен и детей ваших и всякая всячина для тебя и для многих на Москве и в Питере; но все это возвратится во свояси, то-есть, в Пале-Рояль, в эту миниатюрную вселенную, где недостает только одного – тебя. Не возвратятся только мои наряды, коими и с тобой хотел поделиться и заранее повторял Василья Львовича:

Всему новейшие фасоны!

На образец пришло хоть застёжку. Между тем, посылаю «Гернани» и «Racine enfoncé». В Англии иначе бы вступились за Шекспира и в карикатурах. Посылаю послание из тюрьмы, еще трепещущее новостью появления. Козлову отдай в первый том первые две части Мура; другие две еще не вышли и вряд ли еще и написаны, хотя и печатаются; ибо лорд Лансловн, его сосед и покровитель, недавно здесь сказывал мне, что он их дописывает. «Les harmonies sacrées» Ламартина выдут к 10-му июня. Я даже в типографию посылал за листами, чтобы послать вам их, но и он дописывает; а между тем возит свою жену, англичанку, по магазинам и готовится быть представителем двора французского у греческого.

Сверчкова уехала, не заплатив мне двести с чем-то франков за тебя, ибо не доставало у ней денег на дорогу: обещала немедленно заплатить тебе в Петербурге. Она там будет к августу, а прежде в Карлсбаде.

«Газеты» Дельвига, о коей ты пишешь, я не получал. Отдал ли ты ее Матус[евичу]? Неужели Булгаков не уведомляет тебя о курьерах? Похлопочи о сем и присылай, что под руку попадет. Теперь, когда нет надежды к возвращению, еще сильнее захотелось русского духу, но не в России, а из России только.

Поблаговари Гнедича за Гомера и скажи, что я недавно, во время моей душевной смуты, получил его и оттого не отвечал; но уже говорил с первым переводчиком Гомера, Монбелем, о его предисловии, и если бы я достоин был быть хотя предисловия переводчиком и у меня был досуг, то и до отъезда на юг была бы уже статья в «Дебатах» и в «Глобе» или в одной из «Revue» о его бессмертии. Но как успеть? А сам я о Гомере знаю только по наслышке. Нет, виноват: давно я и его прочел, и мое классическое невежество только оста-

нется в шутках. Я и Библию прочел, когда перестал о ней ораторствовать в Таврическом дворце. Доберусь и до «Телемака», а недавно видел и Расинову «Гофолию», которой Лафон угощал здесь Неапольского короля; но Тальмы нет, и толстая Гофолия – Paradol не заменяет mademoiselle Georges, которая еще поддерживает и себя, и Одеон в Христинах и пр.

Присылай биографию Фонвизина, но за перевод не ручаюсь, хотя и обещал твою статью Бюшону, издателю de la «Revue trimestrielle», недавно ожившей после годичного усыпления.

Скоро оторвусь я и от здешних литераторов, с коими везде встречался. Италия займет меня совершенно и, после Германии, Франции, Англии, Шотландии и Бельгии, где я осмотрелся, Италия для меня будет совершенно новым занятием. Я найду там приятелей, коих отсюда заготовят мне; но всего лучше – я найду там небо ясное в октябре и развалины и утешусь великим утешением Иоанна Мюллера: погружусь в прошедшее, auf dass ich meine Zeit vergessen kann.

Обними Карамзиных. Встречу ли их в Европе? Вот уже шесть недель, как я ни о чем более не писал к брату, как о том, о чем уже писать ни к кому не буду, и гриммские письма мои прекратились и к нему. Но я переплел старый год, и если бы не было в нем адресов и кое-каких русских комеражей, то я бы отправил их к тебе. Это мне недавно пришло на мысль, ибо не опасаясь ни за себя, а еще менее за брата гласности; но как выписать оттуда все, в чем может встретиться надобность? Письма братнины были бы для тебя интереснее и наставительнее, ибо он пишет результат жизни, чтения, мыслей и опытов души; но с ними не расстанусь. Мои – тешили только Козловского, а брат читал их, как газеты. Для вас и старые газеты могут быть не без интереса.

Поклонись жене и детям от их нежного и верного друга и обними за меня себя. Княгиня Гагарина (Соймонова) и Свечина нежно тебе кланяются и повторяли о сем неоднократно.

Спокоен ли я? И мудрено ли, что спокоен? Я на горе высокой, и ажитации жизни под ногами моими.

721. Тургенев князю Вяземскому.

24-го мая 1830 г. Париж. [№ 1].

Вот вам, милые друзья, еще несколько брошюр. Вяземскому карикатуры: всего пять. К Даниловой принадлежит картинка с костюмами. Не знаю, Темира или Козлов желали иметь мелодрам. Посылаю ей три, а английских альманахов пришлю после, и ей прежде всех других, если сегодня не успею, и если комедии не она желала иметь. Я выбрал из новейших лучшие, по совету драматического печатника в Palais Royal – Barba. Скоро выйдет новая книга Manzoni.

Жаль, что все делается на-скоро и вдруг и что, получив сию минуту письмо из Чельтенгама, думаю о другом; по и вами было полно сердце, когда прощался с Ивановой. Сбирал для Вяземского записочки Вильмена, Арно, Дежерандо, Шатобриана, Жомара, Эйнара и пр., и пр. – и подарил Потоцкой. Скоро будет другая коллекция, ибо эпистолярные мои сношения иногда не уступают прежним.

Киселева кланяется Вяземскому. Она мила, и второй том Бобринской по любви к забавам. Целые дни и ночи просиживала в Palais de Justice, слушая суд над отравителем двух жен и дочери, оправданным присяжными (Bouquet). Я люблю под деревьями Тюлери болтать с нею о прошлом и знакомить с знаменитостями Парижа, кой мимо нас проходят. Сбираемся в Со на bal champêtre и в Charnier на бал и обед. Она оживила круг наш, опустевший с тех пор, как русские Коринны разъехались по водам. Что княгиня Софья Григорьевна Волконская? Скажите Алине, что здесь теперь madame de Serre для королевы Неаполитанской. Напишите мне все о первых двух.

На обороте: Жуковскому или Козлову, или Вяземскому.

722.

Тургенев князю Вяземскому.

24-го мая [Париж]. № 2. Вяземскому.

При «Гернани» посылаю тебе и две пародии. Другие, кажется, не напечатаны, да и не стоят печатного бессмертия, но в сих много смешного, и надобно видеть или прочесть прежде «Гернани», чтобы вкусить всю соль пародий. Я видел их и сквозь слезы смеялся. При «Racine enfoncé» посылаю тебе, яко главе романтиков, и костюмы их. Совсем не смешно, и англичане потешили бы иначе, но в словесной остроте и игре слов французы не уступают им.

Сбирался послать все, что вышло от имени записных прелестниц, коим полиция запретила являться в сумерки на улицах и останавливать прохожих; они исчезли с тротуаров, и одно шиканье их вспомогательниц нарушает благонравную тишину парижского сумрака. Рекламации их против префекта смешны и жалки, но я удержался отправлением во уважение той, которая везет это письмо.

В Монпелье намерен я пробыть несколько дней, если Фориэль успеет туда приехать. Он назначен профессором литературы в Женеву и начнет лекции в октябре, но прежде поживет в Монпелье и кончит большое свое творение о влиянии юга Франции на Францию и Гишпанию и Италию, а чрез них и на остальную Европу. Мысль совершенно новая, и результаты его изысканий, его исторических соображений, Ansicliten, разительны и любопытны. Прочту его или хотя часть прежде вояжа в Италию.

В записках Мура о Бейроне найдете, что Шеридан что-то сказал Бейрону о театре и Рекамье, но загадка не объяснена. Рекамье рассказала мне с прелестною простотою весь случай. В приезд её в Лондон толпа обожателей окружила ее, но мать стерегла свое нетронутое сокровище и обороняла ее от неугомонных поклонников. Шеридан был тогда au pinacle парламентарной и театральной славы своей, и герцогиня Девонширская назначила ему место в своей ложе, чтобы представить его парижской красавице. Но вот беда: английский оратор не умел сказать двух слов по-французски; изъяснялся чрез переводчика с красавицей, но, обвороженный её милым лицом, схватил платок её и спросил у переводчика, как сказать: «For ever»?— «Pour toujours», отвечал он. Он поцеловал платок страстно и спрятал его, повторив ей слова: «Pour toujours». Этот анекдот пересказали, вероятно, Бейрону.

В горах Овернских увижу Montlosier, с коим сближает меня дружба его к моим приятелям.

Пожалуйста, милый Вяземский, понаведайся о книжках и листочках, посланных мною в нескольких пакетах с Матусевичем в первый его поезд отсюда в Петербург, кажется, в январе или в декабре. Жихарев ничего не получал, а все адресовано было на имя Булгакова и Жуковского. Также и о шлафроке, с фельдъегерем из Берлина посланном. Устрой эти выправки и уведомя меня. Я обо всем писал уже прежде. Справься у Жуковского или Булгакова.

723.

Тургенев князю Вяземскому.

2-го июня 1830 г. Париж.

В ответ на первое письмо твое, в продолжение целой трети года писанное, отвечал я тебе с Ивановой, которую найдешь у Козлова. С тех пор madame Récamier прислала ко мне письма твои и Карамз[иных], «Литературную Газету» и седьмую часть «Онегина». За все спасибо, а особливо за письма. Отвечаю особо Карамзиным. Поблагодари Дельвига за журнал. Право, давно не читал такой занимательной газеты. В ней столько оригинальных статей: твои, Пушкина, Дельвига и другие можно прочесть и перечесть, хотя во многом я и не согласен с тобою. Как много знаете вы о нас, европейцах! Как умно многое судите или как дельно по крайней мере о многом намекаете! «Газета» Дельвига – петербургский «Globe». Кто таков Киреевский? Пришлите мне скорее его обозреели в «Деннице». Не сын ли он приятельницы Жуковского? Не он ли будет жить или уже живет в Мюнхене? Высылайте его скорее в Европу: дайте ему дозреть! Я уже люблю его за Новикова и сообщил бы ему записку Карамзина о нем и о больной его дочери, если бы мой архив был со мною. Я всегда досадовал, что никто в истории нашего просвещения ни слова не сказал о Новикове, а он точно и просветитель, и мученик. Вольные типографии им созданы в России, хотя вольного в них были только одни шрифты, а не то, что ими печаталось. Но он прожился и прожил других на них. Не забудьте и Походяшина, и типографии Лопухина и их товарищей. Новиков был часто их орудием и употреблял и их, как орудие. Переспросите у Дмитриева, как хаживали поэты и литераторы-переводчики к Новикову и получали не одно одобрение. Впоследствии дарил несчастных он чем только мог – слезою. Я видел его в нищете, видел его прежде, при выпуске из крепости Павлом, в бороде. Россия или её словесные представители не должны забывать этой бороды: она отпущена в шестилетнем заточении за издание Иоанна Арндта, за «Лексикон», конфискованный в Москве профессором Геймом, издателем «Лексикона». Эти случаи принадлежат истории, ибо образуют, характеризуют эпоху и принадлежат именно к истории нашей словесности. Замечательно и то, что сколько ни хлопотали мы о вознаграждении Новикова, он умер сам и оставил дочь и кажется, сына без куска хлеба, с ужасною болезнью, следствием мученических страданий отца и шестилетнего сиротства её. Еще раз спасибо Киреевскому, хотя в мнении о втором ценсурном уставе я и не согласен с ним: начала те же, что и в предшествующем: оставлен произвол и вымарана прекрасная статья 1803-го года; но после бесчестного варварства Шишкова он, конечно, должен казаться памятником государственной мудрости. В нем нет наказания за одобренное, за дозволенное законом. Еще раз: присылайте Киреевского, в лицах или в «Деннице». Я прочту ему и переписку нашу о двенадцатом томе «Истории Государства Российского», которой сообщить не могу.

На сих днях я нарочно познакомился на бале у Орлеанского с молодым St.-Priest, чтобы предложить ему перевод статьи твоей о Фонвизине. Он берется. обеими руками, и сегодня мы свидимся, чтобы переговорить о ней. Он отдает ее в «Revue Française» для Гизо, которому я давно обещал и на сих днях подтвердил обещание прислать статью твою о русской литературе вообще, и твое введение к Фонвизину может заменить ее. Жаль, что подробности статьи о московских журналах не могут быть любопытны и даже понятны для здешних читателей, но и в статье о Фонвизине сделал бы я кой-какие перемены, хотя в слог. Ты слишком вольничаешь; ты уже *не письма ко мне* пишешь и должен говорить и договаривать и особенно не слишком щеголять смелостью выражений. Конечно, «смелым Бог владеет», и я в твоём слог люблю самые недостатки, неправильности его, но публика составлена не из приятелей, и не все угадают тебя. Мысли твои об официальной нашей поэзии так верны и справедливы, и вероятно ты сказал бы еще более, если бы не обязан был восхищаться с

Киреевским превосходством ценсурного устава. Двор в нашей поэзии отразился еще более, нежели блеск оружия: ты говоришь противное, но перечитай Державина, которого я недавно прочел от доски до- доски в Лондоне. Чем более видел в нем великого поэта, тем более мерзился мне в нем русский царедворец, пока, наконец, не стошнилось мне от описания его семейственного препровождения времени с Пленирой, с которой он искал *в голове* не мыслей, а... В описании «банных строений» Лужницкого старца это было бы у места, но в поэтической жизни поэта-царедворца! Весь тогдашний век отразился в этой строфе Державина. Хвалебное же направление нашей литературы заметно даже – в ком бы ты думал? – И в тебе, хотя ты часто и цветами колешь, но я не смею приводить доказательств. Твою пиесу надобно не только перенести, но для иностранцев объяснить и примечаниями. В ней точно много ума и правды и, следовательно, беспристрастия. Я заметил только в одном месте какое-то непонятное в тебе пристрастие к русскому дворянскому воспитанию (стр. 134). Впрочем, твоя похвала так неопределительна, и я не знаю, хвалишь ли ты или бранишь, говоря, что воспитание действовало более в народном смысле. Где же этот смысл, да еще и народный? И почему нынешнее воспитание более отвлеченное? Вся эта фраза отличается той темнотою, которую иногда встречаю в твоём слоге. Но тут есть и несправедливость, неблагодарность, несогласная с твоим сердцем и, конечно, с твоим мнением. Неужели Вяземский искренно думает, что коренное основание воспитания – в Часослове и сожалеет о детях другого поколения, учившихся по Лафонтену? Впоследствии ты сам себе противоречишь. Мы встретились с тобою в цитате. Недавно прочел я здесь все путешествие Карамзина и слова: *Главное дело быть людьми а не славянами* так поразили, обрадовали меня, что я выписал все в письме к брату и жалею, что не могу теперь отыскать в его письмах ответа его. Эти слова, в молодости Карамзиным сказанные (я нашел их в его путешествии), доказывают (по вашему надобно бы сказать: обличают), что ум его угадывал прекрасное, ибо тогда еще и в Европе немногие так думали, и лакейский патриотизм господствовал. Жаль, что это же чувство не выразилось и в его «Истории»: там он иногда несправедлив и к массам, и к индивидуумам и судит некоторые исторические явления не своею душою, но по впечатлениям внешним, посторонним, ему чуждым. Не хочу приводить доказательств, но русская история не оправдывает прекрасной, истинно христианской, в душе Карамзина почерпнутой мысли: *главное быть людьми*. В ней иногда я вижу адвоката; вижу также иногда *и русского Бога*: он и в стихах уродство, и в истории! «Злодей-растрига»! Нет! Кто знает Карамзина только по его «Истории» – не знает его! Если бы я был писатель, имел «красноречие души», я бы, закрыв его «Историю», написал его биографию со слов его, с его физиогномии, со всей его прекрасной жизни, с ангельской, добродушной его улыбки и эпиграфом взял бы слова: «Главное дело быть людьми». Пожалуйста, не толкуйте меня криво: я люблю Карамзина ежедневно более. Согласите это с моим мнением о его «Истории». Но ты не дописал Карамзинского текста. Он, помнится, прибавляет: «Что хорошо для людей вообще, то не может быть дурно для русских». Как ты думаешь об этом, мой милый Кутейкин? примени это золотое правило к твоему пристрастию к Часослову.

3-го июня.

Вчера провел я с St.-Priest часа два в разговоре о нашей словесности, о политике, о планах новых его сочинений и он взял Дельвигову «Газету», чтобы перенести для Гизо статью твою и дочесть остальное. Я указал ему и на другие статьи твои и Пушкина, кой познакомят его с нашею новейшею литературою или, по крайней мере, с журналистикою. Он почти все читал, что вышло. Сестра его присылает новейшие книги и брошюры. Я надеюсь, что перевод его тебе понравится, хотя, вероятно, он многое и не примет, а иное объяснит не по твоему. В слоге его есть какое-то сходство с твоим; в доказательство посылаю или пошлю к тебе его отрывок о Гишпании от его имени. Он желал сказать слова два и об авторе статьи.

Я уже заявил Бенжамену Констансу о твоём намерении прислать ему перевод его романа. Я видел его на великолепном празднике в Palais-Royal, у Орлеанского, угощавшего королей и либералов и, желая показать его Киселевой, которую знакомил с достопримечательностями Парижа в лицах, нарочно заговорил с Констаном. Гуляя с Киселевой, я ещё чаще вспоминаю о тебе: она любит жить по твоему, à quelque exceptions près pourtant, и мне нравится её веселость. Недавно проводила она целые дни в Palais de Justice; теперь рыскает по окрестностям Парижа, и третьего дня мы провели вечер в Тиволи. Но жена брата её, графиня Потоцкая, урожденная Салтыкова, милейшее создание в здешнем русском мире: она всех обворожила. Хотелось бы проводить их в Англию, но там будет иное на уме. Я почти дал слово Рекамье: приехать к ней в. Дьерре в то время, как там будет Шатобриан. На сих днях провели мы с ним часа два в жарком разговоре о политических следствиях протестантизма. В новом своём сочинении о французской истории, которое издаст, вероятно, в конце года, он утверждает, вопреки почти общего мнения, что протестантизм не благоприятствует представительному образу правления; что во всей Германии протестантской нет сего правления, и что англинская конституция изобретена и образована во время католицизма. Эту мысль развивает он в своей истории, почитая её новою. Увидим, не переменил ли он отчасти свое мнение по прочтении того, чего ты читать не будешь, и для того лучше помолчать. Поверишь ли, что вчера, наедине с Рекамье, вспоминая слова и размышления Шатобриана, я заслушался её, может быть, более, нежели его. Она и душою, и образованным умом все постигает. А жизнь, обращение её с лучшими и умнейшими людьми её века познакомили её с каждою новою идеею, почти с каждою новою формою, в которой отливались идеи века. Ей ничто не чуждо, а там, где, как часто случается, душа источник мысли, например, в сфере религии, там я ей более верю, нежели автору «Духа христианства»; и она разобрала его мнения, его исторические парадоксы умом просвещенным, хотя и не совсем свободным от уз церковных, то-есть, от закоснелых догматов римской церкви, но я видел, что ум и душа доступны в ней и понятиям высшей сердечной, духовной религии, религии не для людей на земле, но для людей бесплотных готовимой; готовимой не здесь, но там, где и вера не нужна, кольми паче церковь, где будет духовный дуализм не человека с натурою, но человека с Творцом её. Эта мысль, это мнение не исключает необходимости привести, в этой ненадежной бездне, привести ум не только в послушание веры, по слову апостола, но даже и в послушание церкви, до слову графов Мейстеров всех исповеданий; и в сем смысле я согласен, не помню с кем, а кажется с Мейстером же, что догмат есть: *une vérité loi*.

1-го июня.

Сию минуту узнаю, что курьер наш едет в Варшаву (Хитров), и что оттуда посылаются два раза в неделю курьеры в Петербург. Не успею кончить письма, в котором хотелось дать тебе понятие о некоторых авторах и авторшах, и книгах, и проектах, кой теперь занимают меня, и отблагодарить Дельвига за «Газету» отчетом о всем том, что вижу, слышу я в Париже. И к Козлову не успею написать, но вы теперь вместе и вместе прочтете, что написано. Сегодня ожидаю к себе и St.-Priest с мнением о, а может быть уже и с переводом твоей пьесы. Но я вчера встретил и здешнего собирателя древностей исторических и литературных – Бюшолла, издателя de la «Revue trimestrielle», недавно воскресшей. Он давно просил меня сообщить в его «Revue» кое-что о русской литературе. Я указал ему на вашу журналистику, из материалов коей можно бы составить статью: «Sur l'état présent de la littérature russe». Но Rio переведет? «Revue» его делается опять любопытною.

Обними друга Жуковского и приятелей. Скажи Козлову о посылках вам с Ивановой. Темире, вместо альманахов, послал, хотя in 16®, но классика-моралиста английского, – Пался, который имел великое влияние на всю юность англинскую и шотландскую. Курьер,

кроме писем, ничего не берет. Не знаю, удастся ли послать и брошюру St.-Priest. Во всяком случае пошлю особо на имя Булгакова.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, при министре финансов, в Петербурге.

724.

Князь Вяземский Тургеневу.

25-го июня. [Петербург].

Сердечное спасибо за милое и длинное письмо твое от 2-го и 3-го июня и 4-го. Жалею, что нет времени отвечать на него обстоятельно. Сейчас сказывают мне, что есть оказия и что через час её уже не будет. Итак, вот ответ *sommaire*'ный: Киреевский «Денницы» – именно сын Елагиной (ныне), приятельницы Жуковского, но не мюнхенский: тот брат ему. Оба теперь в Европе учатся. Денницын, кажется, пока в Берлине, но будет в Париже и верно тебя отыщет. Статья его зелена слогом, а иногда и мыслями, по эта зелень – *цвет надежды*, Дурацкие журналы наши поймали несколько подобных выражений: «Душегрейка новейшего уныния», и доселе еще катаются на них.

Напрасно записываешь ты меня в пономари. Я не говорю: должно исключительно держаться Часослова; но напоминаю, что часословное воспитание давало нам Паниных, Румянцевых, Орловых, Храповицких, Фонвизиных; а ныне лафонтеновское дает нам кого бы назвать? Во множестве не знаешь, кого избрать. Представляю тебе весь Петербург на ладони. Бери, кого хочешь. Не забывай, что мы говорит, то-есть, выговаривать не можем, а только заикаться. Меня более другого должно читать междустрочно. В белых пропусках есть или пополнение, или изъяснение, или разгадка. Да в этом случае, замеченном тобою, кажется, ты совершенно не прав. Я все договорил или оговорил. Впрочем, ты сам, отец твой – часословные ученики; это не помешало вам быть европейцами, а только сохранило в вас русское начало. Где же набраться нам русского духа, как не в детских? В обществе нет его, в службе и не бывало. Если не запасешься им от нянюшек, дядюшек, бабушек, то дело конченное, и выдеть Тюфякин или Нессельроде, который, по городским слухам, живой покойник и замещен лондонским Ливеном. Благодарю графа St.-Priest за подарок его и за лестное обещание перенести статью мою. Его о Гишпании читал я с большим удовольствием и хочу составить из неё извлечение для «Газеты», которую посылаю тебе. Нет ли *lacunes* между первым отправлением и нынешним? Этот транспорт не так хорош. Дельвиг ленив и ничего не пишет; Пушкин женится. Жуковский посылает тебе роман Алексея Перовского, другой роман Загоскина, которым он, двор и город восхищаются, а я вовсе нет: по мне – это плоскость, разумеется, в европейском смысле, а не русском, потому что наши плоскости ровнее всякой степи; «Северные Цветы».

Я получил «Нерпани», каррикатуры и пародии. Попробуй пересылать ко мне что-нибудь книжного через Матушевича, разумеется, чисто литературного, такого, от чего и Красовский не поморщился бы. В «Деннице», на странице 121-й, найдешь ты стихи девицы, за которые московский Глинка, цензор, просидел неделю на гауптвахте с ценсурным уставом. В самом деле, он говорил: «Не я взят под караул, а устав» и нес его через улицу в сопровождении полицейского офицера Это стихи на смерть какого-то студента утопившагося, а им дали политическое перетолкование. Прости! Обнимаю тебя от всей души. Жалею, что меня застали врасплох и не дали расписаться.

725. Тургенев князю Вяземскому.

[Конец года. Париж].

On s'entretient beaucoup à Paris du départ soudain de m-r le comte Pahlen. Quelques journaux disent, que m-r l'ambassadeur de Russie a demandé un congé. D'autres prétendent, que l'empereur Nicolas est curieux de recueillir de sa bouche des détails intimes sur les hommes qui composent le gouvernement français. Ces deux versions sont aussi peu exactes, l'une que l'autre. M-r le comte Pahlen n'a pas demandé du congé, par la raison qu'il aimerait mieux, si l'on consultait ses goûts, passer l'hiver à Paris qu'à St.-Péters-bourg. Ajoutons, que m-r l'ambassadeur de Russie commit trop peu les hommes et les choses en France, pour donner à son souverain les renseignements que celui-ci pourrait désirer. L'empereur Nicolas a des correspondants à Paris, qui font mieux cette besogne, et qui ne lui laissent rien à désirer.

Le véritable motif de l'ordre tout-à-fait imprévu qui rappelle m-r le comte de Pahlen à St.-Pétersbourg est d'une autre nature. Il prend sa source dans des antipathies personnelles bien plus que dans la raison politique. L'empereur Nicolas fait profession d'une haute estime pour la France et les français, mais il affiche en même temps une haine puérile pour la dynastie⁴, élue en juillet. S'il mande en ce moment auprès de lui son ambassadeur à Paris, c'est de peur que l'absence de m-r le comte d'Appony n'oblige m-r de Pahlen à porter la parole au nom du corps diplomatique dans la cérémonie du 1-er janvier (но Поццо уже ораторствовал не раз). Voilà un caprice que l'on voudrait bien faire passer pour un événement politique. Mais l'opinion publique ne prendra pas le change. Tout ce qu'elle y verra, c'est le supplice infligé à ce pauvre m-r de Pahlen qui va parcourir 800 lieux pour éluder la responsabilité d'un compliment, et qui aura le voyage à faire pour venir reprendre ses fonctions.

⁴ Писано рукою Л. Н. Леонтьевой, а далее — рукою Тургенева.

1832.

726.

Князь Вяземский Тургеневу.

31-го октября 1832 г. Петербург.

Я получил письмо твое посланное через Москву, и письма с Гагариным. Принадлежности роздал и разослал, кому следует, кроме коробочки Нефедьевой, которую перешлю по оказии. Спасибо за милые письма, которые так и высасывают слюнки на губы, а ты еще хандришь, да умничаешь. Запускай себе несколько аршинов макарон в горло каждый раз, что дурь будет находить на тебя: лучшего лекарства не знаю для тебя. Право, дуришь, и тебя хоть бить! Ты из несчастных самый счастливый человек на свете; лучше же, нежели из счастливых быть самым несчастным, а третьего выбора нет. Все люди, умеющие горячо чувствовать, и принадлежат к одному из двух разрядов. Все прочие – животные. А ты еще имеешь способность быть и животным: трескать и храпеть для тебя сладострастие. Перестань Бога гневить! Ты испытан несчастьями, и то в пользу тебе. Провидение помазало чело твое м^нгом испытаний, и за то чело твое светлеет между простонародными лбами площадной братии. Хорош бы ты был без этого помазания! Ты оплыл бы, отек бы дурацким счастьем и самодовольством, и светлелись бы только на губах твоих говяжий жир и коровье масло. А мы здесь сколько пострадали! Голубушка Смирниха напугала нас ужасно. Роды её были самые бедственные: делали ей несколько операций, промучилась она 45 часов, и, наконец, должны были раздавить в ней голову робенка и вытащить его мертвого. Теперь она спасена, и ей лучше. По крайней мере, жизнь спасена, а с здоровьем Бог знает, что будет. Как скоро можно будет, ее довезут в Берлин; может быть, еще и в конце нынешнего года. Голубушка выдержала все мучения, все истязания с ангельским терпением и с геройским мужеством. Доктора говорят, что никогда не видали они ничего подобного, и что спасена она твердостью своею и присутствием духа. Не могу выразить тебе, каким умилением и благоговением был я исполнен в ней во всю эту эпоху ожиданий, страха и надежды! Удивительно, как во все это предпоследнее время возмужала она умом и укротилась правом.

И со мной совершились преобразования, но, слава Богу, не столь бедственные. Имею честь объявить, что я уже 15 дней как женат и отец семейства. Я рассылал о том известительные билеты по знакомым своим, то-есть, знакомкам, но однако же без черной опушки. Мысленно ищи нас теперь на Неве, у Гагаринской пристани, в доме Баташева, бывшем Масальского, третий дом от Прачешного моста. Покой довольно хороши, поместительны и благопристойны. Как мы жалеем, что здесь нет ни тебя, ни Жуковского, чтобы на первые поры заселить и обжить вечерний чайный стол! Начала здесь довольно туги. Все так друг к другу примерзло, что ничто не раздается и не растворяется, чтобы выустить в ледовитое лоно свое кого и что-нибудь со стороны. Пока сам не начнешь остывать и не займешь, то некуда прильнуть. Надобно *обсосьничаться*, и тогда приминешь к общему обвалу. Впрочем, жена моя и Маша кое-где уже дебютировали и, слава Богу, довольно порядочно.

Другое превращение мое в том заключается, что я назначен исправляющим должность вице-директора Департамента внешней торговли, при Бибикове, который остался на своем месте. Завтра, с первого числа, начну вице-директорствовать. Отслужи молебствие за мое вице-директорство и моли Господа о ниспослании на мою голову благословения внутреннего и внешнего, так чтобы не остался я навсегда внешним по делам и новым обязанностям моим.

Ты всегда присылаешь мне, Бог знает, что за книги. Уж если есть случай, так присылай хорошее и стоящее;

А то, в Италии на солнце пузу грея,
Ты подогретого мне присылаешь Грея.

Добро бы еще, если к этим многоязычным образцам припечатал бы ты и образец Жуковского. Вперед прошу присылать сочных книг, а не то стану отсылать их тебе на твой счет. Смерть досадно: обрадуешься толстому пакету и вытащишь какую-нибудь макулатуру. Прошу теперь присылать мне книги по части коммерции на каком языке бы ни было, только замечательные, но особенно же французские и немецкия. И книги сего рода можешь отдавать нашим консулам или министрам, с означением, именно какие книги для доставления в департамент на мое имя, то-есть, имя исправляющего должность вице-директора. А поелику ты энциклопедический паровик, то прошу составить мне записку о лучших сочинениях сего рода, вышедших в последних годах или и ранее, но мало известных, и о журналах, периодических изданиях, товарных лексиконах, энциклопедиях, выходящих ныне по сей части и частям, к ней непосредственно примыкающим, и прислать мне поскорее; а если сам не сможешь, то посоветуйся в Париже и в Лондоне. Мне хочется составить библиотечку для обихода департамента нашего, для перевода на русский язык нужнейших и лучших книг по сему предмету и для приучения себя грешного. Сделай одолжение, займись этим *con amore* и вышли поскорее что можно из книг и записку, особенно с поименованием журналов, на которые следовало бы подписаться на будущий год. Италия – земля не слишком благораспороченная для подобных изысканий, но именно во Флоренции есть, кажется, хорошая журнальная библиотека, да и к тому же не даром ведь Шатобриан провозгласил тебя во услышании вселенны *homme de toute sorte de savoir*. Прошу же теперь расплачиваться за славу свою. А я, хотя и не числюсь по всем сортам *de savoir*, но тнусь также около некоторых сортов.

Буду говорить тебе о Дубенской, которая также больна, но, слава Богу, не так же, как Смирнова. Твои письма давал я читать молодой Толстой, фрейлине великой княгини, с которою ездила она по Италии. Фикельмонтша также просила меня прочесть ей твои, письма. Смотри же, не слишком завирайся и не неси – . Вот тебе письмо от австрийской красавицы. Она извиняется перед тобою, что пишет мало и наскоро, жалуясь на меня, что я торопил ее. Скажи княгине Гагариной, что с удовольствием займусь поручением её и соберу, что могу. Приятно мне было видеть сыновей её, особенно одного, который ее напоминает. Что знаешь о Жуковском? Обойми его, если где встретишь. Карамзины в Дерпте, здоровы; хочется зимою взглянуть на них. Получил ли ты письмо мое, посланное в Мюнхен? Завадовской не видать. Она в трауре по старушке Вяземской, которая села в гроб: положить ее, вероятно, нельзя было. Где графиня Болеслас-Потоцка? Надеюсь, что ты влюбишься в нее, а между тем отдай ей эти стихи, написанные в ответ на цитованные ею из Батюшкова. Видел ли Киселеву или увидишь ли? И ей мой сердечный поклон. Что делает она и навсегда ли она для нас пропала? Скажи ей, что я душевно ее люблю и душевно ей предан и готов бы на старости лет душевно влюбиться в нее, если бы она была на глазах.

Здесь веселия еще не оперились. Вероятно, оперятся не прежде шестинеделия императрицы. Теперь идет музыка. Сегодня едем слушать *madame Caradori-Allan*. Обещали, было, Паганини на зиму, но что-то не едет. Пришли его. Боюсь упустить все знаменитости. Наполеона, Байрона прогулял; того смотри, что и Паганини свалится. Хорошо, что я успел тебя узнать.

Жена и дети тебе кланяются и кивают сердцем. Прости, мой Паганини, моя Эоловая Арфа, мои самородные гусли! Обнимаю тебя от всей души и желаю тебе благоразумия, то-есть, менее ажитации.

727.

Князь Вяземский Тургеневу.

30-го января 1833 г. [Петербург].

Воля твоя, ты блажишь и ребячишься и еще просишь советов. Что можно тебе присоветовать, когда ты хочешь поступать не по рассудку, а по прихоти! Все это дело было уже бито и перебито. Нового ничего нет; все осталось по старому. О чем же ты хлопочешь? Париж запрещен русским; если и есть исключения, то тебе ли просить исключения? Говорившим о тебе Нессельроду он отвечал: «Я просил, я умолял Тургенева не заводить речи о Париже, оставаться в покое несколько времени, не напоминать о себе». То же скажет он и теперь. Все твои здешние приятели того же мнения и уверены, что всякая попытка о разрешении тебе ехать в Париж останется без успеха на настоящее время и только повредит тебе в будущем. Князя Александра Николаевича я не видал еще; при первом случае переговорю с ним, но, по собственному убеждению и по уверению Булгакова, заранее знаю, что это ни к чему не послужит. Да и никто из принимающих участие в тебе не захочет входить с представлением по этому делу, в уверении, что кроме вреда, то-есть, кроме новых неблагоприятных впечатлений, ничего из того не будет. Оно ясно, как дважды два четыре, и охота тебе *chercher midi à quatorze heures*! Ты знаешь, что к тебе не благоволят; знаешь, что общая мера принята, запрещающая русским въезд в Париж; знаешь, что эта мера более политическая, нежели иная и, разумеется, должна иметь в виду людей именно подпавших предубеждениям и неблагоприятию правительства. По какому же поводу полагаешь ты, что правительство разрешит тебе, что запрещает другим, когда ты предпочтительно один из тех, *pour qui ou inventerait la loi, si elle n'existait pas*. По какому поводу? Потому ли, что в Париже брат твой, который в неприязненном положении против правительства? рассуди сам и убедишься в несообразности своих требований. Да и что тебе делать в Париже? Я уверен, что твое тамошнее пребывание по возможности вредит даже и брату твоему, пробуждая внимание на него. Один – он отрезанный ломоть от России, и, без сомнения, мало и помышляют о нем и наконец забудут; при тебе рана его не может затянуться и остается открытая. Наблюдения за тобою падают неминуемо и на него. Предубеждения против него усиливаются предубеждениями против тебя. Ты даешь им присутствием своим тело, образ, жизнь и действие, ибо ты сохраняешь сношения свои с Россиею и, живучи с ним, ты как будто и его *tacitement* вводишь в эти сношения. Блого, что он там, и оставляют его в покое.

Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больнова
В его дремоте не тревожь!

Один он там в безопасности, ибо дело его кончено: он умер для России и правительства. Сам-друг с тобою он оживает в тебе, ибо ты, хоть и еле жив, но все еще дышешь, и, следовательно, *la loi a prise sur vous*. При настоящих делах во Франции нельзя ручаться за будущее. Поляков ведь выслали же из Парижа. Без тебя, я уверен, что брата твоего никогда не вышлют и не сделают ему ни малейшей неприятности, ибо, повторяю, дело его кончено. Но при тебе положение его может перемениться, и легко может он пострадать за тебя. Да и что за нетерпение! Погоди, так ли, сяк ли, дела развяжутся, и Франция растворится. Помилуй, Шельда и шире тебя, да и она заперта, и вот более двух лет хлопочут, как бы отпереть ее, да все не удастся. Покорись и ты необходимости и поставь себя в число европейских вопросов, которые ожидают развязки от времени и обстоятельств. Конференции наши о тебе, как и все конференции, только что более запутают дело. Окончательно: просить за тебя ни к чему не

ведет, а может подвергнуть тебя исключению в будущем, когда всем разрешится Париж; ибо просить не во время и не кстати есть повод не только к отказу, но и к дальнейшим неприятностям. При нынешнем положении дел во Франции, при неверности, зыбкости всего и всех, присутствие твое в Париже, сближение твое с братом, который без тебя мертвец, а при тебе оживает, вредно не только тебе, но может быть опасно и для него. Ехать тебе без позволения и вопреки запрещению, разумеется, зависит от тебя, как и всякое сумасбродство; но предстоит ли такая крайность, что ты должен всем жертвовать и будущим своим, чтобы избавить себя от хандры, которую развлечь можешь иначе; а особливо же можешь уgomонить сознанием, что ты поступаешь благоразумно и исполняешь обязанность свою. Одно средство имеешь ты ехать или съездить в Париж: постарайся, чтобы при случае посланник русский отправил тебя с депешами.

Кажется, все высказано, что было на уме, на сердце и на совести, Прости теперь. Я получил твои письма и книжки от князя Голицына. Буду отвечать на все в другой раз. А на этот – спасибо и за финансово-ученое розыскание. Обнимаю тебя. Все мои сердечно тебе кланяются.

Вот что Дмитриев отвечал мне на твое поручение: «Маленькому Гримму можете при случае сказать, что я был е есмь все тот же; по он сам хотел казаться не тем же: заглядывал к нам только из благопристойности. Мы, конечно, не Балланши, не Шатобрианы, но все-таки были бы ему паристее, нежели красивые девушки, в беседе которых он только и находил удовольствие. Прибавлю еще, что я теперь люблю его по прежнему и не перестану желать, чтоб он скорее возвратился и способности свои посвятил на полезную службу отечеству».

728.

Князь Вяземский Тургеневу.

6-го февраля 1833 г. С.-Петербург.

Я вчера был у князя Александра Николаевича: он мне читал письмо твое к нему; сказывал, что говорил о нем, с кем подобает, и хотел тебе отвечать сам лично. Между тем предваряю, что он не одобряет твоих путешественных планов; что никто их здесь не одобряет, и не имеет тебе разрешения на то. Если в самом деле нужно тебе проехаться – съезди в Англию для устройства своих денежных дел, свидания и переговоров, с кем следует. Сердись или нет, а все приятелям твоим говорить тебе нечего, как одно: успокойся, не ажитируйся, не пень тоски своей; пускай она отсядет. Разумеется, есть тебе о чем тосковать, но именно потому и не зачем тебе искать новых огорчений. Желать невозможного, желать в свою пользу исключений от общего правила есть напрашиваться на неудачу, следовательно, на неудовольствия. Голицын сказывал мне, что не писал тебе за незнанием, куда писать, ибо ты никогда не давал ему адреса своего. Ос мне говаривал это несколько раз и прежде при наших встречах; и, между прочим, раз прислал ты мне через него какую-то брошюрку без письма, но с надписью и выговором, что по такое-то число не имел еще ты ни одного письма от меня; и он мне на это сказал, что он это принимает косвенным выговором и на себя. Ты напрасно ищешь посылки моей в мюнхенском почтамте; ищи ее в нашей миссии, то-есть, у Потемкина, куда она отдана, по словам здешнего баварского посланника графа Леркенфельда. Кажется, мудро ей пропасть, а разве где-нибудь она залежалась. Я говорил Гагарину о продаже книги его в Риме попечениями Деликати. Ты через него также должен получить деликатность от меня.

Я сегодня с похорон Гнедича. Гриппа доканала его. Он умер тихо и приготовившись. Жуковского калмык закрыл глаза ему. Он все свое земное совершил: перевел и напечатал Илиаду; не задолго перед сям выдал том своих стихотворений. Вообрази, что Хвостов на погребении раздавал стихи, какую-то торжественную оду ко Христу. Вчера похоронили мы Долгорукову-Гагарину, жену князя Василия. А между тем вот и блинная неделя, и мы с бала на бал катимся, как по маслу. Сегодня бал австрийский для царской фамилии; после завтра маскарада в Уделах. Готовятся кадрили – императрица и двор красавиц: Завадовская, Радзивиллова-Урусова, наша птичка-Дубенская и многие другие. Другая кадрили составляется под предводительством графини Долля. Я тебе напакостил с Дубенской: сказал ей, что в последних письмах нет ни слова о ней. Смирнова должна быть теперь в Берлине. Твои коробочки и прочее послано в Москву к Нефедьевой.

7-го.

Вчера на бале австрийском говорил я пернатке-Дубенской, что в письме, вчера же от тебя полученном, было словцо и о ней, Она благодарит тебя, а потом буду кормить ее твоими скромными письмами. Теперь у всех у них головы и ноги вертятся, и, как мой испанец в притче à la Chwostoff,

Все пляшет,
Ногами, головой, руками, брюхом машет.

Говорил я с тобою на бале же и с Долгорукою, сестрою флорентинской Потоцкой, которая, слава Богу, по крайней мере не вальсирует и не танцует мазурки и к которой между французскими кадрилями можно, следовательно, присоседиться на бале и променять несколько идей и слов. Она также очень мила, не фантастически, как сестра её Потоцкая,

по рационально, и вообще разговор с нею на бале очень хороший *рацион* для голодных ума и сердца, натошак изнемогающих посреди роскошных пиршеств наших. В самом деле, на балах наших точно мучение Танталово: много лакомых прелестей; хочешь прильнуть к ним мыслью, закусить их чувством, не тут то было: вихрь вальса давно умчал их, и остаешься, разинув рот, и только-что закусишь губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.